

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

1
2015
ЯНВАРЬ •
ФЕВРАЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Субаев Р.Р. (Москва). Имперская политико-идеологическая традиция в Юго-Восточной Европе как методологический принцип изучения истории Балкан: к вопросу о природе «мегал-идей»	3
Косик В.И. (Москва). Константинополь – русская дорога	22
Хлебникова В.Б. (Москва). Роль династических связей России и Черногории в выстраивании политического сотрудничества на рубеже XIX–XX веков	32
Новосельцев Б.С. (Москва). Записка Н.С. Хрущёва о беседах с Й.Б. Тито (январь 1963 года) ...	42
Якушкина Е.И. (Москва). Историческая лексикография и лексикология сербского языка (обзор словарей и исследований)	56

СООБЩЕНИЯ

Леонтьева А.А. (Москва). Наследственные протоколы кадийского суда XVII – начала XIX века в болгарских землях	65
Милованова Т.С. (Москва). Творчество Лермонтова в восприятии Константина и Ивана Аксаковых	71
Покивайлова Т.А. (Москва). Загадка гибели командующего 4-й румынской армии генерала Г. Аврамеску	77
Шемякин А.Л. (Москва). Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014)	82
Федорина Г.А. (Москва). Удвоение определения с притяжательным значением в болгарском языке	87
Тешевич В.Ю. (Москва). Автопобуждение в русском и сербском языках	93

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Герд Л.А.</i> Voisines fragiles. Les relations interconfessionnelles dans le Sud-Est européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: contraintes locales et enjeux internationaux	101
<i>Косик В.И.</i> Й. Гешева. Консерваторите, партията, личностите и изграждане на българската държава 1879–1886 г.	105
<i>Николаев Д.А.</i> Г.И. Шевцова. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913)	108
<i>Покивайлова Т.А.</i> И.Э. Левит. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.)	110
<i>Макарцев М.М.</i> Semantyka Rosji na Bałkanach	114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Копченова И.В.</i> Конференция «Круг жизни в славянской и еврейской культуре»	116
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Носов Б.В., Фалькович С.М.</i> К юбилею Зофии Зелиньской	122
<i>Ефимова В.С.</i> К юбилею Григория Куприяновича Венедиктова	124
К юбилею Виктора Ивановича Косика	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2015

© 2015 г. P.P. СУБАЕВ

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ БАЛКАН: К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ «МЕГАЛО-ИДЕЙ»

Методологические расхождения в подходах к изучению проблем Западной и Восточной Европы во многом обусловлены непризнанием в историографии фактора имперской политической традиции в Юго-Восточной Европе. Этот фактор, отражающий преемственность Византийской и Османской империй по отношению к исторической традиции Римской империи, непосредственно влиял на формирование идеологии национально-освободительных движений балканских народов и внешней политики четырех стран, выраженной в концепции «мегал-идей».

Methodological alternations in studying the problems of Western and Eastern Europe are in many respects caused by historians' negligence of the factor of imperial political tradition in South-Eastern Europe. This factor, which reflects the continuity between the Byzantine and Ottoman Empires on the one hand and the Roman Empire on the other, had been influencing the formation of ideologies of the national liberation movements of the Balkan peoples and the foreign policy of the four countries, which was manifested in the concept of «megaloides».

Ключевые слова: «мегал-идеи», идеология, преемственность имперской традиции, «туркофилия», национализм, империализм.

Проблемы, вынесенные в название статьи, относятся к сфере идей и политических теорий, сфере, которая за прошедший век оказалась наиболее скомпрометированной не только в массовом сознании, но и в воззрениях многих специалистов. Но сфера идей – это не только партийные доктрины, это и духовно-цивилизационный контекст истории, та канва, по которой политическая история вышивает свои увлекательные картины.

Идеология – оружие обоюдоострое. Чураясь идеологии, целые научные школы оказываются у нее в плену. Такова была и во многом пока остается и история Балкан. Здесь история как наука еще только начинает робко отделяться от «истории» как инструмента идеологического воспитания и политической пропаганды. Речь идет и об отечественной, и о национальных балканских историографиях.

При этом современная западная историография, включая историков балканского и турецкого происхождения, живущих и работающих на Западе, тоже не будучи свободной от политического ангажемента, чаще добивается более значительных результатов на пути осмысления комплекса балканских проблем. Однако, несмотря на лидерство в проблемно-постановочном и методологическом плане,

Субаев Рашид Рашатович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник института славяноведения РАН.

великой мировой христианской империи. Во всех частях света миллионы людей почитают папу как своего главу. Поэтому он [...] является повелителем Римской империи и наследником римских цезарей» [5. С. 248].

Развитие имперской традиции и ее исторические судьбы на востоке Европы имели ряд столь серьезных отличий от Запада, что они, видимо, и повлияли на сниженное восприятие этого явления историографией. Этих отличий первого порядка три: 1) эффективное оспаривание здесь универсальности имперского принципа и монополии одной империи; 2) «ориентализм», политический и идеологический, характерный для всей эпохи Византии и восходящий еще к поздней Римской империи; 3) изменение конфессиональной природы империи.

Проблема существования имперской традиции на юго-востоке Европы требует осмысления в двух измерениях: пространственном и хронологическом. Первое приводит к констатации факта расчлененности имперской идеи и практики на Балканах, немыслимой для Западной Европы. Принцип допустимости существования «параллельных» империй прошел красной нитью сквозь десять веков истории Балкан вплоть до событий Балканских войн⁴.

В 913 г. после ряда успешных войн с Византией болгарский хан Симеон I был коронован в качестве василевса патриархом Николаем I Мистиком во Влахернском императорском дворце. Этот факт выходит далеко за рамки дипломатического маневра в виде одарения варвара пышным титулом. «С тех пор как появился еще один василевс, [...] император в Константинополе уже не был единственным гарантом дальнейшего существования единственно истинной Церкви, предлагавшей единственный путь спасения всему человечеству», – пишет американский историк Э. Люттвак. «Если правитель Болгарии мог назначать своего патриарха, который, в свою очередь, мог помазать его на царство как василевса, то император в Константинополе уже не мог заявлять о том, что в ойкумене, в христианском мире, есть лишь один легитимный император» [6. С. 268, 270–271]. Эта принципиально новая идеологическая ситуация, возникшая в 913 г., просуществовала на Балканах ровно тысячу лет и напрямую повлияла на выработку политической линии царя Фердинанда Кобурга накануне Балканских войн 1912–1913 гг.

Разгром и уничтожение Византией Первого Болгарского царства и османское завоевание Второго не сняли претензии болгарского этноса на роль системообразующего фактора имперской политической модели на Балканах. Периодическое ослабление каждого из этносов-претендентов на обладание Империей: греков, болгар, сербов – вызывало усиление претензий другого конкурента, переживавшего период подъема. Турки-османы, вступившие в конкуренцию за Восточную империю позже других участников, представляли собой четвертого претендента на имперский статус. В ходе национального возрождения подчиненных османами балканских народов исторический факт существования в прошлом нескольких империй делал идеологически непримиримым конфликт между греками и болгарами на фоне установления «особых отношений» между греками и турками в системе бывшей греческой, а ныне Османской империи.

Второй вопрос относительно имперской традиции на Балканах встает во временном плане: прервалась ли она в 1453 г. с завоеванием турками Константинополя или существовала и после в новом качестве в форме Османской империи?

Первая попытка дать ответ на этот вопрос была предпринята Дж. Янгом, который долгое время был сотрудником британской дипломатической миссии в Константинополе, в классической работе «Национализм и война на Ближнем Востоке»

---

⁴ Многочисленные случаи существования на Западе конкурирующих императоров (но не империй!), а также пап и антипап не оспаривали принципа универсальности империи как политической системы, а церкви как духовной.

[7]. Для Янга в его выводах для признания исторического континуитета имперской традиции оказалось еще в 1913 г. возможным перешагнуть через исламский характер Османской империи, перед которым до сих пор как перед непреодолимым препятствием останавливается отечественная историография. По мнению Янга, империя на Балканах как институт и форма политического обустройства региона никуда не исчезла с утверждением здесь османов, она лишь видоизменила внешнюю оболочку. Соответственно, и изучение причин и предпосылок Балканских войн, с точки зрения Янга, следует отнести в прошлое к дате падения Константинополя 29 мая 1453 г. Именно в этот день произошло очередное политическое переустройство Балкан на этноконфессиональных принципах – империей овладели турки-мусульмане⁵.

В дальнейшем тезис о преемственности на Балканах имперской традиции наиболее последовательно был развит уже в балканской историографии. Непреходящее значение для его осмысления имеет также классическая работа румынского историка Н. Йорги «Византия после Византии» [8]. С его именем связано не только зарождение «метавизантистики» как самостоятельной исторической дисциплины, но и повторение вслед за Дж. Янгом тезиса о сохранении особой роли греческой нации и констатация особых греко-турецких отношений в системе Османской империи. В силу ряда политических причин балканская историография, будучи пионером в разработке темы имперской традиции, позже была вынуждена сдать эти свои позиции. Западная историография и политическая публицистика XIX–XX вв. уделяла этому фактору гораздо больше внимания, однако обобщенных констатаций этого принципиального подхода к проблеме балканской истории, следующего шага после достижений Янга и Йорги, до сих пор не отмечалось. Правда, в последнее время интерес к этой проблеме заметно оживился⁶.

В последнее время в западном научном сообществе, занимающемся проблемами византистики, османистики и балканистики, широкое распространение получил возникший еще в XIX в. в греческой историографии термин (и обусловленный им подход к проблеме оценки османского военного господства) – «туркократия» (см., например [10]). По моему мнению, и сам термин «туркократия», и его сущностное наполнение греками разительно отличается от семантики категорий восприятия османского господства историографией славянских народов Балкан, для которой характерны не только более эмоциональные оценки, но и принципиально иное содержание: рабство, иго, гнет. Напомним, что семантически термин «туркократия» восходит к греческому глаголу «крато», означающему – «держат, удерживать», или к существительному «то крátос» – «государство, держава». Для обозначения понятия «господство» в греческом языке есть термин «κυριαρχία». А что касается термина «иго», то он по-гречески звучит как «ζυγός». Соответственно, фраза «турецкое иго» означает по-гречески «τουρκικός ζυγός», а отнюдь не «τουρκοκρατία». Однако во всех известных мне недавних работах о периоде турецкого господства в Греции речь идет именно о «туркокрации», а вовсе не о «турецком иге» (см., например [11. Р. 57, 127, 138, 143, 150, 196]). В абсолютном большинстве случаев греческие авторы этих работ в аннотациях к ним на английском или французском языках употребляют термины: «The Turkish Period», «The Period of Ottoman Rule», «L'occupation ottomane», «La domination ottomane», «Ottoman

⁵ В этом Дж. Янг, как мы увидим далее, безусловно, следует за И. Коллетисом и его знаменитой речью 1844 г. о «Мегало-идее» (см. ниже).

⁶ Из основных работ укажем [9]. Также активность научных центров Салоник, Ретимно (Греция), Думбартон-Окс, Сакраменто (Центр изучения эллинизма имени Спироса Вриониса), Нью-Йорка (Центр греческих исследований имени Онассиса) (США), Босфорского университета (Турция, бывший Роберт-колледж) по проведению симпозиумов, сопровождающихся публикацией сборников докладов, уже не может считаться простой «пробой пера». Приходится считаться с тем фактом, что в отношении затрагиваемых ниже проблем по сути уже сформирован научный «мейнстрим».

Occupation», «Turkish Rule», «Ottoman Domination» (именно так переводя термин «туркократия»), а не – «Turkish yoke» или «Joug turk» (турецкое иго), которыми были полны работы западноевропейских авторов конца XIX – начала XX вв.

Для греческого национального сознания эпохи «туркократии» совершенно нетипично восприятие исторической реальности как «турского рабства», как его воспринимали, например, болгары. Также невероятно было бы ожидать появления в новогреческой литературе произведения типа романа И. Вазова «Под игом».

Новые тенденции употребления термина «туркократия» состоят в распространении его значения не только на фактор оценки военно-политического господства турок, но и на отмечаемый нами выше фактор имперской политико-идеологической преемственности на Балканах [12. Р. 79–113]. Трансформация империи из состояния «византийского тысячелетия» в «туркократию» осуществляется не только без цивилизационного краха, но и без четко ощущаемого социокультурного порога [13. Р. 193–223; 12. Р. 94–95, 96–98]. При этом вопрос об османском завоевании Балкан отделяется от вопроса о трансформации империи как таковой, что в общем справедливо. И хотя четкой и ясной концепции «туркократии» по сравнению с привычной концепцией завоевания Византии турками-османами до сих пор не представлено, я готов принять тезис о наступлении с 1453 г. в империи эры «туркократии», но с двумя серьезными оговорками.

Во-первых, речь в данном случае может и должна вестись только о греках, то есть о трансформации этнически греческой (называемой современниками «Ромейской»), а позднейшими европейскими историками «Византийской») империи поздних Палеологов и Кантакузинов. Что касается славянского населения Балканского полуострова, то оно-то в полной мере испытало на себе и социокультурный шок, и цивилизационный крах, и (что касается болгар) разрыв исторической традиции – все то, что с большим или меньшим основанием может быть принято к рассмотрению в качестве последствий завоевания, характеризуемых термином «иго». К установлению на Балканах именно такого режима – османского ига, немалую руку приложили и православные греки. В литературе давно установлено, что особые социально-психологические характеристики греческого этноса обеспечили бы ему преобладание и заполнение собой административной страты в любой империи, какая бы ни восторжествовала на Балканах: болгарская, сербская или турецкая. «Греки знали, каким образом им нужно стать необходимым своим новым хозяевам» [14. Р. 238]⁷.

Во-вторых, «медовый месяц» туркократии окончился для греков довольно быстро в силу более глубокой исламизации и ориентализации империи османов после дальнейших завоеваний на Ближнем Востоке, прежде всего Египта и Аравии. Обладание турками священными для мусульман городами Меккой и Мединой, а также Иерусалимом, уравновешивало в религиозном плане владение ими великим городом на берегах Босфора, городом-символом, обладающим наряду с Римом имперским статусом, в плане политическом и идеологическом. С провозглашением османского султана халифом правоверных произошло отдаление империи-султаната от греков и от их идеала восстановления империи через ее перерождение.

При условии принятия этих допущений, новые аспекты концепции «туркократии» как, хотя и насильственного по форме, но все же не деструктивного по характеру перехода региональной гегемонии и имперского статуса в руки новой этнической группы – турок-османов – могут быть предложены в качестве дополнительного аргумента в пользу принятия тезиса континуитета имперской традиции на Балканах. Сопоставление Византийской и Османской империй на основе накопленных современной историографией выводов придает больший вес

⁷ См. там же о способности греков «переваривать» своих завоевателей: как римлян в древности, так и турок; о роли греков в административной системе см. [15. Р. 100].

фактору преемственности империй на основе социально-экономических, политических и идеологических аспектов, нежели их противопоставления на основании религиозных и этнических (см. [16])⁸.

Хотя политически и идеологически исламское видение мира состояло из «мира ислама» (*Dar-al-Islam*), населенного мусульманами, и «мира войны» (*Dar-al-Harb*), населенного неверными, политический имперский принцип не был полностью вытеснен религиозным. Как указывал выдающийся польский турколог З. Абрахамович, титул *кайсер-и Рум* «(восточно)римский император» широко применялся в Турции XVI–XVII вв. для обозначения османских султанов. Сами султаны тоже считали себя «наследниками императорского престола» и, что более важно, «(восточно)римскими императорами». Вплоть до подписания Житваторокского мира 1606 г. с Габсбургами османы титуловали императора Священной Римской империи только *Бэч кыралы* – «венским королем» (Бэч – «Вена» из венг. *Bécs*). Возможно, с османской стороны это делалось сознательно, чтобы подчеркнуть план вторичного объединения Римской империи в руках одного правителя. В данном договоре впервые титулы императора и султана были уравнены. Оба назывались «цезарями». Это означало признание баланса сил в военном, политическом и идеологическом плане [18].

Складывается впечатление, что и отечественная историография стоит, наконец, на пороге признания роли и значения имперского фактора в изучении истории Балкан. В работах многих российских балканистов данная проблема рассмотрена в различных ракурсах [19]. Окончательное утверждение в российской историографии данного подхода будет иметь весомое историософское значение, сблизит принципиальные подходы и методологию анализа конкретных проблем изучения истории Запада и Юго-Востока Европы в цивилизационном, идеологическом, социальном, политическом и религиозном аспектах.

Издержки игнорирования на Балканах идеологической доминанты имперского принципа не ограничиваются только сферой самой идеологии, – они влекут за собой негативные последствия для концептуальной разработки целых направлений балканской истории.

Историография не может до сих пор решить принципиальный вопрос о принадлежности Балкан в цивилизационном плане к одной из двух социокультурных систем: Восток или Запад. Решения предлагаются в рамках модели «балканской исключительности», включающей набор признаков, взятых у обеих систем (см., например [20]).

Отечественная историография до сих пор не может понять (или принять!) природу османского господства на Балканах в течение пяти веков. Вот характерный пример подобного историографического «изумления»: «К числу загадок мировой истории можно отнести сказочное вознесение турок-османов на ее вершину. Как могло неведомое в Европе племя, занимавшее к началу XVI в. крошечный участок земли [...] за какие-нибудь два века создать великую империю?» [21. С. 7]. В сущности, построение турками-османами своей империи в историческом плане было повторением еще более впечатляющего достижения также ранее мало кому ведомого племени латинов с пяточка земли на берегу реки Тибр. В основе обеих империй: и Римской, и Османской лежал функциональный имперский принцип политической организации регионов и разноплеменных масс населения и соответствующий ему идеологический контекст.

---

⁸ Еще на заре новой парадигмы важный вклад в разработку темы преемственности экономических структур империй внес выдающийся отечественный византинист Г.Г. Литаврин (см. [17. С. 30–39]). Безусловный приоритет Литаврина в этом вопросе признается и западной историографией: «He was by no means the first to do so» [12. P. 93].

Как это ни странно может прозвучать, мы не можем до конца понять и природы национально-освободительного движения балканских народов, если абстрагироваться от естественного стремления к свободе и идиосинкразии к завоевателям. В какой форме мыслилось освобождение народов Балкан из-под власти турок-османов самими балканцами и как на эти процессы влияла имперская традиция в балканской политической мысли? Решение этого вопроса столь долго откладывалось балканской и отечественной историографиями, что они пропустили инициативы турецкой, которая, в свою очередь, активно отстаивает идеи византийско-османской преемственности⁹. Освободительная идеология балканских стран была одновременно и антитурецкая, и экспансионистская: и за политическую самостоятельность, и за региональную гегемонию. Борьба балканцев с Османской империей – это была борьба «за византийское наследство».

Вне имперского идеологического контекста серьезные трудности вызывают попытки объяснения греко-турецких «особых отношений» в Османской империи и при этом непримиримой борьбы греков и турок за историческое имперское наследие Византии, а также греко-болгарской вражды, возродившейся вслед за восстановлением исторической памяти болгарского народа. Историография часто касается этих вопросов вскользь, не пытаясь вскрыть их глубинную подоплеку.

Картина балканского национализма также оказывается смазаной. Национализм на Балканах трактуется в общем и целом как европейский национализм, наследник идей 1789 г. и 1848 г., лишь с некоторыми частными особенностями, обусловленными многовековой антитурецкой борьбой, этнографическими особенностями Балкан («этническая чересполосица»), препятствующими формированию национально однородных государств в рамках идеи о совпадении политической и национальной единицы [23. Р. 120]. Между тем, имперский принцип наднационального государства во многом определял балканскую внешнюю политику, будучи совмещенным здесь с действительно заимствованным из Европы «принципом национальностей». В основе претензий на гегемонию лежали имперские идеи – «мегало-идеи», понимаемые как объединение не только своей нации, но и больших частей соседних в одном государстве, при постоянном повышении его статуса: от княжества к королевству или царству. «Реальная политика» иногда в практическом плане вступала в противоречие с «историческими идеологиями» (как и узкие династические интересы балканских монархов не всегда совпадали с широкими «национальными идеями») ¹⁰, но в большинстве случаев они разрешались в пользу последних, никогда не сходящих с повестки дня ¹¹. Целостное восприятие этого фактора осложнено его разнотемповым проявлением у греков, сербов и болгар (это именно тот аспект, который чутко уловила Р.П. Гришина).

---

⁹ Турецкий историк К. Карпат в ряде работ отрицает национальную природу средневековых балканских государств, считая их «мультиэтничными слепками» с византийской модели, объединенными случайными военными династиями. Такой подход позволяет Карпату обосновать и права османов на византийское наследство. Конечно, в этой новой для турецкой историографии проимперской парадигме (особенно активно продвигаемой историками, работающими на Западе) нельзя не видеть политизированного подхода к проблеме, призванного обосновать европейский статус Турции. Но и фактическая сторона их исследований все же не лишена научного значения (см., например [22. Р. 434–473]).

¹⁰ Соперничество между Обреновичами, а позже Карагеоргиевичами, и Негошами в реализации пансербской идеи, опасения Фердинанда Кобурга автономизации Македонии из-за возможного утверждения там одного из наследников Александра Баттенберга (см. убедительное обоснование этого в [24. Р. 164]), смена баварской династии в Греции на датскую и ее влияние на внешнюю политику.

¹¹ В этом плане весьма характерен документ, редкий по своей психологической силе и неоднозначности – письмо Пашича королю Милану. После кровавой расправы последнего над радикалами Пашич все-таки предлагает Милану сотрудничество в борьбе с болгарскими за Македонию, но по завершении ее вновь грозит «рассчитаться за невинно пролитую братскую кровь» (см. [25. С. 226]). Что это: наивность, эпатаж или абсолютный приоритет в сознании обоих политиков внешней политики перед внутренней в плане выполнения Великой национальной задачи?

Осложнено научное, а не пропагандистское восприятие «исторических задач» России на Балканах, реализуемых в крайне противоречивом идеологическом контексте: русского православного универсализма («Москва – Третий Рим»), петровского российско-германского империализма (Санкт-Петербург как «Новая Голландия») и панславистско-славянофильского синтеза («Крест на Святую Софию!»), что зачастую приводило к конфликтам с самими балканцами: сербами в 60–70-е годы XIX в., болгарами в 80–90-х годы XIX в. и в 1912 г., греками в конце XIX в. и в 1915 г. Сама российская имперская идея и ее место в европейском имперско-идеологическом контексте (и западном, и восточном) представляет собой настолько неизученную проблему, что необходимо сказать о ней хотя бы несколько слов.

Попытку Петра I, уже бывшего царем, т.е. «цезарем», что формально уравнивало его с кайзером (т.е. тоже «цезарем») Священной Римской империи, получить ранг курфюрста последней нельзя рассматривать иначе, как готовность инкорпорировать свою периферийную империю-царство в центральную европейскую империю. Этой задаче были последовательно подчинены «лифляндский», «мекленбургский» и «голландский» проекты Петра (см. [26. С. 318, 337, 375–376, 404–405]). При отсутствии специальных исследований на данную тему трудно решить, чем в действительности руководствовался в своих намерениях царь-реформатор: желанием превзойти статус Карла XII, который был князем империи (хотя и не электором, курфюрстом) в силу владения им Померанией и другими имперскими ленами, или же своим изначальным глубоким германофильством и тягой в Европу.

Неудача всех трех проектов вынудила Петра, в конце концов, провозгласить собственную, на этот раз европейскую, империю в Санкт-Петербурге, заместившую собой московско-казанское царство. При этом в названии имперской столицы: «Город святого Петра» явно присутствовала аллюзия в отношении древнего города святого Петра, т.е. Рима, что возможно, говорит о вызревании имперского замысла на достаточно ранней стадии. Вероятно, неудача первого «лифляндского проекта» получить только что завоеванную Лифляндию в лен от империи (хотя она никогда не являлась ее леном) не столько свидетельствовала о недостаточной информированности российской дипломатии, сколько отражала господствующие тогда представления о распространении европейской имперской системы вплоть до самых отдаленных остзейских земель.

Первая попытка встроиться в систему восточной имперской традиции относится ко времени Екатерины II и ее «греческого проекта». При рассмотрении судьбы «проекта» в данном случае более важны не планы дележа османско-византийского наследства с Австрией и выделения компенсации Венеции, а само видение в конце XVIII в. (т.е. до наступления «века национальностей») балканского региона как единого массива, который естественным образом мог быть заново организован в форме имперской политической системы. Для этого, как казалось, было достаточно сменить в Константинополе династию и господствующую этноконфессиональную общину: вместо турок-мусульман утвердить православных греков. Но сила турок была еще велика, а очевидное намерение превратить возрожденную Византию в *Un Cadet de la Maison*¹² российского императорского двора оттолкнуло его союзников [27; 8. Р. 45–46, 65–66].

В дальнейшем российская официальная идеология в ходе почти полуторовекового противостояния с турками перешла к обоснованию собственных российских претензий на византийское наследство вплоть до самого краха империи в 1917 г. (из недавних работ см. [28]).

Наконец, весьма трудно разобраться в политических перипетиях Младотурецкой революции 1908–1918 гг., не признавая ее главной целью борьбу за

¹² Младшая ветвь правящей династии (фр.).

реформирование и сохранение целостности именно исламской империи. Младотурецкая революция в Османской империи явилась главной непосредственной политической предпосылкой Балканских войн. Именно она привела к формированию антитурецкой коалиции балканских государств, в результате чего первая, антитурецкая, война стала неизбежной.

Задачей освободительного движения балканских народов было не просто освобождение от политического и религиозного господства турок-османов путем восстановления собственной государственности, но и обретение своего великодержавия. В каких формах выступали эти идеи?

По моему мнению, в течение 1821–1922 гг. греками, сербами и болгарами были в разное время предприняты на Балканах и в Анатолии несколько попыток восстановления своей «Неовизантии». Все они имели свои особенности, обусловленные конкретными историческими обстоятельствами, в которых формировалась «освободительно-восстановительная» идеология балканских стран, заключенная в концепциях «мегал-идей».

Греческая попытка была наиболее последовательной, опиравшейся на наиболее разработанную идеологическую основу и исторически наиболее показательна для целей, заявленных в статье. Важно отметить, что самому движению предшествовал более чем трехвековой период «мирного сосуществования» греков и турок. И греки не были бы греками, носителями тысячелетней исторической традиции, если бы, проиграв первый раунд борьбы за империю, они признали бы свое поражение окончательным.

Греческая имперская модель в наибольшей степени претендовала на исторический континуитет в отношении Византии, поскольку она не была обременена этническим порогом – и империя поздних Палеологов была греческой, и формально греческим был православный милет Рум¹³. В течение долгого времени в политических воззрениях греческой элиты сосуществовали две империи: империя, узурпированная османами (и являвшаяся лишь одним из элементов более сложной модели организации региона: султанат – империя – халифат) и империя ромеев, «скрывающаяся в подполье», совпадающая с милетом Рум [30. С. 394] и представленная Вселенской патриархией, а позже и влиятельными структурами греков-фанариотов (особенно в Дунайских княжествах в 1711–1821 гг.).

Важной особенностью складывания и развития идеологии эллинизма и его связи с имперской политической традицией, восходящей к Византии, было сосуществование на протяжении длительного времени двух политико-идеологических центров эллинизма: Фанара и Афин.

Консервативно-клерикальный центр формировался вокруг Константинопольской патриархии, имевшей резиденцию в стамбульском квартале Фанар. Это направление исповедовало принципы особых греко-турецких отношений (на уровне элит, разумеется), сложившихся сразу после 1453 г. Согласно взглядам этого крыла, Османская империя должна была быть «эллинизирована», т.е. вновь стать греческой, византийской. В структуре империи милет Рум как «наследник» Византии должен был заместить собой Османский султанат. Единого видения решения этой задачи в Фанаре, однако, не было.

---

¹³ Болгарская модель была более противоречивой. Обладая собственной имперской историей, болгары все же никогда не владели Константинополем, который безусловно был и их символом – «Царьград». Сербские притязания на Византию выглядели совсем нереальными. Именно поэтому в сербской имперской модели роль Константинополя замещал Скопье, стольный град Стефана Душана, место его коронации василевсом. Важную роль в сербской историко-идеологической схеме играли и другие города Старой Сербии, что в итоге определяло устойчивые притязания на Македонию, причем не только северную. Например, Прилеп считался «городом королевича Марко» и т.д. (см. [29. 308–310]).

Наиболее сакрально мыслящие иерархи Константинопольской патриархии в перспективах будущей эллинизации уповали на «помощь божью», когда «Бог вновь обратит свой лик к царству ромейскому», отринутый им ранее «за грехи наши». Решение проблемы, таким образом, отодвигалось в бесконечность, что вполне устраивало «святых отцов» патриархии¹⁴. Прагматичная же часть фанариотов из числа финансистов, администраторов, драгоманов, сформировавших сильные экономические и политические позиции в Дунайских княжествах, под управлением которых они находились, выступала за более земные способы решения проблемы – постепенную замену османского господства в империи фанариотским. Надежду на успех им подавали острые кризисы, сотрясавшие империю в конце XVIII – начале XIX в.

Идеологии Фанара противостояла революционная и либерально-демократическая идеология, восходящая к традициям Ригоса Велестинлиса и разделяемая представителями греческой средиземноморской диаспоры от Марселя до Одессы, включая сюда также влиятельных торговцев-банкиров Лондона и придворных сановников Санкт-Петербурга греческого происхождения (см. [33; 8. Р. 49]). Коротко суть этой идеологии можно представить как «возвращение в Европу». Греция была некогда колыбелью современной Европы, она должна теперь воспользоваться плодами ее прогресса для своего возрождения. Византии и имперской традиции в целом в этой идеологии места не было. Она основывалась на идейных традициях Великой французской революции и философии Просвещения [34].

Будущая Греция должна была стать современным государством либерально-го типа, что однако, не исключало требований объединения в границах этого государства большей части «греческого мира», территорий, населенных греками. Греческая революция 1821–1830 гг. закончилась созданием малого независимого государства, а не обширной греческой империи, что породило у греческой элиты комплекс ощущения полупобеды-полупоражения¹⁵. Большинство исследователей этой проблемы делают акцент не на том, что было достигнуто – возникновении независимого греческого государства, а на неудовлетворительном, незавершенном, неполном характере этих достижений [35].

Когда И. Коллетис произнес в 1844 г. в греческом парламенте свою знаменитую речь, которую принято считать формулированием «Мегало-идеи», он, строго говоря, имел в виду не возрождение Византии как таковой, а лишь расширение неоправданно узких границ малого греческого государства до пределов, обусловленных национальным принципом. В ней были такие слова: «Греческое королевство не есть вся Греция, но только часть ее, самая маленькая и самая бедная. Поэтому автохтоном является не только житель королевства, но и житель Янины, Фессалии, Салоник, Серреса, Адрианополя, Константинополя, Трапезунда, Смирны, Крита, Самоса, в общем, каждый, кто живет на земле, которая является греческой исторически и этнически. Наша борьба началась не в 1821 году, она началась на следующий день после падения Константинополя; бойцами являются не только бойцы 1821 года, – бойцами были и всегда будут те, кто 400 лет вел борьбу с полумесяцем [...] Есть два центра эллинизма: Афины, столица Греческого королевства, и Полис (т.е. Константинополь. – *Р.С.*) – мечта и надежда всех греков» [36. Р. 14].

Два центра Коллетиса, Афины и Полис, и есть те самые два центра идеологии эллинизма: Афины и Фанар. Большая часть XIX в. и начало XX в. прошли под

¹⁴ Наиболее одиозным документом, вышедшим из стен патриархии, было «Отеческое увещание» 1798 г., возносящее хвалу Богу за установление Османской империи в такое время, когда Византия начала склоняться к ереси. Победа турок и их терпимость к подданным-христианам были средствами сохранения православия [31–32; 30. С. 397].

¹⁵ Позже с подобными ощущениями столкнулись после Берлинского конгресса 1878 г. политические элиты Сербии и Болгарии (см. ниже).

знаком постепенного и противоречивого сближения их позиций. Патриархия, будучи носителем идеи завуалированной имперской традиции, воплощенной в милете Рум, оставалась административной структурой Османской империи и далеко не в полной мере разделяла сначала революционную, а затем ирридентскую идеологию греческого королевства. Политическое лидерство в греческом мире, однако, все более переходило в руки Афин.

Позиции Афин и Фанара значительно сблизились в ходе пропагандистской кампании, развернутой по опровержению «тезиса Фалмерайера»¹⁶. В Греции произошло возвращение к византийско-православным ценностям, которые стали рассматриваться как неотъемлемые элементы национальной и духовной идентичности¹⁷. К конечной цели – созданию «Неовизантии» отныне были направлены оба политических вектора эллинизма, хотя между их центрами по-прежнему сохранялись серьезные различия. Существует весьма обширная литература по идеологии эллинизма, сочетающего в себе национальный и универсальный принципы (из основных работ см. [38]).

После потрясений в «греческом мире», вызванных Войной за независимость, ко второй половине XIX в. греки в основном сумели восстановить свое влияние в Османской империи [32. Р. 196]. Этому способствовал ряд процессов политического и демографического характера. Реформы Танзимата (1839 г. и 1856 г.) при всей их непоследовательности создали весьма благоприятные условия для оживления торговой и хозяйственной деятельности греков, после чего их численность в империи стала стремительно нарастать после оттока в 1820-е годы. Прирост населения осуществлялся как за счет естественного демографического роста в греческой общине, так и за счет эмиграции из Греческого королевства. Иностранцам, бывшим филэллинам, эти явления были непонятны. Английский путешественник А. Кинглейк с удивлением отмечал, что масса греков предпочитает «стон под турецким ярмом чести быть единственным настоящим источником законной власти в собственной стране» [39. Р. 74].

Усиление роли греков в империи происходило на фоне потрясений, переживаемых османской державой в 30–40-е годы XIX в. и сопровождавшихся, в свою очередь, демографическим спадом турецкого населения, особенно в Западной Анатолии. Отчасти это объяснялось влиянием на демографию длительными сроками военной службы мужчин-мусульман, отчасти снижением жизненного уровня простых турок и сознательным ограничением рождаемости в мусульманских семьях. Другой английский путешественник, экономист Н.У. Сениор, отмечал «шокирующие средства, к которым прибегают турецкие женщины для избежания многодетности» [40. Р. 164]¹⁸.

Приводимые демографические тенденции среди турок и греков интересны не только ради демографии как таковой. На резком демографическом подъеме греческого населения основывалась вторая концепция «эллинизации» Османской империи середины XIX в., теория мирного «прорастания» реформированного миллета Рум в новую Греческую империю. Эта теория, исповедуемая прежде всего Константинопольской патриархией, призывала к сохранению в империи *status*

---

¹⁶ Концепцию баварского ученого Я. Фалмерайера, согласно которой население современной ему Греции этнически являлось славянским и албанским, а не потомками древних эллинов см. в [37]. Борьба с «тезисом Фалмерайера», будучи проявлением еще одной грани греческого национализма, привела к возникновению еще одной формы балканского конфликта – греко-славянской, не уступающей по остроте конфликту с турками. Особую остроту этот конфликт приобрел в греко-болгарских отношениях.

¹⁷ О клерикально-консервативном сдвиге в греческой идеологии в 50-х годах XIX в. см. [34].

¹⁸ Впрочем, к путевым дневникам Сениора и собранной им «социальной» информации следует относиться критически.

quo [32. P. 192]. Такой подход противоречил политике независимого Греческого королевства, основанной на идеях ирриденды.

Главной особенностью греческой ирриденды была ее неадекватность. Грандиозные планы собирания под скипетром короля эллинов всех частей разбросанного по огромной территории Восточного Средиземноморья «греческого мира» ни в малейшей степени не соответствовали более чем скромным возможностям королевства. Все же именно они привели к двум военным кризисам в отношениях Греции и Османской империи в 1854 г. и в 1897 г., в ходе которых патриархия выступала, отчасти «амортизатором» конфликта благодаря своей пацифистской политике, а отчасти в роли «пятой колонны» эллинизма, постепенно расшатывая имперские структуры изнутри.

Третий этап попыток мирной эллинизации Османской империи наступил после Младотурецкой революции 1908 г. и восстановления конституции и представительного правления. Расчет идеологов эллинизма был все тот же – они полагались на опытность греков в избирательном процессе и на их политическую искушенность¹⁹.

Греки в империи, по-прежнему, делились на две фракции: на тех, кто хотел расширить пределы греческого королевства за счет Османской империи, и тех, кто стремился ее «эллинизировать». Эти последние выступали за политический союз Афин и Стамбула ради сохранения империи, которая в противном случае была бы разделена между державами и безвозвратно потеряна для дела эллинизма. Для них Младотурецкая революция предоставляла новый шанс. Если бы младотурки действительно обновили многонациональную империю, то греческая элита, по их мнению, заняла бы в ней подобающее ей место, возглавила бы империю и восстановила бы многие черты ее предшественницы Византии [41]. Сами младотурки называли эти две фракции – «греки» и «византийцы» (*Yunanlı* и *Bizanslı*) и отнюдь не стремились поступаться завоеванной ими властью в империи.

Столкновение эллинистов с жесткой унитарной политикой младотурок и началом проявления турецкого национализма привело к осознанию ими бесперспективности надежд на «мирную» эллинизацию империи и подтолкнуло греков к болгарам. Без учета этого фактора греко-болгарский союз 1912 г. для ведения войны с Турцией не может получить достаточно адекватного объяснения. Позиции Афин и Фанара сблизились еще более накануне и в ходе балканских войн 1912–1913 гг. Полное же единение двух ветвей эллинизма наступило в 1919 г., когда накануне греческой интервенции в Анатолию митрополит-местоблюститель Дорофей своим посланием освободил этнических греков от обязанностей подданных тогда еще османского государства. Провал попыток построить «Византийскую империю», предпринятых греками под эгидой Э. Венезилоса и Д. Ллойд Джорджа в 1919–1922 гг. в новых послеверсальских условиях, когда имперский принцип повсюду в Европе был замещен национальным, означал и крах идеологии эллинизма.

Вторая половина XIX в. по всей Европе была эпохой перехода от имперской идеологии к идеологии национального государства, хотя и при сохранении кое-где внешних форм империй (Германская империя). Данная тенденция не могла не повлиять и на политико-идеологические процессы на Балканах. Сербская и греческая модели все более эволюционировали от империи к национальному государству, впрочем, достаточно долго (пожалуй, до 1878 г.) сохраняя в себе рудиментарные признаки империи. Продолжая образный ряд, стремление Болгарии построить империю в начале XX в. на основе чисто национальной идеи консолидации нации, но с приданием ей некоего комплекса геополитической атрибутики

¹⁹ Формирование местных советов христианских общин предполагало их выборность. Также важную роль играла состязательность на выборах в Македонии в ходе соперничества с Болгарским экзархатом о том, под чьей церковной юрисдикцией останется община (так называемые истилиямы, т.е. «запросы» – *тур.*).

(Царьград и пр.) следует отнести уже к разряду проявления имперского атавизма в сфере идеологии.

Великий Восточный кризис 1870-х годов, начавшийся с попыток реализации идеи *раздела* Османского наследства, привел к дальнейшему укреплению идеи национального государства на Балканах. При этом решения Берлинского конгресса 1878 г. о сохранении империи перечеркнули мечты о сербском и болгарском великодержавии, которыми тешили себя элиты этих стран, сербская в начале конфликта с Турцией, а болгарская – по ее завершению (Сан-Стефано).

Балканский кризис 1860-х годов вызрел на другой основе. Его лейтмотивом была идея *преобразования* Империи на Балканах из мусульманской (Османской) в христианскую. Освобождение от турецкого господства должно было совершиться в форме этнополитического преобразования самого института империи. Основные перипетии кризиса были связаны с именем сербского князя Михаила I Обреновича как кандидата на престол возрожденной славянской империи²⁰. Его кульминацией явилось создание в 1867 г. первого Балканского союза, цели которого предполагали после изгнания турок с Балкан, сосуществование здесь двух христианских империй (сербской и греческой), раздел между ними болгарских земель и существенные компенсации в пользу Румынии.

В связи с подготовкой заключения антитурецкого союза между Сербией, Грецией и Черногорией и ради привлечения болгарского национального движения в Белграде возник проект создания на Балканах «Югославянского царства» во главе с Сербией. На ранних этапах у этого проекта имелись сторонники со стороны российской дипломатии в лице Н.П. Игнатьева. 14 (26) января 1867 г. в Бухаресте представителями сербского правительства и болгарской эмиграции была подписана «Программа политических отношений сербо-болгар (болгаро-сербов) или их добросердечных отношений». Программа провозглашала создание единого государства Сербо-Болгарии или Болгаро-Сербии с общей территорией, правительством, армией и флагом. Верховным главой нации провозглашался князь Михаил I [42. Р. 449].

В развитие идеи единого сербо-болгарского государства там же в Бухаресте в апреле 1867 г. на совместном заседании представителей отдельных фракций болгарского национального движения и сербских представителей был принят «Протокол о создании Югославянского царства». Он предусматривал совместные военные действия для освобождения Болгарии и создание после победы над турками единого славянского государства, прообраза будущей Балканской федерации, а до тех пор – союз народов однозначно конституировался в форме Империи южных славян (*l'Empire des Slaves du Sud*) [42. Р. 449].

После Берлинского конгресса 1878 г. имперская идея на Балканах разделилась на идею сохранения Османской империи в Константинополе и идею создания Балканской федерации (или конфедерации), образованной из независимых балканских государств, как альтернативной политической организации региона [43]. С этого времени в европейской политической публицистике стали появляться многочисленные проекты создания Балканской федерации. Совмещение в политической реальности региона имперского и национального начал побуждало авторов вырабатывать некую компромиссную форму их сосуществования. Для великих держав проекты Балканской федерации были одной из форм установления в регионе их гегемонии. Лишь уступая духу времени, имперская по сути форма таких

²⁰ Р. Пиннон прямо связывает идеи И. Гарашанина («Начертание» 1844 г.) с идеями Балканской федерации путем *замещения* Османской империи новым федеративным балканским государством на основе Сербии. Для этого требовалось преодолеть сопротивление России и Австрии, которые отстаивали идеи *раздела* Турции по линии Видин – Салоники. Идеи Гарашанина напрямую увязываются с делом Стефана Душана, прерванным на пять веков. Налицо явный континуитет имперской традиции (см. [42. Р. 447–448]).

объединений принимала федеративный облик (да и то не всегда). Европейская либеральная мысль видела участником Балканской федерации и европейские провинции Турции при условии проведения там глубоких реформ и предоставления им широкой автономии. Малые страны поначалу видели в федерации средство укрепления своей самостоятельности против экспансии великих держав. В дальнейшем, по мере нарастания агрессивных тенденций в политике самих балканских стран, идеи Балканской федерации оказывались принесенными в жертву идеям объединенных национальных государств, включающих в себя и другие этносы. С появлением и развитием на Балканах социалистических движений идея федерализации региона стала частью их программ. Борьба за Балканскую федерацию стала формой борьбы балканского демократизма против балканского же империализма [25. С. 222].

Инициаторами проимперских проектов федерализации Балкан выступили все державы, примыкающие к региону и строившие планы непосредственного территориального проникновения в него: Россия, Австро-Венгрия, Италия.

Российская политическая мысль выдвинула свои панславистские проекты в лице писателя-славянофила Н.Р. Данилевского и профессора Московского университета графа Л.А. Камаровского [44].

У Австрии-Венгрии тоже были проекты подобной конфедерации, но только в интересах монархии Габсбургов. Монархия, будучи образована из многочисленных разноязычных этносов, была якобы наиболее способна объединить дунайские и балканские народности и реализовать внутри империи «союз южных славян» [42. Р. 454]. Этот тезис зазвучал с новой силой в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. на страницах венской газеты пангерманистской ориентации «Danzer's Arme-Zeitung». В статье «Издержки войны против Сербии и Черногории», наделавшей много шума, ее автор, укрывшийся под инициалами «И. Р.», призывал имперское правительство сломить сопротивление Сербии путем применения открытой силы с целью заставить ее вступить в конфедерацию, организованную по примеру прежней германской конфедерации (Германского союза 1815–1866 гг. – *P.C.*) [45. 1909. 4 III. S. 2–3].

Политическая организация Балкан в рамках австро-венгерской имперской модели в принципе не предусматривала ликвидации турецкого присутствия в Европе, являвшейся важной предпосылкой формирования монархией на Балканах системы «вассальных» отношений по образцу структуры Германской империи²¹. Так, если сербскому режиму последних Обреновичей в политической системе Габсбургской монархии на основании тайного договора 1881 г. предназначалась роль неформального вассала, государства-протектората, при сохранении его формального суверенитета, то в поздней габсбургской модели федерализации и монархии, и Балкан, связанной с эрцгерцогом Францем-Фердинандом и его идеями «триализма» империи, допускалась возможность включения югославянских и трансильванских земель в состав Сербии и Румынии в обмен на занятие ими в будущей реформированной структуре монархии положения, аналогичного тому, в котором находились королевства Саксония и Бавария в структуре Германской империи [46. С. 46].

«Тевтонскому» натиску на юго-восток были противопоставлены итальянские планы переустройства Балкан. Некоторые балканские политики активно искали поддержки Рима, считая ее менее обременительной, чем помощь Санкт-Петербурга или Вены. В Италии же формировалась собственная балканская политика.

²¹ Та же «Danzer's Arme-Zeitung» в статье «Упущения нашей балканской политики» отмечала: «Для того, чтобы добиться полной гегемонии на Балканах, мы нуждаемся в установлении согласия с Турцией, которая любой ценой должна стать нашим покладистым и зависимым другом» [45. 1908. 5 XI. S. 4].

Ее идеологическим обрамлением выступала все та же имперская модель, только восходящая к «латинскому» варианту Восточной империи 1204 г. [47–48]. Еще в 1904 г. Риччиотти Гарибальди, младшим сыном национального героя и сторонником активной балканской антитурецкой политики, и хорватским депутатом-националистом Тресичем Павичичем был разработан проект создания балканской конфедерации, имеющий целью расстроить планы германо-австрийского продвижения в регионе [42. Р. 455].

С дальнейшим развитием этой идеи была связана публикация в 1905 г. во Франции одной любопытной книги, изданной под псевдонимом «Латинянин», в которой были склонны усматривать румынского подданного [49]. «Латинянин», исходя из очевидного упадка Турции, предлагал заместить ее «Восточной конфедерацией», в которую вошли бы как уже существующие балканские государства, так и новое образование – «Македоно-Албания», которое простиралось бы от Адриатического моря до границ Фракии. Ново-Пазарский санджак подлежал бы разделу между Сербией и Черногорией с целью поставить преграду на пути австрийского проникновения в Македонию и к Салоникам. Румыния вошла бы в состав конфедерации по причине своих интересов в Добрудже и поддержки проживавших в районе горы Пинд курце-влахов, от которой она не могла отказаться. В подобной конфедерации не было бы гегемонии ни эллинизма, ни панславизма, ни германизма, – их взаимное соперничество должно было бы обеспечить преобладание «латинизма». Каждое государство сохраняло бы свой суверенитет, армию, флаг, дипломатическое представительство, подобно конфедерации Германского союза после 1815 г. Итальянский принц правил бы в Македоно-Албании. Король Италии, провозглашенный императором, стал бы протектором конфедерации, которая имела бы своей задачей гарантировать защиту региона как против России, так и против Австрии. Константинополь должен был стать вольным городом с Фракией в качестве примыкающего округа и управляться наместником императора, над храмом Святой Софии был бы водружен савойский крест, итальянский язык стал бы официальным государственным языком конфедерации [49. Р. 134–174]. «Эпические грезы князя Черногории могли бы сбыться, – отмечал “Латинянин”, – императрицей Востока стала бы его собственная дочь» [49. Р. 175]²².

Р. Пинон, автор многочисленных статей в «Revue des Deux Mondes» на темы балканской политики, отмечал, что этот «затейливо составленный», остроумный план в сущности являлся проводником совершенно определенных тенденций. Под предлогом отстранения от участия в решении судеб Балкан Австро-Венгрии и России он предполагал утверждение здесь Италии, аппетиты которой не уступали аппетитам ее соперников. По поводу же перспектив этого проекта Пинон констатировал: «Час латинской империи в Константинополе пробил семьсот лет назад, и никогда не наступит вновь» [42. Р. 456].

Последней из панидей переустройства Балкан, опиравшихся на имперскую идеологическую традицию, была внешнеполитическая программа Фердинанда I Кобурга. До сих пор в историографии остается открытым вопрос о ступенях эскалации целей и задач болгарской национальной идеи на разных этапах ее развития и степени ее сопряженности с имперской идеологией, по своей сути наднациональной²³.

На раннем этапе развития болгарское национальное движение допускало три варианта восстановления болгарской государственности: самостоятельно, при сохранении зависимости от Порты или в составе конфедерации с соседними

²² Дочь князя Черногории Николы I Елена была замужем за королем Италии Виктором Эммануилом III.

²³ Данный вопрос находится за рамками рассмотрения в статье в силу того, что он заслуживает отдельного самого пристального внимания.

народами. В рамках второго варианта велась разработка собственного имперского проекта на основе «болгаро-османской» модели. Это политическая программа восстановления Болгарского царства (именно *царства*, т. е. структуры *имперской* по своему статусу) через модель дуалистической болгаро-турецкой империи в дальнейшем оказалась связанной с именем С. Стамболова в период его регенства [50]. Но ее зарождение приходится на более ранний период.

Не видя перспектив успеха вооруженного восстания и не доверяя ни сербам, ни румынам, Тайный болгарский национальный комитет 3 марта 1867 г. направил султану Абдул-Азису меморандум с предложением создания дуалистической болгаро-турецкой державы по образцу только что созданной Австро-Венгрии. Меморандум призывал султана предоставить автономии Болгарии в рамках Османской империи в качестве конституционного государства со своим народным собранием, правительством, армией, судом, независимой (от греков!) церковью, общинным самоуправлением, свободой печати и личности, веротерпимостью и другими демократическими свободами. Политической формой организации Балкан оставалась бы, однако, все та же империя, в структуре которой турецкий султан принял бы титул «царя болгар» [51].

Разумеется, проекты болгаро-турецкого дуализма в середине XIX в. выглядели достаточно утопично. Но меня интересует наличие в болгарской политической мысли 60–70-х годов XIX в. и позже дилеммы между концепциями независимости (восстановления государственности) и целостности всей территории, населенной болгарями («целокупностью» Болгарии). Это глубокое противоречие пролегло через всю историю развития болгарской национальной идеологии и политики и составляло важную особенность ее государственного строительства.

Болгарская политическая мысль накануне и в ходе Балканской войны билась в тисках стратегической и геополитической дилеммы: Македония или Царьград?²⁴ Неожиданный успех болгарской армии на Фракийском фронте в 1912 г. привел к тому, что Болгария открыто замахнулась на ту добычу, которую уже в течение двухсот лет Россия считала своей²⁵. В далеко не беспочвенных расчетах Фердинанд исходил из того очевидного обстоятельства, что утверждение России в зоне Проливов привело бы к серьезному изменению баланса сил в Средиземноморье и в Европе в целом, и отнюдь не поддерживалось безоговорочно союзниками России по Антанте, не говоря уже о ее противниках.

Анализируя возможные варианты решения судьбы Константинополя и Проливов, Кобург пришел к выводу, что ни один из них не мог бы полностью устроить участников латентной антироссийской коалиции кроме его собственного варианта. Ни сохранение здесь под контролем держав «прогнившей турецкой администрации», ни передача города (Полиса) новоявленному «Константину XII», греческому королю датской династии Константину I, ни превращение священного города в международный открытый город, что привело бы к созданию в нем «финансового рынка для европейских, американских и еврейских капиталов», ни тем более утверждение здесь России, «враждебной всем здоровым силам Европы», не являлось бы подлинным решением Восточного вопроса. Таковым могла быть только формула самого Фердинанда: «Утверждение на берегах Босфора государства, достаточно сильного для охраны Проливов, но недостаточно могущественного для угрозы нарушения сложившегося в Европе баланса сил, то есть – Болгарии» [53].

В случае временной оккупации Константинополя мир с Турцией планировалось подписать там же, где и 35 лет назад – в Сан-Стефано, и желательно в тот же день 19 февраля (3 марта по н.ст.). В довершение церемониальных изысков перед

²⁴ Кульминация этой дискуссии – книга И. Гешова, осуждающая решение Фердинанда о штурме Чатаджинской укрепленной линии с целью вступления в Константинополь [52].

²⁵ По вопросу кризиса в российско-болгарских отношениях из-за Константинополя в 1912–1913 гг. см. [53].

торжественной коронацией в соборе Св. Софии императором Великой Болгарии Фердинанд планировал принять новое тронное имя – Симеон и спустя тысячу лет реализовать-таки болгарскую имперскую идею построения ими, а не греками Империи Востока.

Личность Фердинанда Кобурга должна быть причислена к числу самостоятельных идеологических и психологических факторов проявления имперской идеи на Балканах ввиду особой роли, сыгранной этим монархом в истории взлета и падения болгарского великодержавия. В ней, как в капле воды, сфокусировались представления об имперской традиции как стержневого идеологического фактора европейской истории, до конца так и не опровергнутого новой националистической традицией 1848 г., а также попытки синтезировать ее западноевропейский и балканский варианты²⁶.

Но и образованные слои болгарского общества вполне разделяли точку зрения своих лидеров на историческую миссию будущей суверенной Болгарии как наследницы Византии. Не чужды были такие идеи и массам. Могущие показаться сниженными восприятия имперской традиции нацией, на протяжении пяти веков подвергавшейся денационализации и лишению исторической памяти в ходе османского завоевания не находят, однако, подтверждения в историографии и в доступных автору отражениях (хотя и косвенных) в источниках. В качестве доказательства можно привести слова апокрифической версии болгарского национального гимна «Шуми, Марица!»²⁷.

Еще задолго до последней редакции гимна у него появился апокриф, широко распространенный и в Болгарии, и в Македонии. В данной версии, являвшейся, без сомнения, народной и отражающей, соответственно, категорию коллективно-бессознательного, первая строка припева звучала: «Марш, марш! Цариград е наш!». Об этом апокрифе говорит в воспоминаниях российский посланник в Софии А.В. Неклюдов. По его словам, уже в 80-е годы XIX в. в Болгарии сложился слой ярых патриотов, которые смотрели на Константинополь как на законную долю наследства болгарского народа. Народная переделка строки гимна в «Царьград – наш!» отражала именно эти настроения [55. Р. 122]. Свидетельство того, что они были хорошо известны туркам, вызывая у них чувство протеста, приводит в дневнике болгарский посланник в Стамбуле М. Сарафов. В записи от 20 сентября 1912 г. (ст. ст.) он описывает демонстрацию турецких студентов перед болгарским посольством под лозунгами: «Долу България!» с пением той же апокрифической версии «Шуми Марица!», в которой искомая строка пелась: «Булгаристан е наш!» [56. С. 53].

Планы реализации болгарской имперской идеи были сначала сорваны в результате поражения в Чаталджинском сражении 17–18 ноября 1912 г. перед Константинополем, а затем окончательно похоронены в ходе разгрома Болгарии во Второй балканской войне 1913 г. И хотя мирные договоры 1913 г., завершившие балканские войны, не принесли и не могли принести в регион прочного мира, в одном их результат был окончательным – в вопросе коренной перестройки идеологии. Национализм победил имперскую традицию.

Когда В.И. Ленин в статье «Балканская война и буржуазный шовинизм» в 1913 г. писал, что «Балканская война есть одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах Средневековья в Азии и в восточной Европе», он был абсолютно прав, хотя и не совсем в том смысле, что он имел в виду [57. С. 38]. Не «гнет местных феодалов и помещичье иго» над «балканскими крестьянами всяческих национальностей» устранили балканские войны. Они покончили с

²⁶ Литература о Фердинанде Кобурге весьма обширна. Среди основных работ см. [54].

²⁷ Текст гимна менялся несколько раз в ключевые моменты болгарской истории. Последние изменения были внесены И. Вазовым в ноябре 1912 г. уже после начала Балканской войны.

имперской политической традицией в Юго-Восточной Европе, с миражем Византии в его различных, этнически окрашенных ипостасях, целое столетие отравляющих идеологическое сознание балканских элит. И мы не поймем основ внешней политики этих стран, выраженных в концепциях «мегало-идей», если не будем учитывать всю предшествующую эволюцию имперской традиции на Балканах, которая во многом формировала идеологию внешней политики в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Субаев Р.Р.* Имперская политическая традиция как идеологическая предпосылка Балканских войн 1912–1913 гг. // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.
2. *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX в.). М., 2006.
3. *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. Oxford, 1971.
4. *Данте Алигьери.* Собр. соч. В 5 т. СПб., 1996. Т. 5.
5. *Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935.
6. *Люттвак Э.* Стратегия Византийской империи. М., 2010.
7. *Diplomatist. Nationalism and War in the Near East.* Boston & New York, 1915.
8. *Iorga N.* Byzance après Byzance. Bucarest, 1934.
9. *Kitsikis D.* The History of the Greek-Turkish Space. Athens, 1980. 2 vols.
10. *Dimitsas M.G.* Επιστημη ιστορια της Μακεδονιας απο των αρχαιων χρονων μεχρι της τουρκοκρατιας. Προς χρηση των Ελληνικων σχολειων και παρθεναγωγειων της Μακεδονιας. Athens, 1879.
11. *Ottoman Rule and the Balkans, 1760–1850: Conflict, Transformation, Adaptation.* Proceeding of an international conference held in Rethymno. Greece, 13–14 December 2003. Rethymno, 2007.
12. *Matschke K.-P.* Research Problems concerning the Transition to Tourkokratia: The Bizantinist standpoint // *The Ottomans and the Balkans: A Discussion of Historiography.* Leiden; Boston; Köln, 2002.
13. *Strauss J.* Ottoman Rule Experienced and Remembered: Remarks on Some Local Greek Chronicles of the Tourkokratia // *The Ottomans and the Balkans: A Discussion of Historiography.* Leiden; Boston; Köln, 2002.
14. *Berl A.* Modern Greece: what she represents in Eastern Europe // *Abbott G.F.* Greece in evolution. Studies prepared under the auspices of the French League for the Defence of the rights of Hellenism. New York, 1910.
15. *Mishev D.* The Bulgarian and the Past. (б/м), 1919.
16. На перекрестке цивилизаций. М., 2006.
17. *Лутаверин Г.Г.* О соответствиях между византийскими и османскими формами организации экономики города в XV–XVI вв. // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8.
18. *Абрахамович З.* Османский султан как восточноримский император (кайсер-и Рум) // *Turcica et Ottomanica.* Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М., 2006. С. 104.
19. *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М., 2010. С. 281, 279; *Макарова И.Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв.: Этнокультурное исследование. М., 2005. С. 20; *Косик В.И.* «Крыло бабочки» // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012.
20. *Todorova M.* Imagining the Balkans. New York, 1997; *Jelavich B.* History of the Balkans. 2 vols. New York, 1983; *McNeill W.M.* Europe's Steppe Frontier. Chicago, 1964; *Stavrianos L.* The Balkans since 1453. New York, 1958.
21. *Виноградов В.Н.* Османская империя: от величия к упадку // История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004.
22. *Karpat K.H.* The Balkan National States and Nationalism: Image and Reality // *Karpat K.H.* Studies on Ottoman Social and Political History. Selected Articles and Essays. Boston, 2002.
23. *Геллнер Э.* Нации и национализм // Вопросы философии. 1989. № 7.
24. *Crampton R.J.* Bulgaria. New York, 2007.
25. *Шемакин А.Л.* Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
26. *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
27. *Брикнер А.Г.* Иллюстрированная история Екатерины II Великой. М., 2007. С. 337; *Miller W.* The Turkish Restoration in Greece, 1718–1797. London; New York, 1921. P. 41–42.
28. *Герд Л.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
29. *Vanac I.* The National Question in Yugoslavia: Origins, History, Politics. Ithaca, New York, 1984.
30. *Рансимэн С.* Великая церковь в пленении. СПб., 2004.

31. *Hayes A.* The Dilemma of the Greek Church: Religious Conflict and its Effect upon Greek National Identity // Journal of Undergraduate Research. Notre Dame (IN), 2007–2008.
32. *Clogg R.* The Greek Millet in the Ottoman Empire // *Cristians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society.* New York, 1982.
33. *Ару Г.Л.* Греция после Кучук-Кайнарджийского мира // История Балкан: Век восемнадцатый. М., 2004. С. 464; *Ару Г.Л.* Дореволюционная Греция // История Балкан: Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011. С. 105–122.
34. *Roudometof V.* Greece and Serbia in comparative historical perspective // *East European Quarterly.* 1998. № 4.
35. *Dakin D.* The Unification of Greece. 1770–1923. London, 1972. P. 61–65; *Woodhouse C.M.* Modern Greece: a short history. London, 1991. P. 150–156; *Clogg R.* A short history of modern Greece. Cambridge, 1986. P. 66–69; *Gallant T.W.* Modern Greece. London; New York, 2001. P. 28; *Brewer D.* The flame of freedom: the Greek war of independence. 1821–1833. London, 2001. P. 345, 349–351.
36. *Augustinos G.* Consciousness and History: Nationalist Critics of Greek Society 1897–1914. New York, 1977.
37. *Fallmerayer J.Ph.* Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters. Stuttgart, 1830. Т. 1. Untergang der peloponnesischen Hellenen und Wiederbevölkerung des leeren Bodens durch slavische Volkstämme.
38. The Making of Modern Greece: Nationalism, Romanticism, and the Uses of the Past (1797–1896). London, 2009; Hellenism: Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity. Los Angeles, 2008; *Vacalopoulos A.E.* Bizantinism and Hellenism // *Balkan Studies.* № 9. 1968; *Xydis St.* Medieval Origins of Modern Greek Nationalism // *Balkan Studies.* № 9. 1986. P. 1–20.
39. *Kinglake A.W.* Eothen, or Traces of Travel Brought Home from the East. London, 1844.
40. *Senior N.W.* A Journal Kept in Turkey and Greece in the Autumn of 1857 and the Beginning of 1858. London, 1859.
41. *Ahmad F.* Unionists Relations with the Greek, Armenian, and Jewish Communities of the Ottoman Empire, 1908–1914 // *Cristians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society.* New York, 1982. P. 402; *Dakin D.* The Unification of Greece 1770–1923. London, 1972. P. 176–177.
42. *Pinon R.* l'Europe et la Jeune Turquie. Paris, 1911.
43. *Stavrianos L.* Balkan Federation. A History of the Movement Towards Balkan Unity in Modern Times. Hamden (CT), 1964; *Todorov V.* Greek Federalism in the 19th c. (Ideas and Projects). New York, 1995.
44. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991; *Le comte Kamarovski.* La Question d'Orient // *Revue générale de droit international public.* Paris, Juillet 1896. P. 89–97.
45. *Danzer's Armee-Zeitung.*
46. *Фэй С.* Происхождение мировой войны. М.; Л., 1931. Т. 2.
47. *Loiseau Ch.* Le Balkan slave et la crise autrichienne. Paris, 1898; *Loiseau Ch.* L'équilibre adriatique. Paris, 1901.
48. *Pinon R.* l'Empire de la Méditerranée. Paris, 1912.
49. *Un Latin.* Une confederation orientale comme solution de la Question d'Orient. Paris, 1905.
50. *Perry D.M.* Stefan Stambolov and the Emergence of Modern Bulgaria 1870–1895. London, 1993. P. 144, 152–153; *Pundeff M.* Bulgarian Nationalism // *Nationalism in Eastern Europe.* Seattle, 1994.
51. *Константинов П.* История на България с някои премъчавани досега исторически факти 681–2001 // (<http://chitanka.info/lib/text/2992>).
52. *Гешов И.* Престъпно безумие и анкетата по него. Факти и документи. София, 1914.
53. *Адамов Е.А.* Константинополь и Проливы. М., 1925. С. 17–18; *Bobroff R.* Behind the Balkan Wars: Russian Policy towards Bulgaria and the Turkish Straits, 1912–1913 // *The Russian Reviv.* № 59.
54. *Constant S.* Foxy Ferdinand, Tsar of Bulgaria, London, 1979; *Königslow J.* Ferdinand von Bulgarien. Munich, 1970; *Мадол Х.Р.* Фердинанд, цар на българите. Мечтата за Византия. София, 1992; *Давчева Д.* Лисицата и лъвът. Фердинанд I на фона българската психологическа и политическа действителност 1886–1902. София, 1994; *Crampton R.J.* Bulgaria. New York, 2007. Ch. 5–7; *Исаева О.Н.* Царь болгар Фердинанд Саксен-Кобург-Готский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009.
55. *Nekudoff A.* Diplomatic reminiscences before and during the World War. 1911–1917. New York, 1920.
56. Последни дни преди обявяването на Балканската война. Из дипломатическия дневник на М. Сарафов 14 IX – 4 X 1912 г. Цариград // Военно-исторически сборник. 2006. № 3.
57. *Ленин В.И.* ПСС. М., 1973. Т. 23.

© 2015 г. В.И. КОСИК

КОНСТАНТИНОПОЛЬ – РУССКАЯ ДОРОГА

*Москва и град Петров, и Константинов град –
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? И где его границы –
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...*

*Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Ефрат, от Ганда до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то провидел дух и Даниил предрек.*

Тютчев Ф.И. «Русская география»

«Константинополь рано или поздно должен быть наш»

Достоевский Ф.М.

Статья посвящена истории идеи «русского Константинополя» в философии, публицистике, политической, религиозной и военной мысли. Идеи, мечты, проекты по овладению Царьградом и водружению креста над св. Софией рассматриваются в сочетании с последующими планами России, особенно во время войн на Балканах конца XIX – начала XX вв.

The article displays the «Russian Constantinople» in philosophy, political and military, religion writings. Ideas, dreams, and projects of taking-over Tsargrad and raising the cross over the St. Sophia Cathedral are considered in the context of later Russian plans regarding the city, especially during the wars, Russia was carrying on in the Balkans in the late nineteenth – early twentieth centuries.

Ключевые слова: Константинополь, Восточный вопрос, православие, славянская конфедерация, славяно-азиатская цивилизация.

С идеей возвращения этого знаменитейшего города, столицы Византийской империи были связаны философские, политические и стратегические построения многих знаменитых ученых мужей, дипломатов, военных, царей и их преемников. Известна идея монаха псковского Елеазарова монастыря иосифлянина Филофея «Москва – третий Рим», сформулированная им в XVI в. в одном из посланий. В ней отразилась мысль о богоизбранности русского православного народа и одновременно нашла подтверждение теория «длящегося Рима». (В XV в. после падения Константинополя в 1453 г. митрополит всея Руси Зосима уже высказался в этом смысле о Москве как о «новом граде Константина» – новом православном

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

центре мира.) Здесь можно традиционно вспомнить греческий проект, предполагавший восстановление Византийской империи во главе с правителем из русского царского Дома. Напомнить, что в 1787 г. во время известного крымского путешествия Екатерины Великой на воротах Севастополя по ее повелению была сделана надпись: «Дорога в Константинополь».

Имевшая религиозно-исторический характер, эта идея по мере продвижения России на Балканы приобретала ярко выраженную политическую окраску, особенно во второй половине XIX в. И совсем не случайно в тогдашних разговорах о политике России в этом регионе бытовала притча о черепахе, медленно продвигающейся к далекому ручью со светлой и чистой водой, перед ней встают различные препятствия, но она упорно движется к заветной цели. Здесь черепаха – Россия, ручей – Константинополь.

И дело тут не в одном историческом мессианизме – водружении креста над храмом св. Софии. Вспомним «русского ястреба» Николая Павловича Игнатьева, который подчеркивал, что его империи тесно в Черном море и она должна – прямо или косвенно – владеть Проливами для обеспечения безопасности и благосостояния юга страны. По его мнению, Россия вынуждена стремиться к господству в Константинополе уже только для того, чтобы хранить ключи от своего дома у себя, а не в руках турецкого султана [1. Кн. 7. С. 79].

Кстати, великий везир Фуад-паша в политическом завещании (1869) писал султану Абдул-Азису о том, что расширение России на восток есть фатум и «если бы он был русским министром, то перевернул бы мир для захвата Константинополя» [1. Кн. 7. С. 79].

Любопытно здесь привести и мнение англичанина Кобдена. В 1830-х годов в памфлете «Россия; лекарство против русофобии. Написано манчестерским фабрикантом» он, в частности, подчеркивал: «Если бы С.-Петербургское правительство было перенесено на берега Босфора, то на месте хижин, образующих сейчас турецкую столицу, менее чем через 20 лет вырос бы блестящий и богатый европейский город; здесь выросли бы великолепные здания, возникли бы ученые общества, процветали бы изящные искусства. Если бы русское правительство действительно достигло такой силы, оно прекратило бы войну с мечом в руках и начало бы борьбу против варварства, сооружая железные дороги, строя мосты, способствуя накоплению капиталов, росту городов и успехам цивилизации и свободы [...] Рабство, оскверняющее Константинополь, немедленно исчезло бы» [2. Т. 10. С. 45].

Здесь я хотел бы вначале представить видение Константинополя, его значения и судьбы в текстах Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева. Причем, сразу хочу отметить, что не вкладываю какого-либо сугубо отрицательного содержания в слово «панславизм». Для меня это, как и для многих других, есть идея объединения славянства.

В 1864 г. русский дипломат, философ, публицист Константин Николаевич Леонтьев высказал несколько сумасшедшую идею о создании Фракийского или Фрако-Македонского княжества во главе с русским князем. По его мнению, это могло бы положить конец греко-болгарскому церковному вопросу.

Может быть, здесь следует еще добавить, что претенциозные мечты об этом городе витали и в головах болгар, и, в особенности, греков с их идеей воссоздания эллино-византийской империи. Нелишним представляется напомнить, что после поражения Турции в Первой мировой войне Греция рассчитывала получить «исторические» земли, захваченные ранее турками у Византии и расширить территорию страны на север и на восток [3. № 4. С. 230].

В отличие от балканских политиков с их национально-великодержавными построениями, Константин Николаевич Леонтьев в «восточных» построениях шел дальше и дальше, пока не остановился на образовании славянской конфедерации

под гегемонией России, призванной стать щитом против Запада с его революциями в области духа. Именно здесь он видел пути решения Восточного вопроса.

В чем же была его суть? Традиционное объяснение историков можно, грубо говоря, свести к разделу владений «разлагающейся» Оттоманской империи. Но здесь я хотел бы предоставить слово Федору Михайловичу Достоевскому, который писал: «Восточный вопрос есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России. Что же это за судьбы православия? Римское католичество, продавшее уже давно Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество и бывшее таким образом главной причиной «матерьялизма» и атеизма Европы, это католичество естественно породило в Европе и социализм. Ибо социализм имеет задачей разрешение судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа, и должен был зародиться в Европе естественно, взамен упавшего христианского в ней, по мере извращения и утраты его в самой церкви католической. Утраченный образ Христа сохранился во всем свете чистоты своей в православии. С Востока и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может, вновь спасет европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чем для России заключается Восточный вопрос. Но для такого назначения России нужен Константинополь, так как он – центр восточного мира» [4. Т. 26. С. 85].

Для Леонтьева – это, прежде всего, священное наследство православной России. Воплощение идеи о русском Царьграде означало для Леонтьева силу и крепость православной, самодержавной империи, гибель которой откладывалась бы на неопределенное время. Захват Царьграда связывался им не столько с освобождением славян, сколько с «развитием своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации» [5. Т. 5. С. 420].

Это был бы не крестовый поход, а своеобразная крестовая оборона. И здесь главная задача отводилась формированию восточноправославной политической, религиозной, культурной – но ни в коем случае не административной – конфедерации славянских стран. Именно эта конфедерация под гегемонией самой неславянской и в то же время славянской России должна была обеспечить «новое разноеобразие в единстве, все славянское цветение», стать оплотом против пошлого европеизма и обеспечить себе духовную независимость» [5. Т. 5. С. 255].

В несколько ином ключе писал Николай Яковлевич Данилевский в знаменитом труде «Россия и Европа»: «Под этнографическим условием, славяне действительно должны составить федерацию; но федерация эта должна обнять все страны и народы – от Адриатического моря до Тихого океана, от Ледовитого океана до Архипелага [...] под водительством и гегемониею цельного и единого Русского государства» [6. С. 385].

Причем в названную федерацию должны «волею или неволею, войти те неславянские народности (греки, румыны, мадьяры), которых неразрывно, на горе и радость, связала с нами историческая судьба, втиснув их в славянское тело» [6. С. 386].

Здесь только можно заметить, что не так уж они были «втиснуты», та же Греция имела выход к морю. Да и сама идея, связанная с «обязательностью вхождения», несла в себе семена разрушения конструируемого «союза»: больше было разъединяемого, нежели соединяемого, достаточно вспомнить культуру.

В то же время Данилевский весьма трезво оценивал ситуацию, когда писал, что «дозволено, конечно, опасаться, чтобы Константинополь, сделавшись столицей России, не привлек к себе в слишком значительной степени нравственных, умственных и материальных сил России и тем не нарушил в ней жизненного равновесия».

Итак, Константинополь не должен быть столицей России, «не должен сосредотачивать в себе ее народной и государственной жизни – и, следовательно, не

должен и входить в непосредственный состав Русского государства [...] освобожденный Константинополь, преобразенный в настоящий Царьград, должен быть сам по себе, чем-то больше, нежели столицей Русского царства, в отношении же к России быть меньше этого; не должен быть с нею в слишком тесной связи, иметь такое материнское значение, на которое имеет право только Москва. Одним словом, Царьград должен быть столицей не России, – а всего Всеславянского союза» [6. С. 408].

Царьград – эта отвлеченная идея – будет вновь и вновь возникать и оживать на страницах сочинений русских панславистов. В сущности, само человечество и может жить только благодаря отвлеченным идеям как бы их не называли – мечтами, фантазиями или снами!

Так, Леонтьев предполагал, что утверждение России на Босфоре даст «тот выход из [...] нравственного и экономического расстройств, который мы напрасно будем искать в одних внутренних переменах. Раз вековой сословно-корпоративный строй жизни разрушен эмансипационным процессом, новая прочная организация на старой почве и из одних старых элементов становится невозможной. Нужен крутой поворот, нужна новая почва, новые перспективы и совершенно непривычные сочетания, а главное необходим новый центр, новая культурная столица» [5. Т. 5. С. 421]. В сущности, тут можно и нужно говорить о Леонтьеве как предтече евразийства с его поворотом к Востоку.

И здесь Царьград, по его мысли, с «прилегающими округами Фракии и Малой Азии (напр., до Адрианополя включительно и вплоть до наших теперешних границ около Карса) должен лично принадлежать государю императору, т.е. вся эта цареградская или византийская область должна под каким-нибудь приличным названием состоять в так называемом *union personnelle* с русской короной (наподобие Финляндии или прежней Польши или наподобие Норвегии, в которой король шведский есть нечто в роде наследственного президента). Там само собою, при подобном условии, и начнутся те новые порядки, которые могут служить высшим объединяющим культурно-государственным примером, как для 1000-летней, несомненно уже устаревшей и с 61-го года заболевшей эмансипацией России, так и для испорченных европейскими влияниями афинских греков и юго-славян.

Поставленный, с одной стороны, Россией только в личное, а не в реальное соединение; призванный; с другой – стать не административной только столицей одного государства, а культурным центром целого Греко-славянского союза или нового восточного мира, Царьград не легко подвергнется опасности, что в него целиком перенесутся устаревшие привычки демократизованного за последнее время Петербурга, а напротив того, сам этот, столь вредный, цивилизованный, но не культурный (не культурный, значит, по-моему, несвоеобразный) Петербург начнет быстро падать и терять значение, и в самой России административная столица почти невольно перенесется южнее, – вероятно, не в Москву, а в Киев. (В начале XX столетия идея о Киеве как стольном граде высказывалась двумя примечательными русскими людьми – Петром Аркадьевичем Столыпиным и митрополитом Антонием (Храповицким)).

Итак, будут тогда две России, неразрывно сплоченные в лице государя: Россия – империя с новой административной столицей (в Киеве) и Россия – глава Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре» [5. Т. 5. С. 422].

Только один вопрос оставался открытым: не станет ли Царьград «разносчиком “либеральной заразы”, уже проникшей в славянские народы»?

Здесь можно снова представить слово Достоевскому, который не забывал подчеркнуть, что «чуть ли не вся интеллигенция восточной райи хоть и зовет Россию на помощь, но боится ее, может быть, столько же, сколько и турок: хоть

и освободит нас Россия от турок, но поглотит нас как и “больной человек” – вот их неподвижная идея, отравляющая все их надежды!» [7. Т. 21. С. 78].

При этом сам Достоевский выступал против мнения, высказываемого в Европе и некоторыми «высшими политическими умами» в России, что Константинополь, если турки «умрут», должен возродиться как «вольный город», международный. Русский писатель полагал, что «если б каким-либо образом, сам собою или от меча России, умер бы, наконец, “больной человек” [...] вся Европа возгорелась бы к обновленным народам, нежнейшею любовью и тотчас же бросилась бы “спасать их от России”. Надо думать, что идею о “международности” Европа первой и внесет в их новое устройство [...] И не будет такой клеветы, которую бы не пустила в ход против нас Европа. “Из-за русских-то мы вам и против турок не помогали”, – скажут им тогда англичане» [7. Т. 21. С. 79].

«Никакой Европе не должны мы уступать ничего в этом деле ни для каких соображений, потому что это наша жизнь и смерть. Константинополь должен быть наш, рано ли, поздно ли, хотя бы именно во избежание тяжелых и неприятных церковных смут, которые столь легко могут возродиться между молодыми и не жившими народами Востока и которым пример уже был в споре болгар и вселенского патриарха, весьма плохо окончившемся [...]

Не один только великолепный порт, не одна только дорога в моря и океаны связывают Россию столь тесно с решением судеб рокового вопроса, и даже не объединение и возрождение славян [...] Задача наша глубже, безмерно глубже. Мы, Россия, действительно, необходимы и неминуют для всего Восточного христианства, и для всей судьбы будущего православия на земле, для единения его. Так всегда понимали его наш народ и государи его [...] Одним словом, этот страшный Восточный вопрос – это чуть ли не вся судьба наша в будущем. В нем заключаются как бы все наши задачи, и, главное, единственный выход наш в полноту истории. В нем и окончательное столкновение наше с Европой, и окончательное единение с нею, но уже на новых, могучих и плодотворных началах» [4. Т. 21. С. 81–82].

Как видно, судьбу Константинополя русские мыслители толковали с разных позиций. В целом, да, Константинополь должен быть русским, а дальше у каждого были свои мысли, диктуемые необходимостью ли создания славянской федерации, разрешения ли Восточного вопроса, пониманием роли и значения самой России.

Проекты, мечты, фантазии сменялись войнами. Случалось, что боевые схватки с турками сменялись защитой прежних врагов.

В начале 1830-х годов, когда в Смирне произошел переворот и возникла угроза Константинополю со стороны бунтовщиков, то русский десантный отряд высадился на Босфоре и занял оборону на его азиатском берегу, в долине Ункиар-Искелесси. Там же был поставлен российскими солдатами памятник: «В память Олега полки Николая». Потом все же решили не дразнить турок и ограничились надписью: «Июня 25-го (день рождения государя. – В.К.) дня 1833 года». На этот день пришлось и подписание известного Ункиар-Искелессийского договора, по которому Россия значительно укрепляла позиции в Османской империи. После отплытия наших судов на родину турки высекли на камне и свою надпись: «Сей отломок скалы воздвигнут в память пребывания русских войск гостями в этой долине. Да уподобится дружба между обеими державами твердости и постоянности камня сего, да будет она долго воспеваема устами друзей» [7. Т. 77. С. 617].

Однако дружба в политике вещь непостоянная. Османская империя оставалась племенным врагом славянства, стерегущим Проливы, выход из «турецко-русского озера» в другое – «европейское озеро».

Хотя и здесь все было непросто. В 1828 г., в год начала очередной русско-турецкой войны, К.В. Нессельроде писал командарму русской армии на Балканах И.И. Дибичу, что «Его Императорское Величество считает, что положение вещей,

существующих в Османской империи, должно быть сохранено самым строгим образом». Далее министр подчеркивал: «Мы не хотим Константинополя. Это было бы самым опасным завоеванием, которое мы могли бы сделать» [8. № 1, 2. С. 94].

Но все же здесь следует сказать, что, конечно, город мог быть и «не нужен». Но Проливы, открытые для вражеских кораблей, что было продемонстрировано в Крымскую войну, требовали решения, желательно, русского. И русское решение несомненно было бы связано с Константинополем в той или иной степени.

«Неудача» в Крымской войне не означала «замерзания» Восточного вопроса. Во второй половине 1870-х годов Европа была взбудоражена начавшимися на Балканах антитурецкими выступлениями. Не осталась в стороне и Россия.

В военных кругах России уже составлялись соответствующие планы. 1 октября 1876 г. начальник Генштаба Н.Н. Обручев представил военному министру Д.А. Милютину план войны, предусматривавший удар на Константинополь. В окончательном плане от марта 1877 г. также была зафиксирована необходимость взятия Константинополя. Обручев полагал, что это «должно было поставить Европу перед свершившимся фактом. Быстрая, победоносная, эффектная война должна была стать залогом невмешательства держав» [9. С. 146, 147, 165, 166]. Но вхождение в Константинополь не состоялось. «Англичанка подгадила».

О последнем сюжете сохранилась интересная запись беседы П.А. Сабурова с О. фон Бисмарком (10/22 июля 1879 г.) на тему войны. В ней «друг России» подчеркивал, что нужно России было «не задерживаться перед Галлиполи и войти в Константинополь с клятвой, что выйдет оттуда по окончании войны». Против этих строчек осталась помета Александра II: «Именно таковы были мои желания и распоряжения, но обстоятельства не допустили этого» [10. Т. 1. С. 71].

Этим словам можно верить только при одном условии, что сам вывод русских войск был бы обусловлен рядом уступок и предоставлением льгот в пользу Российской империи в стратегически важном районе. Что же касается «обстоятельств», то они хорошо известны. Прежде всего, это угроза войны с Англией, «не осведомленной заранее» о планах Петербурга. Впрочем, даже действуя открыто, Петербург вряд ли добился бы «разрешения» на взятие Константинополя. Иными словами, прыгать из одной войны в другую, из русско-турецкой в европейскую, с Великобританией, было неразумно.

Добавлю, что для самого Леонтьева русско-турецкая война 1877–1878 гг. не оправдала надежд. Да и надежды эти были «червивыми». Изливая душу в письме к своей хорошей знакомой Е.С. Карцовой, он писал в апреле 1878 г.: «Вот, посмотрите нечаянно возьмем в мае Царьград, и, все отрещиваясь и все ползая перед этой (не нахожу эпитета, чтобы выразить всю ненависть мою), перед этой Европой и все извиняясь столь искренно, вобьем мы на Босфоре ряд простых осиновых колов и они зазеленеют там, хоть на короткое время. Долгого цветения нельзя ждать от такой нации, где всех судей, адвокатов, прокуроров и присяжных M-elle Засулич не отдадут под правильный суд или на растерзание той толпы, в которой остались еще искры здравого гражданского понимания. Какой долгой жизни можно ждать от этой нации, кроме мгновенного цветения осиновых колов, согретых случайно, солнцем юга. Да! Царьград будет скоро, очень скоро наш, но что принесем мы туда? Это ужасно! Можно от стыда закрыть лицо руками [...] Речи Александровы, поэзию Некрасова, 7-ми этажные дома, европейские (мещанские, буржуазные моды) кэпи! Господство капитала и реальную науку, панталоны; эти деревянные крахмальные рубашки, сюртуки. Карикатура, карикатура! О холопство ума и вкуса, о позор!» [11. С. 274–275]. Позднее, в «Письмах о Восточных делах» Леонтьев объяснит, что захват Константинополя не состоялся по «смотрению» Божию; Россия тогда была слишком либеральна [5. Т. 5. С. 407].

Итак, можно сказать, что война, даже победа в ней, еще не означала победы духа, построения желательной всеславянской федерации, когда в самой России «расцвел» либерализм.

Но идея взятия «русского наследства» во времена Александра III, императора-миротворца, не исчезала.

Позволю себе остановиться на записке Д.А. Милютина – «Мысль о возможном решении Восточного вопроса в случае окончательного распада Османской империи» от 5 ноября 1880 г.

Он полагал, что «место Турции в Европе должна занять конфедерация нескольких самостоятельных государств под общим покровительством стран Европы». В ее состав входили бы: Албания, Болгария, Греция, Румыния, Сербия, Черногория. На определенных условиях туда была бы включена Босния и Герцеговина. Сам Царьград оставался бы в руках турок. Контроль за отношениями стран планируемой конфедерации с европейскими государствами брала на себя международная комиссия из представителей шести европейских держав – Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России, Франции. Вопрос о Проливах предлагалось решить посредством их нейтрализации, т.е. наложение запрета вхождения военных кораблей великих держав через Босфор и Дарданеллы в черноморский бассейн (см. [12. С. 16–17]).

Все выглядело весьма сложно.

Надо было быть проще, что и продемонстрировал в 1896 г. Николай II. Во время встречи с англичанином Солсбери в замке Балмораль русский царь заявил: «Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на любой стороне проливов. Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять ее» [9. С. 287].

Но Константинополь сам «поплыл» в русские руки после вступления Турции в Первую мировую войну на стороне Германии и ее союзников. Посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен писал так об этом в воспоминаниях: «Влияние Германии, усиленное престижем ее побед и присутствия в Константинополе двух ее военных кораблей, перевешивало влияние держав Согласия и, в конце концов, победило. В начале октября проливы были закрыты, а несколько недель спустя два турецких миноносца вошли в гавань Одессы и потопили русский броненосец. Закрытие проливов было для России парализующим ударом. Оставшись только с двумя портами – Владивостокским на Дальнем Востоке и замерзающим на зиму Архангельским портом на севере – она окончательно была разобщена со своими союзниками на западе» [13. С. 145].

Выход был только один. В высочайшем манифесте по случаю нападения Турции на Россию 2 ноября 1914 г. Николай II писал: «Вместе со всем Народом Русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря» (цит. по [14. С. 163]). Комментарии какие-либо здесь не нужны.

Разве только задуматься над тем, как Царьград может перекроить карту региона.

Например, русское видение судьбы Константинополя было у митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего Русскую православную церковь за границей после гибели самодержавия в России.

В 1915 г. он писал: «На настоящую войну наш народ взирает как на освобождение христианства от ига еретиков и магометан, а конечную цель ее видит в освобождении Священного Цареграда с церковью Святой Софии и Иерусалима с Господним Гробом [...] в интересах правды, в интересах религии и науки, наконец, в интересах чисто русских национальных Константинополь должен быть сделан столицей Византийской империи, и все греческие провинции Балканского

и Малоазийского полуостровов должны быть в нее включены [...] Вот тогда со всею силою проснется русское самосознание: наука и поэзия возвестят миру о чувствах и молитвах русской души, и исполнятся чаяния последних Рюриковичей и первых Романовых о том, что Московскому царству суждено быть третьим Римом, а четвертому Риму не бывать» [15. № 1].

Это иерарх, а русские люди? Один из ответов можно найти у Мориса Палеолога, написавшего следующие строки: «Нападение турок нашло отклики в самых глубинах русского сознания.

Естественно, что взрыв изумления и негодования нигде не был сильнее, чем в Москве, священной метрополии русского национализма. В опьяняющей атмосфере Кремля вдруг пробудились вновь все романтические утопии славянофильства. Как во времена Аксаковых, Киреевского, Каткова, идея провиденциальной мировой миссии России возбуждает в эти дни умы москвичей» [14. С. 164].

Русский царь говорил, что после войны он должен будет обеспечить империи «свободный выход через проливы [...] Турки должны быть изгнаны из Европы [...] Константинополь должен отныне стать нейтральным городом, под международным управлением. Само собою разумеется, что магометане получили бы полную гарантию уважения к их святыням и могилам. Северная Фракия, до линии Энос – Мидия, была бы присоединена к Болгарии. Остальное, от этой линии до берега моря, исключая окрестностей Константинополя, было бы отдано России» [14. С. 169].

Свои планы были и среди военных. Так, в памятной записке начальника черноморской оперативной части морского генерального штаба капитана 2-го ранга А.В. Немитца от 1/14 декабря 1914 г., составленной по вопросу «в каких пределах мы хотим утвердить господство России в Константинополе, Босфоре, Дарданеллах и других, соприкасающихся с этим районах», были такие строки: «Отделить вопрос о Проливах от вопроса о Константинополе, и утвердить, что Проливы нам безусловно необходимы [...] Константинополь же как город нам совершенно не нужен, ибо он не дает нам никакой реальной выгоды, а грозит крупнейшими политическими осложнениями» [16. С. 190].

Далее А.В. Немитц утверждал: «Если Россия господствует на Босфоре и Дарданеллах своею вооруженною силою, то сила господства, несомненно, принадлежит ей в Константинополе, но [...] мы не должны присоединять Константинополь к владениям Российской империи на правах полного обладания. Здесь необходимо применить более тонкую и одухотворенную форму, которая потребует одновременно и более уполномоченного лица в Константинополе, а не простого губернатора. Там должен быть уполномоченный Россиею “консул” (наместник) с громадными полномочиями, ибо задача его будет сложная – административная, военная и политическая [...] Россия должна в то же время избрать такую форму господства, при которой нам не приходилось бы входить и разбираться в различных перекрещивающихся и сталкивающихся интересах великих и малых держав и религиозных и интернациональных организациях мира; России самой следует выделить Константинополь с прилегающим к городу районом в вольный и нейтральный город с самоуправляющеюся городскою общиной, организацию которой предоставить установить Европе. В целом, России необходимо только получить контроль над городом в том отношении, чтобы никто не сооружал на территории Константинополя, непосредственно примыкающей к нашей босфорской крепости, никаких военных сооружений, и чтобы от нашего наместника зависело самостоятельно принимать соответствующие меры [...] При этом решении, конечно, должно получить удовлетворение и наше особое национальное чувство – собор Святой Софии в Константинополе восстановит свой христианский образ и свою христианскую деятельность» [16. С. 195].

В несколько ином ключе, но весьма жестко, если не грубо, говорил, судя по записям М. Палеолога от 2 ноября 1914 г., С.Д. Сазонов: «Нам нужно получить прочные гарантии по отношению к Босфору. Что касается Константинополя, то я лично не желал бы изгнания из него турок. Я бы ограничился тем, что оставил бы им старый византийский город с большим огородом вокруг. Но не более» [14. С. 164].

В ходе войны проблема Константинополя и проливов не раз была предметом рассмотрения военных и дипломатических ведомств. Осенью 1914 г. военным агентом в Турции генерал-майором М.Н. Леонтьевым была высказана идея о возможности, при соблюдении определенных условий, совместного болгаро-русского выступления против Турции с продвижением на Константинополь и его занятием совместными силами [17. С. 325]. Однако тогда, как пишет далее В.Б. Каширин, этот план имел «лишь теоретическое звучание, поскольку [...] в военном отношении на черноморских рубежах Россия в тот момент была бессильна» [17. С. 326]. Позднее, 12 декабря 1914 г., начальник штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич по поручению своего августейшего начальника писал С.Д. Сазонову: «При нынешней обстановке, требующей сосредоточения всех наших усилий на главном театре военных действий, вопрос о выделении особых сил для овладения проливами не может быть поднят ранее достижения нами решительного успеха над нашими западными противниками. Если бы после достижения такового успеха нам не удалось обеспечить себе обладание Константинополем и проливами дипломатическим путем, то вопрос этот должен будет составить предмет совершенно особой военной операции, определить объем которой в настоящее время представляется весьма затруднительным» [17. С. 329]. Потом были планы по участию в Дарданелльской операции, начатой союзниками в 1915 г. Стал готовиться русский десант в районе Босфора. Одной из целей операции, как писал 6 марта 1915 г. Янушкевич командующему морскими силами Черноморского флота адмиралу А.А. Эбергарду, предполагалось «занятие территории как Константинополя, так и прилегающих районов проливов, т.е. Босфора по обеим его берегам, а Дарданелл по западному берегу, с заранее предусмотренным выделением в ведение союзников отдельных кварталов турецкой столицы» [17. С. 337]. В апреле 1915 г. Николай II во время посещения Одессы получил от архиепископа Херсонского Назария «медный крест, отлитый из пятаков и гривен, которые пожертвовали нижние чины в 1854 г., когда архиепископ Одесский Иннокентий (Борисов) благословлял шедшие на войну войска. [...] Владыка Назарий в своей речи озвучил пожелание, чтобы крест был водружен в колыбели русского православия – Царьграде» [18. С. 345]. Русский царь в тот же день, 14 апреля, вручил медный крест русским воинам, будущим участникам десантной операции, чтобы они «водрузили его на св. Софии» [17. С. 346].

Однако, как пишет Каширин, детально исследовавший тематику, связанную с деятельностью и бездеятельностью в сфере приготовления военных операций, нацеленных на проливы и Константинополь, русское командование не было готово к действительному проведению такой операции и ограничилось по просьбе союзников демонстративными приготовлениями, чтобы отвлечь турок от Дарданелл [17. С. 343]. Даже царь не был поставлен в известность о такой «военной интриге». В итоге все так и закончилось провалом. Хотя в 1917 г. вновь начались было приготовления к походу в район Босфора, но развал армии и флота ликвидировал все планы [17. С. 366].

Союзники России по войне также были согласны пойти навстречу России в этой стратегической сфере.

Достаточно хорошо известно и англо-франко-русское секретное соглашение 1915 г., которое предусматривало включение Константинополя и Проливов

в границы Российской империи (оно не было оформлено договором и представляло собою обмен памятными записками и вербальной нотой).

Сохранение соглашения предусматривало и Временное правительство. Министр иностранных дел П.Н. Милюков в телеграмме от 1/14 апреля 1917 г. послу в Париже А.П. Извольскому и поверенному в делах в Лондоне К.Д. Набокову сообщал: «Последняя декларация Временного правительства об основных началах нашей внешней политики упоминает, между прочим, о “полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников”. Ввиду того, что эти обязательства являются двусторонними, мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях» [16. С. 479].

Октябрьская революция окончательно смешала все планы. В подписанном 20 ноября (3 декабря) 1917 г. председателем Совета народных комиссаров В.И. Ульяновым и народным комиссаром по национальным делам Джугашвили обращении Советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» были следующие строки: «Мы заявляем, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные свергнутым Керенским, – ныне порваны и уничтожены. Республика Российская и ее правительство, Совет народных комиссаров, против захвата чужих земель: Константинополь должен остаться в руках мусульман» [18. С. 52].

Однако последующее время показало, что вопрос Константинополя и Проливов не ушел в историю и время от времени вновь возникал на советском горизонте. Но это уже другой сюжет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тодев И.* Граф Игнатиев и принципът за единство на православието // Исторически преглед. София, 1991.
2. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч. В 39 т. М., 1958.
3. *Улунян Ар.А.* К истории армяно-греческих отношений в 1918–1919 гг. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1987.
4. *Достоевский Ф.М.* ПСС. В 30 т. Л., 1984.
5. *Леонтьев К.Н.* Собр. соч. М., 1912.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1871.
7. *Феоктистов Е.* Эпизод из истории русской политики на Востоке // Русский вестник. М., 1868.
8. *Кинятина Н.С.* Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история 2001. № 1–2; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. М., 1978.
9. *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «Русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.
10. Красный архив. М., 1922.
11. *Карцов Ю.С.* Письма К.Н. Леонтьева к Екатерине Сергеевне, Ольге Сергеевне и Юрию Сергеевичу Карцовым, 1878 год // Памяти Константина Николаевича Леонтьева, 1891: Литературный сборник. СПб., 1911.
12. *Кинятина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1995.
13. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.
14. *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923.
15. *Антоний, архиеп.* Чей должен быть Константинополь? // <http://novchronic.ru/dsr75.htm>
16. Константинополь и Проливы по секретным документам б. министерства иностранных дел под редакцией Е.А. Адамова. М., 1925.
17. *Каширин В.Б.* Бессилие и лукавство у порога Балкан: проблема применения военной силы в стратегии России на черноморско-балканском направлении в 1914–1915 гг. // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012.
18. Международные отношения и внешняя политика СССР (Сборник документов) (1871–1957). М., 1957.

© 2015 г. В.Б. ХЛЕБНИКОВА

РОЛЬ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РОССИИ И ЧЕРНОГОРИИ В ВЫСТРАИВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

В статье речь идет о роли династических связей монархов России и Черногории в выстраивании политических контактов двух государств в конце XIX – начале XX в. Черногорская монархия извлекла максимальную пользу из этих родственных уз. Император Николай II проявлял неизменные великодушие и щедрость в отношении своего балканского союзника. Но нельзя утверждать, что надежды российского правительства на благодарность и солидарность полностью оправдались.

This article deals with the role of dynastic ties between the monarchs of Russia and Montenegro in building-up political contacts between the two nations in late nineteenth – early twentieth centuries. The rulers of Montenegro obtained significant benefits from these bonds Emperor Nikolai II remained invariably generous to his Balkan ally. By the same token, one cannot state that the Russian government's hopes for reciprocal gratitude and solidarity came true.

Ключевые слова: Романовы, Петровичи-Негоши, династические связи, политическое сотрудничество.

Династические узы связали Россию и Черногорию гораздо позже, чем сложилось их государственное, военное и дипломатическое партнерство. Возникновение первых политических контактов традиционно относят к 1711 г., когда Петр I отправил югославянам Османской империи грамоту с призывом к совместной борьбе. Потом в течение XVIII–XIX вв. России пришлось немало потрудиться, чтобы помочь провозглашению Черногории автономным княжеством. И, наконец, благодаря победе в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., а также значительным дипломатическим усилиям на Берлинском конгрессе, Черногорское княжество стало субъектом международного права, суверенным государством. Только после этого официального признания семейство Петровичей-Негошей получило членство в «клубе» европейских монархов, причем их статус был, пожалуй, самым скромным из всех августейших особ. Романтическая история превращения горцев-пастухов в политиков-поэтов, вождей и правителей, несомненно, будоражила европейское общественное мнение, привыкшее к более-менее строгому соблюдению принципа легитимизма после падения Наполеона. Князь Никола считался талантливым политиком и дипломатом, но вряд ли мог рассчитывать на то, что европейские монархи забудут его родословную. Тем не менее, он не смущался своего более чем демократического происхождения, убеждая других и себя самого, что имеет право на равных говорить с представителями старейших династий Европы, поддерживать с ними разнообразные, в том числе и семейные, контакты.

Хлебникова Варвара Борисовна – канд. ист. наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Продвижение дома Петровичей по династической лестнице вверх началось еще в 1889 г., когда воспитанница Смольного института и бесприданница Милица, дочь черногорского господаря, вышла замуж за великого князя Петра Николаевича Романова. Затем ее примеру последовала другая дочь Николы Анастасия (Стана), ставшая женой Георгия Лейхтенбергского, князя Романовского. Брак оказался неудачным, и в 1907 г. Стана снова вышла замуж за русского великого князя Николая Николаевича, брата Петра Николаевича. Этот союз противоречил принятым в Русской православной церкви нормам семейного права, но для столь высоких особ было сделано исключение. В 1896 г., снова не без помощи российского двора, еще одна дочь Николы Елена стала женой итальянского короля Виктора Эммануила III. Были и другие удачные для Негошей династические браки, и все они заключались при поддержке и одобрении российского императорского дома.

Правда, в деле укрепления семейных уз с европейскими монархами часто возникали протокольные затруднения, связанные со слишком невысоким статусом Петровичей-Негошей, но эти препятствия черногорский двор научился удачно преодолевать. В качестве примера стоит вспомнить женитьбу старшего сына Николы княжича Данилы на принцессе Мекленбургской. Титул Петровичей для этого брака был слишком скромным, и Никола развил бурную деятельность, чтобы его повысить. Князь просил российских руководителей признать за ним право называться королевским высочеством. С точки зрения традиционной иерархии монархов в Европе, это было довольно необычно, но политические соображения (стремление повысить авторитет малых союзников России на Балканах) заставили ближайших сотрудников Николая II отнестись к просьбе с пониманием и поддержать ее. Черногорский монарх очень настойчиво торопил российскую элиту принять нужное ему решение. Об этом иронично писал из Цетинья министр-резидент К.А. Губастов в донесении от 7 сентября 1900 г., когда уже был официально подписан договор о заключении брака между Черногорией и княжеством Мекленбург-Стрелиц [1. С. 355]. Российский дипломат сообщал о содержании своей беседы с тогдашним министром иностранных дел Черногории Гавро Вуковичем: «Хотя г. Гавро и согласен со мною, что 40-летняя годовщина княжения не может быть признана вполне достаточным внешним поводом для возвышения титула, и что нынешний год ввиду финансовых невзгод [...] весьма для этого неудобен, но черногорский министр уверяет, что не имеет более сил сдерживать нетерпеливое желание господаря получить давно приготавливаемое прибавление к носимому им титулу» [2. Д. 3322. Л. 7об.–8]. С помощью России Никола добился желаемого и в декабре 1900 г. принял титул королевского высочества [2. Д. 3322. Л. 13].

Вопрос о том, почему Романовы так последовательно поддерживали своих черногорских родственников, до сих пор, на мой взгляд, не получил полного ответа. Можно сослаться на установившееся в исторической науке мнение, что Россия считала Черногорию верным союзником и надеялась использовать ее в своих интересах. Однако это широко распространенное заблуждение не находит фактического подтверждения в дипломатических и военных источниках. Напротив, красной нитью через донесения российских представителей, работавших в княжестве, проходит утверждение, что черногорские правящие круги не являются надежным партнером, что помощь России они используют не по назначению, что в критическую минуту опереться на них Россия не сможет. Количество таких пессимистических оценок и прогнозов многократно превосходит положительные отзывы о состоянии российско-черногорских официальных связей. Вся эта негативная информация систематически доводилась до сведения МИД России и самого царя, который собственноручно писал резолюции на подобных докладах. Нет никаких сомнений, что Николай II был хорошо информирован о черногорских делах.

Тем не менее, любая просьба о помощи, в том числе самая нескромная, внимательно рассматривалась, обсуждалась и удовлетворялась, хотя бы и в меньшем

размере. Например, осенью 1900 г. Николай II, отдыхая в Ялте, лично передал министру финансов С.Ю. Витте письмо князя Николы, в котором содержалась просьба «о выдаче черногорскому правительству ссуды в 6 миллионов франков» или о гарантиях займа на соответствующую сумму [2. Д. 3350. Л. 6–8]. Царь приказал Витте приготовить доклад по этому поводу. Затем было принято высочайшее решение помочь 750 тысячами рублей, 18 октября 1900 г. император повелел «выдать из Государственного банка черногорскому правительству означенную ссуду» [2. Д. 3350. Л. 13–14]. Задним числом стали разбираться, каким образом письмо черногорского правителя попало к Николаю II. Одновременно русские дипломаты, работавшие в княжестве, сообщали неожиданные для руководства МИД новости. В начале ноября 1900 г. секретарь российской миссии в Цетинье С.А. Лермонтов прислал министру иностранных дел В.Н. Ламздорфу телеграмму: «Вернувшийся из Ялты Миюшкович (высокопоставленный черногорский чиновник. – В.Х.) доложил князю, что государь император всемилоостивейше повелеть соизволил уплатить все долги Черногории» [2. Д. 3350. Л. 17]. Изумленный Ламздорф ответил из Ялты в Цетинье 7 ноября 1900 г.: «Ни мне, ни министру финансов решительно ничего не известно о миссии и пребывании в Ялте упоминаемого Вами Миюшковича. К сообщению его подлежало бы относиться с крайней осторожностью» [2. Д. 3350. Л. 18]. Вскоре лоббистский механизм был раскрыт, С.А. Лермонтов сообщил, что письмо князя Николы императору было передано через министра двора В.Б. Фредерикса [2. Д. 3350. Л. 19]. Остается догадываться, кто попросил министра двора об этой услуге. Очевидно у князя Николы были возможности через дочерей и их соратников в придворном окружении прямо обращаться к Николаю II, минуя «трудные препятствия» в лице МИД России и высших должностных лиц, пытавшихся не допускать чрезмерного финансирования Черногории.

Архивные материалы и личные пометы царя на докладах и донесениях, касающихся черногорских дел, позволяют восстановить картину принятия благоприятных для князя Николы решений. Многие из архивных дел, по которым можно раскрыть механизмы обсуждения различных просьб господаря и проведения тех или иных мероприятий в отношении Черногории, составлялись в течение долгих лет. Поэтому они ясно демонстрируют динамику российско-черногорских отношений, в них нет налета сиюминутности, случайности. Напротив, подобные многолетние дела являются надежным свидетельством того, что личная позиция императора Николая II в отношении черногорского двора была постоянной на протяжении длительного времени. Возьмем многостраничное дело 1895–1912 гг. «Военная субсидия. Отпуск Черногории предметов военного снаряжения. Назначение русского военного агента» [2. Д. 3334]. Из него мы узнаем, что несмотря на плачевное социально-экономическое положение Черногории и ухудшившиеся отношения между княжеским правительством и российской дипломатической миссией, князь Никола в 1901–1902 гг. просил существенно повысить размер русской военной субсидии для проведения реформы своей армии. Министерства иностранных дел, финансов, военное скрупулезно изучили этот вопрос, Витте составил обстоятельные справки о том, сколько уже потрачено денег в помощь Черногории и сколько тратится ежегодно; он категорически высказался против новых выплат. Ламздорф предоставил в распоряжение царя критические донесения министра-резидента Власова о том, что никакой армии в княжестве нет, есть только милиция, неприспособленная к современной войне. При этом П.М. Власов ссылаясь на мнение французских, австрийских и английских специалистов, посещавших Черногорию в разное время. Первые 98 листов дела подводят читателя к мысли, что черногорцам откажут. Но на 99 странице мы с удивлением читаем, что «по высочайшему повелению» 19 апреля 1902 г. военная субсидия увеличена на 249 тыс. рублей в год. Самое интересное начинается дальше. 28 мая 1902 г. военный министр А.Н. Куропаткин обратился к министру иностранных дел с просьбой

сообщить подробности, как, по какому соглашению и в каком порядке следует выплачивать деньги. Ответ Ламздорфа обескураживает, но он как раз и проливает свет на то, как удавалось правящим кругам Черногории «добывать» деньги в России: «Высочайшее повеление об увеличении производимой Черногорскому княжеству субсидии состоялось вследствие непосредственного обращения князя Николая к государю императору, и МИДом соглашения по сему предмету заключено не было. Что касается до контроля над расходованием ассигнованных сумм, то установление такового едва ли было бы допущено князем Николаем как несовместимое с достоинством независимого государства» [2. Д. 3334. Л. 101–101об.]. Никаких договоров, в которых были бы прописаны условия предоставления материальной помощи, подписано не было; никаких формальных обязательств по отношению к России черногорский монарх на себя не брал, контролировать его действия и требовать от него отчета с международно-правовой точки зрения было невозможно. И несмотря на всю правовую неурегулированность вопроса о субсидиях, они постоянно и существенно увеличивались. Такое поведение императорского двора выглядит несколько легкомысленным. Можно только предполагать, по каким соображениям царь удовлетворил просьбу черногорского монарха. Возможно, надеялся на благодарность и послушность. Может быть, сыграла свою роль особая религиозность императора, верившего в то, что он обязан помогать братским православным народам. Достоверно узнать, что толкало Николая II проявлять такую отзывчивость по отношению к черногорцам, пока не удастся.

Если личные мотивы Николая II остались нам неизвестны, то последствия его щедрости очень ясно видны по материалам рассматриваемого дела. Черногорский монарх не ответил взаимностью императорскому двору. В 1904 г., когда уже началась Русско-японская война, выросло напряжение и в Европе, на Балканах. В этот критический для России момент правитель Черногории повел себя так, как будто никогда не слышал призывов к сдержанности и как будто не осведомлен о политике *status quo*, проводимой Петербургом. Он посетил российскую миссию в Цетинье и заявил министру-резиденту А.Н. Щеглову, что не знает, как выстраивать отношения с Австро-Венгрией и Турцией, которые могут быть источником опасности для Черногории. Щеглов сообщил о содержании беседы с князем своему начальству. Ламздорф обратился к военному министру, тот к императору. Последний, похоже, был удивлен и раздражен непонятливостью союзника. В очередной раз из Петербурга в Цетинье ушло прямое и непосредственное указание на то, чего ждет царь от черногорского монарха: «Его величество соизволил высказать, что было бы соответственным дать его высочеству указание в том смысле, что относительно как Турции, так и Австро-Венгрии князю Николаю следует сообразовываться с началами политики, принятыми нами в настоящее время относительно этих государств. В противном случае какой-либо несвоевременной мерой черногорское правительство может вызвать еще большие замешательства на Балканском полуострове, которые в свою очередь поведут к нежелательному осложнению положения покровительницы Княжества, занятой в настоящее время войной с Японией» [2. Д. 3334. Л. 170].

Эта мнимая непонятливость черногорского двора, плохо скрываемое раздражение Петербурга и постоянное повторение в официальной переписке России и Черногории одних и тех же настоятельных рекомендаций проявлять сдержанность и не обострять конфликтов с соседями свидетельствует о том, что Черногория была не столько союзником и партнером, сколько источником беспокойства и напряжения для российского правительства. Трудно судить о мотивах действий Николая II, который тщательно скрывал свои чувства от окружающих. Но очевидно, что император не нашел ожидаемого отклика в душе черногорского правителя. Царская щедрость (за счет российской казны) и великодушие по отношению к слабому не дали результата, Никола Петрович считал себя суверенным правителем,

имеющим право действовать по собственному усмотрению. Так он и поступил в 1905 г., испортив до крайности официальные отношения с Россией. Поводом для большой ссоры и долгих разбирательств стал знаменитый «инцидент Соловьева», подробно описанный им самим в мемуарах [3. С. 150–152]. Последовавшие за скандалом санкции со стороны России, а именно приостановка денежных выплат, не произвели на черногорский двор того эффекта, на который рассчитывали российские покровители. Черногорцы привыкли к крайней бедности, им пришлось потуже затянуть пояса. Однако лично княжеской семье, уже имевшей определенные накопления, это коснулось меньше, чем жившего на русский счет местного чиновничества. Выждав определенное время, потерпев, пока остынут страсти, Никола добился возобновления российской субсидии. А в 1908 г. он снова поставил вопрос об ее увеличении. Опять было принято благоприятное для Черногории решение, размеры выплат значительно увеличены. На документах, касающихся этой темы, Николай II «начертал»: «Действительно, святость данного обещания превыше всего остального» [2. Д. 3319. Л. 52]. Выходило, что русский император, несмотря на обидные выходки членов княжеской семьи, считал невозможным для себя лично отказаться от обязательств перед Черногорией. Современникам оставалось только сожалеть, что черногорский правитель не придерживался таких же высоких принципов в своей внешней политике. Мало того, в ту минуту он счел нелишним еще раз повысить личное содержание своего старшего сына Данилы (виновника скандала 1905 г.), передав и эту просьбу российскому двору. Снова рыцарское великодушие со стороны императора: «Я его в этом обнадежил» [2. Д. 3319. Л. 55–56]. Забегая вперед, замечу, что и младший Петрович не оценил по достоинству благородство русского царя, он еще не раз будет вызывать в Петербурге тревогу своим не совсем лояльным и непредсказуемым поведением, в 1915 г. снова будет лишен субсидии по личному распоряжению Николая II [2. Д. 3319. Л. 92, 97]. Приходится делать неутешительный вывод о том, что в связях двух дворов преобладал субъективный подход, что император России явно ошибался в отношении династии Петровичей-Негошей. Они «подвели» своего патрона, не оправдали его надежд.

Если политика российского императора оказалась неэффективной, то, напротив, стоит особо отметить успешность действий черногорского монарха. Шаг за шагом он шел к поставленной цели, будь то увеличение денежного содержания, помощь в заключении очередного внешнего займа или повышение его монархического статуса. Явным подтверждением этому стало провозглашение Черногории королевством в 1910 г. Несмотря на тяжелейший финансовый кризис и непопулярные внешне долговые обязательства страны, Никола пышно отпраздновал 50-летний юбилей своего правления, в котором приняли участие представители дома Романовых. Вместе с королевской короной Никола получил в подарок и очень высокий воинский чин генерал-фельдмаршала русской армии. Фельдмаршальский жезл от имени Николая II вручал новоиспеченному королю великий князь Николай Николаевич. Видимо, это должно было означать, что дом Романовых не отказал в доверии и сочувствии Петровичам, не взирая на их строптивость и непредсказуемость.

Наиболее полно черногорская камарилья продемонстрировала свое стремление использовать лоббистские механизмы давления на русское правительство во время балканских войн 1912–1913 гг., особенно в 1913 г., когда вопреки воле великих держав король Никола добивался присоединения к территории своей страны албанского города Скутари (Скадара). Он занял непримиримую позицию и заявил, что предпочтет умереть, чем отказаться от собственных притязаний. Политика российской дипломатии в этом вопросе, напротив, выглядела примирительной и компромиссной. В «Известиях МИД» в 1913 г. она была представлена следующим образом: «Отстояв Призрен, Ипек, Дьяково, Дибру в интересах славян, Россия

сочла нужным согласиться на присоединение к Албании Скутари». Настроенным на поддержку черногорцев россиянам объяснялось, что «Скутари является чисто албанским городом и местопребыванием католического архиепископа», что его присоединение к маленькому славянскому государству чревато непредсказуемыми опасными последствиями, «Черногория перестала бы быть прежним государством и превратилась бы в Черногоро-Албанию» [4. С. 125–130]. Таким образом, Министерство иностранных дел России пыталось донести до читателей информацию о том, что требования черногорского двора чрезмерны, не соответствуют национальным интересам самой Черногории, не говоря уже о том, что великие державы Европы не собираются потакать капризам некоторых балканских правителей.

Осознав, что на этот раз не приходится рассчитывать на содействие российского правительства, черногорский лидер стал действовать испытанными закулисными методами. Он поручил дочери Милице во что бы то ни стало склонить российского императора на свою сторону. Великая княгиня написала Николаю II письмо, в котором настойчиво просила об аудиенции: «Дорогой Ники. Позволь мне выразить Тебе мою безграничную благодарность за Твое сочувствие и за щедрую помощь, которую Ты оказал Черногории, повелев выслать народу муки и зерна [...] Мой отец был несказанно обрадован Твоим повелением, он сам выразит Тебе те чувства, которые наполняют его душу. По желанию моего отца я решаюсь просить Тебя позволить мне лично явиться, чтобы передать некоторые важные неотложные вопросы, касающиеся ближайшего будущего Черногории. Вполне понимаю, что просьба моя несвоевременна, зная, что праздники отнимают у Тебя то небольшое количество свободного времени, которым Ты располагаешь, но поверь, что я решаюсь беспокоить Тебя только ввиду важности этих вопросов в глазах моего отца. Я была бы тем более рада вновь увидеть Тебя, что ввиду моего вероятного близкого отъезда в Черногорию, Бог весть, когда мы опять встретимся [...] Всей душой любящая Тебя и безгранично благодарная Милица. 25 декабря 1912» [5. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1300. Л. 1–2]. Не известно, состоялась ли личная встреча по поводу послевоенных границ Черногории или Николай II письменно рекомендовал Милице обратиться к высшим должностным лицам империи – председателю Совета министров В.Н. Коковцову и министру иностранных дел С.Д. Сазонову. Но в следующем письме 10 января 1913 г. великая княгиня пожаловалась, как тяжело ей было выполнить эту рекомендацию. О беседе с Коковцовым она отзывалась так: «Признаюсь, мне было очень трудно обмениваться мыслями с человеком, принципы и взгляды которого коренным образом расходятся с моими. Но я считала своим долгом точно исполнить выраженное Тобой желание: сказать ему “все” и сказать “откровенно”, впрочем, я иначе и не сумела бы поступить. Препровождая Тебе эту записку, я буду считать поручение моего отца исполненным, а на помещение моих личных взглядов я смотрю как на долг моей совести перед Тобой. Присылая эту записку, предполагаю также, что вчерашняя моя просьба принять меня стала теперь излишней. Прошу Тебя верить всегда моей глубокой и неизменной преданности. Остаюсь искренне преданная и верноподданная Милица» [5. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1300. Л. 4–6]. Как видно из текста письма, просьбы о личной встрече следовали одна за другой.

В.Н. Коковцов подробно описал в мемуарах, как по телефону был вызван к великому князю Петру Николаевичу и Милице Николаевне. В ультимативном тоне Милица требовала передать Николаю II все пожелания ее отца, особенно резко настаивая на том, чтобы Россия добилась передачи Скутари черногорцам. Когда председатель Совета министров выслушал записку, присланную королем Николой, он прямо сказал, что это невозможно, чем вызвал «резкость тона и даже гневность» Милицы. Однако через несколько дней Коковцов все же побеседовал на эту тему с царем. Николай II заявил, «что он просто не желает возвращаться к

этому вопросу, насколько ему все ясно, и насколько он решил ответить моими же (Коковцова. – В.Х.) аргументами и Королю Черногорскому, если бы он решился обратиться непосредственно к нему, вместо того, чтобы идти кружным путем, через его дочь» [6. С. 127]. Судя по этим словам, попытка Николы повлиять на императора через великих князей провалилась. Более того, похоже Николай II был рассержен настойчивостью черногорской камарильи. Результат придворных интриг на этот раз оказался прямо противоположным тому, на что надеялись в Цетинье.

Тогда в ход пошли другие средства, которыми черногорский правитель раньше успешно пользовался у себя дома в борьбе против собственной оппозиции. Черногорское лобби мобилизовало русскую печать. Особенно старалась защитить черногорцев от нерешительных русских министров и циничных европейских политиков газета «Новое время». Она регулярно публиковала материалы о ходе военных действий на Балканах, особенно возле Скутари, который журналисты «Нового времени» величали «древнейшей столицей» Черногории. Описывался удивительный героизм воинов, проливавших кровь за то, чтобы «вернуть» этот город в состав королевства [7. № 13274]. Пытаясь укрепить славянскую солидарность и вызвать сочувствие русских читателей, газета постоянно уделяла особое внимание деятельности старшей дочери короля Николы, которая отправилась в Цетинье помогать родине в трудную минуту: «Милица Николаевна находится на театре войны и, как свидетельница всего происходящего, делит скорбь утрат, радость побед, работ по уходу за ранеными и продовольствию голодающих» [7. № 13258]. Подготовив такими трогательными публикациями общественное мнение России, разадорив сторонников панславистских проектов, черногорское лобби сделало следующий шаг, организовало политические демонстрации в поддержку требований черногорского короля на улицах Петербурга. Описание этих демонстраций мы находим в мемуарах тогдашнего министра иностранных дел С.Д. Сазонова: «Некоторые петроградские круги, довольно близко стоявшие ко двору, и вся столичная печать националистического лагеря, издавна враждебно настроенная к Министерству иностранных дел, повели против русской внешней политики шумную кампанию, выражавшуюся в уличных демонстрациях, собраниях, на которых произносились патриотические речи, требовавшие войны в защиту славянских интересов, и в целом потоке газетных статей, обвинявших русскую дипломатию чуть ли не в государственной измене. Особенно страстное к себе отношение вызвали у нас выдвинутые королем Николаем Черногорским претензии на город Скутари и прилежащую к нему область» [8. С. 87]. Глава МИД и сам не был равнодушен к судьбе славян. Он замечал, что если бы решение этого вопроса зависело только от России, она бы помогла черногорцам, но великие державы уже решили создать Албанию, к которой должен был отойти Скутари, идти на конфликт с ними никто из руководителей империи не собирался. Однако аргументы МИД, продиктованные интересами большой европейской политики, не хотели слышать ни панслависты в Петербурге, ни черногорский двор. «В ту пору вся ложность и искусственность Скутарийского вопроса ускользала от очень многих, и агитация, которая велась вокруг него, доставила мне немало тревожных минут», – вспоминал Сазонов. Агитация докатилась до Государственной думы, главе внешнеполитического ведомства пришлось пригласить к себе некоторых особо активных депутатов, проявивших повышенный интерес к вопросу о Скутари, и ознакомить их с дипломатическими материалами, которые нельзя было предавать широкой огласке. «Эти документы показали им настолько убедительными, что появившееся было в Думе неблагоприятное настроение к русской политике сменилось в скором времени благожелательной ее оценкой», – писал он [8. С. 88]. Не только Министерство иностранных дел ощущало «уличное» давление панславистов. Председатель правительства Коковцов тоже стал объектом критики: «Когда на славянских обедах Башмакова, Брянчанинова и комп[аний]

говорили зажигательные речи и клеймили антиславянскую политику русских министров, “продавшихся немецкому влиянию”, мое имя ставилось рядом с именем Сазонова, и враждебные ему демонстрации должны были направиться и под мои окна, но не были допущены отрядом полиции, не пропустившей их на узкий проезд к Мойке» [6. С. 128–129]. Массированная атака на членов правительства не увенчалась успехом, полиция быстро и решительно положила конец беспорядкам на улицах столицы.

Тогда «Новое время» вернулось к информационной войне. Описывая недавние события в Петербурге, газета постаралась создать впечатление, что они получили широкий отклик в Европе. Была опубликована заметка с красноречивым названием «Петербургская манифестация и австрийская армия» в форме интервью с неким «весьма осведомленным лицом, близко стоящим к австрийским военным». Это загадочное лицо заявило: «Вдруг в Австрии были получены телеграммы, сообщающие, что даже далекий и холодный Петербург охвачен взрывом славянского братского сочувствия и ответил на славянские победы величественными манифестациями, в которых принимали участие представители верхов и низов: от рабочего до архиепископа и генерала. Воинственное настроение русского офицерства и те овации, которые делались русским офицерам русской толпой, кричавшей: “Долой Австрию! К оружию!” – ошеломили здешнее общество» [7. № 13315]. Тем самым редколлегия «Нового времени» постаралась нарисовать картину того, как в едином порыве российский народ готов пойти до конца и вступить в противоборство с целой Европой за интересы Черногории, а самые отпетые враги славянства в лице Австро-Венгрии уже серьезно напуганы. Однако ожидаемого эффекта всеобщего единения, возмущения и давления на правительство панславистам достичь не удалось. Почему провалилась газетная шумиха, можно понять по архивным материалам. Российский посланник в Цетинье А.А. Гирс в секретных телеграммах от 1(14) февраля) и 18 февраля (4 марта) 1913 г. предупредил МИД, что русские корреспонденты, находившиеся тогда в Черногории, писали «едва ли не под диктовку» черногорского двора, чтобы поддержать «в известной части русского общества желательное королю Николаю настроение» [9. Л. 34, 48]. Очевидно, что такая ангажированность националистически настроенной прессы не ускользнула от внимания трезво мыслящих россиян. Далеко не все в Российской империи грезили о Балканах и Черноморских проливах. Внутренние проблемы модернизирующейся родины казались российской общественности куда важнее, чем дележ территорий на юго-востоке Европы. Да и черногорский король не мог себе позволить слишком долго манипулировать иностранными журналистами, ресурсы черногорской казны были ограничены, на затяжные газетные кампании их не хватало. Попытка дирижировать националистически настроенной частью русской прессы, предпринятая Николай, не помогла убедить русского царя действовать смелее в пользу Черногории. Слишком сложной была ситуация в Европе, поделившейся на военно-политические блоки. Российская элита в лице правительства и самого императора трезво оценивала сложившееся положение и не хотела чрезмерных осложнений из-за славян. Времена графа Н.П. Игнатьева ушли в прошлое.

Еще один механизм лоббистского воздействия на официальные круги России в 1913 г. – это давление на нашу дипломатическую миссию в Цетинье. Здесь тоже важную роль сыграли семейные связи Романовых и Негошей-Петровичей. Сотрудники российского представительства стали получать от черногорского двора весьма искаженную информацию, которая должна была склонить их к безоговорочной поддержке требований короля Николы. Первой эти атаки начала великая княгиня Милица, прибывшая в Цетинье 29 января (12 февраля) 1913 г. Можно представить, какую картину народных волнений в Петербурге она нарисовала при встречах с посланником Гирсом, если он был вынужден запрашивать начальство,

«в какой мере отвечает действительности полученное здесь великой княгиней Милицей Николаевной известие о происшедшей на Дворцовой площади враждебной вам уличной демонстрации, рассеянной войсками?» [9. Л. 98]. Вторил дочери сам Никола, постоянно твердивший русским дипломатам: «Скутари должен быть черногорским, иначе Черногория перестанет существовать» [9. Л. 46]. Одновременно подключилась черногорская печать, официальный орган двора, газета «Глас Црногорца», стала публиковать материалы в духе заявлений короля Николы о том, что присоединение Скутари – вопрос жизни и смерти для страны.

Гирс отчаянно сражался на этой информационной войне: «Мне достоверно известно, что неуместная полемическая статья “Гласа Црногорца” составлена членом королевской семьи при содействии Башмакова, который взялся исполнить обращенную к нему просьбу, не ограничиваясь сообщением статьи в “Новое время”, распространить ее во всей русской печати с комментариями, враждебными русскому правительству. В руководстве получаемыми из Петербурга известиями, во дворце с уверенностью рассчитывают уже не на манифестацию, вроде бывших, а на уличные беспорядки, которые придется подавить военной силой», – доносил руководству глава миссии [9. Л. 116]. Из текста этой телеграммы Гирса можно сделать вывод, что члены семьи Негошей не просто писали провокационные статьи на тему Скутари. Они передавали эти публикации российским журналистам, настроенным панславистски, и надеялись на широкое распространение этих опусов в России. Черногорская камарилья постаралась не оставить российским дипломатам выбора, поставить их в такие условия, чтобы вынудить безоговорочно поддержать позицию короля в вопросе о присоединяемых территориях. Конечно, Гирс старался противостоять этой дезинформации, он писал 13 апреля 1913 г.: «Я решительно не допускаю и мысли, чтобы русская государственная власть капитулировала перед уличными манифестациями и дала себя вовлечь в войну из-за Скутари» [5. Ф. 892. Оп. 1. Д. 91]. Но обстановка, в которой работала миссия, становилась все тяжелее. Давление черногорского двора демонстрировалось все жестче, методы воздействия были довольно нечистоплотными. Когда стало очевидно, что Гирс не поддастся на уловки семейства Петровичей, он сам оказался под ударом. Быстро поползли слухи о том, что продовольственная помощь, выделенная российским императором страдающему от разрухи и голода народу, так и не дошла до черногорцев по вине российских дипломатов. Гирс, оскорбленный этой клеветой, оправдывался перед Петербургом: «Дошедшее до великой княгини сведение является сплошным вымыслом. Вся операция закупки хлеба закончена в январе месяце, и последний транспорт кукурузы прибывает сюда послезавтра» [9. Л. 108]. На этой телеграмме от 25 марта (7 апреля) 1913 г. стоит помета «Проверить». Как видим, опять в сообщении Гирса фигурирует имя Милицы Николаевны, ставшей главным «борцом» с российскими дипломатами в схватке за Скутари. Едва отбив обвинения в свой адрес, посланник начал борьбу за Мариинский женский институт, который от злости и досады король Никола решил закрыть во что бы то ни стало. Это дело семейству Негошей удалось, Мариинский институт прекратил работу в Цетинье [10. С. 32–38]. Выходило, что у россиян, живших и работавших в Черногории, был свой «фронт», на котором шли «военные действия» против союзнического черногорского двора. Эту «войну» с российским руководством король Никола проиграл, но и наша дипломатия понесла определенные потери.

В целом, итоги балканских войн были весьма противоречивыми. С одной стороны, Черногория расширилась за счет бывших турецких владений, хотя и не получила Скутари. С другой – был практически исчерпан ресурс помощи, которым король Никола пользовался много лет. Попытка через окружение Николая II вытребовать у великих держав любой ценой албанские земли не только не удалась, она привела к тому, что российский монарх наконец перестал проявлять чрезмерное

великодушные к своему «родственнику». В годы Первой мировой войны правитель Черногории продолжал использовать лоббистские механизмы и пытался влиять на русский двор, но таких блестящих результатов, как прежде, он больше не смог добиться.

Подводя итог, хотелось бы не просто отметить значительную роль династических связей домов Романовых и Негошей-Петровичей в развитии российско-черногорских отношений в последней трети XIX – начале XX в. Чтобы понять смысл, содержание и противоречивость этих отношений, следует учитывать неоднозначный характер поступков монархов. Позиция русского императора в черногорских вопросах часто выглядела слишком субъективной, благодушной, если можно так сказать, чрезмерно гуманной и милосердной. Трезвые политические расчеты не всегда влияли на точку зрения царя, на первый план выходил «человеческий фактор». Мотивы некоторых решений остаются до сих пор неясными и неубедительными для историков. И наоборот, черногорский правитель на протяжении многих лет успешно использовал свою близость к российскому двору и чувство славянской солидарности, присущее Романовым, для достижения значительных материальных и политических результатов. Он эффективно воспользовался этим политическим ресурсом для укрепления личной власти и упрочения положения Черногории на международной арене. Однако к 1913–1914 гг. Никола исчерпал этот ресурс, он «опустошил» запас доверия к себе со стороны русского царя. Начавшаяся Первая мировая война поставила точку в этих сложных династических играх. Огромная Российская империя и крохотное Черногорское королевство исчезли с политической карты Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Перазий Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482.
3. *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 2003.
4. Известия МИД. СПб., 1913. Кн. 3.
5. Государственный архив Российской Федерации.
6. *Коквцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2.
7. Новое время. 1913.
8. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991.
9. Архив внешней политики Российской империи. Ф. МИД Канцелярия. 1913. Оп. 470. Д. 133.
10. *Хлебникова В.Б.* Педагогическая деятельность Софьи Петровны Мертваго в Черногории // Гуманитарные исследования на Дальнем Востоке. 2011, № 2(14).

© 2015 г. Б.С. НОВОСЕЛЬЦЕВ

ЗАПИСКА Н.С. ХРУЩЁВА О БЕСЕДАХ С Й.Б. ТИТО (январь 1963 года)

Записка была составлена Н.С. Хрущёвым 3 января 1963 г. для служебного пользования членов и кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС о беседах с югославским лидером Й. Броз Тито. Она представляет собой краткое изложение основных вопросов, обсуждавшихся лидерами двух стран, с комментариями Н.С. Хрущёва, таких как экономическое развитие двух стран, советско-югославские отношения, Германский вопрос, внешнеполитическая активность Китая, развитие политики неприсоединения и другое.

January 3, 1963, Nikita Khrushchev made a note for the official use of the members and alternate members of the Central Committee Presidium of the CPSU about his talks with the Yugoslav leader Josip Broz Tito held during his visit to the USSR in December 1962. The note represents a summary of the main issues the two leaders were discussing, with a commentary made by Khrushchev. Among the topics covered, one should name the economic development of the two countries, the Soviet-Yugoslav relations, the German question, China's foreign policy activation, the development of non-alignment policy and so forth.

Ключевые слова: Югославия, СССР, внешняя политика, Йосип Броз Тито, Н.С. Хрущёв.

В 1961–1962 гг. в советско-югославских отношениях начался очередной цикл возвратно-поступательного развития: после конфликта второй половины 1950-х годов снова последовало сближение двух социалистических государств.

Кризис во взаимоотношениях Москвы и Белграда был обусловлен рядом причин. Важнейшей из них было нежелание Югославии по всем вопросам солидаризоваться с позицией СССР, вступить в Организацию Варшавского договора, отказаться от своего суверенитета и вновь стать частью советского лагеря. Со всей очевидностью это стало ясно после визита югославской делегации в Советский Союз в июне 1956 г. и подписания межпартийной Московской декларации, в которой подчеркивались многообразие путей развития социализма, необходимость добровольного и равноправного сотрудничества коммунистических партий, а также важность дружеской критики и товарищеского обмена мнениями по спорным вопросам [1–2].

Советская сторона осталась разочарована результатами переговоров [3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2]: сближения Югославии и лагеря добиться не удалось, а, кроме того, Московская декларация могла быть воспринята другими государствами как основа для пересмотра и либерализации некоторых принципов взаимоотношений

Новосельцев Борис Сергеевич – канд. ист. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

внутри блока. Югославия, как социалистическая страна, независимая от СССР, получающая выгоды от сотрудничества одновременно с обеими сверхдержавами, была для советских сателлитов притягательным образцом и, в определенном смысле, примером для подражания. Не случайно венгерское руководство в 1956 г. [4], румынское в середине 1960-х годов [5], чехословацкое в 1968 г. [6–7] в известной мере опирались на югославский опыт.

События венгерского кризиса (октябрь – ноябрь 1956 г.) стали еще одной причиной ухудшения советско-югославских отношений (см. [1–2; 4]).

11 ноября в Доме Армии в Пуле Й. Броз Тито произнес речь перед активом коммунистов Истрии, в которой попытался обосновать позицию Югославии во время Венгерского кризиса. По мнению югославского лидера, он стал следствием поддержки Советским Союзом «сталинистского режима Ракоши – Герё», Тито осудил подавление советскими войсками демонстрации в Будапеште 23 октября, заметив, что это было «абсолютно неверное решение». Вторую же интервенцию Тито оценил как «меньшее зло», подчеркнув, что она позволила предотвратить гражданскую войну, реставрацию капитализма и вмешательство Запада в ситуацию в Венгрии, что объясняет поддержку такого решения СССР со стороны Югославии [9. Кп]. XI. S. 228–229]. Помимо прочего, в выступлении Тито рассказал и о секретной советско-югославской встрече на Бриони. Раздражению Москвы не было предела.

В ноябре 1957 г. на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий в Москве делегация СКЮ отказалась подписывать итоговую декларацию совещания, «которая основывалась на принципе монолитности социалистического движения, проводя знак равенства между ним и социалистическим блоком» [11. S. 552], ограничившись лишь подписанием Манифеста мира. Учитывая результаты встречи в Румынии, советские руководители ожидали других действий от представителей ФНРЮ и потому были страшно разочарованы. Однако для югославов подписать Декларацию, которая, в результате давления со стороны компартии Китая, была довольно жесткой по формулировкам, фактически означало бы расписаться в собственном возвращении в советский блок.

В апреле 1958 г. на VII съезде Союза коммунистов Югославии (СКЮ) была принята новая программа. Ее текст, отправленный для ознакомления советским руководителям, вызвал бурю негодования в Москве: программа «усматривает главную причину международной напряженности в борьбе между двумя блоками за сферы влияния»; при этом «не приводится принципиальных различий между политикой социалистических и империалистических стран»; «проводится мысль, что стремление к гегемонизму и эксплуатации малых стран, присущее великим державам в эпоху капитализма, продолжает быть существовать и внутри социалистической системы» [10. 119/1-117]. Таким образом, «проект программы выступает против самого существования социалистического лагеря, всячески опорочивает установившиеся между социалистическими странами отношения» [3. Оп. 14. Д. 207. Л. 112]. Таким образом, коренную причину международной напряженности авторы проекта видели не в агрессивной политике империалистической реакции, а в существовании двух военно-политических блоков и борьбе между ними за сферы влияния. По их мнению, метод разделения на сферы интересов и другие подобные политические приемы нашли выражение еще на конференции глав союзных стран в Тегеране, Ялте и Потсдаме и продолжили существовать в послевоенный период. «Разделение мира на блоки препятствует осуществлению идеи сосуществования, противоречит полной независимости и суверенности народов и государств», – заключали они [3. Оп. 12. Д. 360. Л. 101].

Кроме того, в СССР критике подвергся тезис, согласно которому, наряду с революционным, существует также эволюционный путь строительства социализма. В связи с этим югославские коммунисты были обвинены во враждебном отношении «вообще ко всякому государству». Подчеркивалось, что и буржуазное,

и социалистическое государство рассматривается югославскими партийными теоретиками как сила, стоящая над народом, которая по мере совершенствования общественно-политической системы должна отмереть. Это «привело на практике к ослаблению роли государства в экономике, что нарушило ее стабильное развитие и привело к образованию диспропорций в народном хозяйстве». Отмечалось, что «под флагом сращивания государства и партийного аппарата югославами по существу отрицается руководящая роль политической партии рабочего класса в социалистическом государстве». Ей отводилась лишь роль «идеологического фактора», «фактора развития социалистического сознания» [12. Оп. 26. П. 62. Д. 30. Л. 36–41].

С этого момента началась открытая критика политики Югославии, а в адрес руководителей СКЮ зазвучали обвинения в ревизионизме. 11 мая 1958 г. была отменена поездка в ФНРЮ К.Е. Ворошилова. 24 мая советская сторона отложила или отменила рабочие встречи, обмены делегациями и другие мероприятия, направленные на расширение сотрудничества с ФНРЮ (поездки журналистов, университетских преподавателей и историков, выставку книг, встречу совместной комиссии по научно-техническому сотрудничеству и т.д.) [13. 1958. SSSR. F-117. 412596]. 3 июня на съезде Коммунистической партии Болгарии Н.С. Хрущёв заявил, что резолюция Информбюро «О ситуации в КПЮ», принятая в 1948 г., содержала справедливую критику югославского руководства в ряде принципиальных моментов [10. 119/1-127].

До начала 1960-х годов советско-югославские отношения характеризовались прекращением сотрудничества по партийной линии, на страницах журналов и в научной литературе [2. S. 212]. Однако в дальнейшем ситуация начала меняться.

С 7 по 13 июля 1961 г. состоялся официальный визит в СССР союзного секретаря иностранных дел Югославии Кочи Поповича. Он был принят Н.С. Хрущёвым и А.И. Микояном, провел ответственную беседу с министром иностранных дел СССР А.А. Громыко [13. 1965. SSSR. F-158. 420547]. Неожиданно резкое выступление Й. Броз Тито на Белградской конференции неприсоединившихся стран (1–6 сентября 1961 г.) с острой критикой в адрес империалистической и колониальной политики западных стран [14. S. 39–58] стало подтверждением готовности югославского руководства сделать шаг в направлении улучшения отношений с СССР. Важную роль сыграли и события XXII съезда КПСС (ноябрь 1961 г.). Его результаты были высоко оценены в Югославии. Во-первых, на съезде прозвучали критика сталинизма и культа личности, в чем югославы увидели добрый знак. А, во-вторых, в выступлениях делегатов было значительно меньше выпадов против югославского ревизионизма [15].

Демонстрируя желание возобновить диалог, каждая из сторон руководствовалась своими задачами. Югославия – в первую очередь экономическими интересами. Используя емкий рынок СССР и других стран социалистического лагеря, югославы рассчитывали расширить сбыт сельскохозяйственных и промышленных товаров, обеспечить экономику недостающим сырьем на льготных условиях, укрепить свои экономические и политические позиции в отношении Запада; преодолеть дискриминационную политику государств, входящих в закрытые экономические организации; добиться положительного баланса во внешней торговле. В свою очередь советское руководство стремилось добиться поддержки со стороны ФНРЮ по важнейшим внешнеполитическим вопросам (Берлинский кризис, советско-китайский конфликт, борьба за расширение сферы своего влияния в Азии и Африке, укрепление советских позиций в международных отношениях и в том числе в ООН).

Кроме того, на позицию Тито не могла не повлиять фракционная борьба внутри руководства Югославии и СКЮ. Одну из групп составляли сторонники са-

моуправления и активного сотрудничества с западными странами (Э. Кардель¹, П. Стамболич², В. Бакарич³. Их взгляды в значительной мере поддерживали многие влиятельные югославские дипломаты: так называемую ДСИПовскую линию разделяли К. Попович, В. Мичунович⁴, М. Никезич⁵ и другие).

Другая фракция объединяла сторонников сохранения контроля партии и государства в народном хозяйстве и расширения сотрудничества с социалистическими странами (А. Ранкович⁶, С. Вукманович-Темпо⁷, С. Стефанович⁸).

За борьбой двух этих группировок также в известной мере стояли и национальные противоречия: хорватская и словенская партийные элиты тяготели к группе Карделя, а Ранкович обладал прочными позициями в сербской и черногорской среде.

Укрепление позиций А. Ранковича в начале 1960-х годов стало предвозвестием улучшения отношений с СССР.

Еще весной 1962 г. стороны обменялись несколькими посланиями, в которых констатировались «совпадение или близость позиций Советского Союза и Югославии по важнейшим международным вопросам» [8. I-1/992]. Летом того же года Белград посетили несколько высших советских функционеров: министр иностранных дел А.А. Громыко (16–21 апреля), член Президиума ЦК КПСС и первый заместитель председателя Совета министров СССР А.И. Микоян (3–6 июля) и председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев (24 сентября – 4 октября).

С 3 по 20 декабря 1962 г. состоялась неофициальная поездка Й. Броз Тито в СССР. Это событие подытожило весь ход нормализации 1961–1962 гг. Следует отметить, что после брионской встречи, состоявшейся в начале ноября 1956 г. в дни Венгерского кризиса и до декабря 1962 г., Тито и Хрущев ни разу не встречались на территории СССР или Югославии. Формально югославский лидер прибыл в Советский Союз на отдых. На деле целью глав двух государств было закрепление и подтверждение на высшем уровне результатов, достигнутых в двусторонних отношениях. Поездка имела характер манифестации. Обе стороны демонстрировали желание продолжить сближение.

Ключевым событием всего визита стало выступление Н.С. Хрущёва на сессии Верховного Совета СССР. Это был редчайший, если не единственный, случай, когда заседание высшего органа государственной власти было целиком посвящено президенту иностранного государства [16. С. 320].

Советский лидер отметил, что «все еще остаются серьезные расхождения по ряду идеологических вопросов, нашедших отражение в Программе СКЮ» и что сближение двух партий «зависит не только от нас, но и от позиции СКЮ, его руководства». Вместе с тем он заявил, что «не исключено разное толкование

¹ Эдвард Кардель (1910–1979) – югославский общественно-политический деятель словенского происхождения, заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963 гг.), председатель Союзной скупщины Югославии (1963–1967 гг.), член Президиума Югославии (1974–1979 гг.).

² Петар Стамболич (1912–2007) – в то время председатель Союзного исполнительного вече СФРЮ.

³ Владимир Бакарич (1912–1983) – в то время председатель Сабора Хорватии.

⁴ Велько Мичунович (1916–1982) – в то время заместитель союзного секретаря иностранных дел.

⁵ Марко Никезич (1921–1991) – югославский общественно-политический деятель, дипломат, посол Югославии в США.

⁶ Александар Ранкович (1909–1983) – министр внутренних дел Югославии (1946–1966 гг.), заместитель председателя Союзного исполнительного вече (1956–1966 гг.), впоследствии исключен из партии и снят со всех должностей.

⁷ Светозар Вукманович-Темпо (1912–2000) – в то время председатель Центрального вече профсоюзов Югославии.

⁸ Светислав Стефанович (1910–1980) – в то время председатель комиссии СИВ по внутренней политике.

конкретных вопросов социалистического строительства, разный подход к тем или иным вопросам [...] Поэтому было бы неверно выработать некий трафарет и придерживаться его во взаимоотношениях с другими социалистическими странами, было бы ошибкой осуждать как отщепенцев всех, кто под такой трафарет не подходит [...] Поступать так значило бы заимствовать звериные законы капиталистического мира [...] Но именно такой звериной морали предлагают нам придерживаться во взаимоотношениях с Югославией албанские сектанты и раскольники. Они буквально готовы загрызть югославских коммунистов за их ошибки, хотя сами сейчас куда больше отступают от марксизма-ленинизма». В конце выступления Хрущев подчеркнул: «Если исходить из объективных законов, из учения марксизма-ленинизма, то невозможно отрицать, что Югославия является социалистической страной» [17. 13 XII]. Это означало, что югославам умелым лавированием на международной арене в очередной раз удалось заставить советское руководство признать тезис о многообразии путей развития социалистического общества, с учетом специфических конкретных условий отдельных стран. Этот момент, как и несколько раз повторенный Хрущевым тезис о том, что Югославия является социалистическим государством, по сути дела, означали снятие прежних обвинений в ревизионизме. Причем вопросы изменения политического курса или возвращения ФНРЮ в советский лагерь не поднимались [8. I-2/16-1].

Поездка в СССР оказалась для Тито триумфальной. Нормализация отношений продолжалась, причем на условиях, выгодных Югославии. Отныне главным противником Советского Союза в борьбе за единство социалистического лагеря провозглашался не «югославский ревизионизм», а «догматизм и раскольническая деятельность» албанских коммунистов. Обвиняя Тирану в этих грехах, Хрущев опосредованно критиковал, прежде всего, покровителя Албании – Китай.

В советском руководстве восторжествовала позиция, согласно которой, несмотря на наличие ряда спорных вопросов между КПСС и СКЮ, межпартийное сотрудничество и «товарищеская критика» позволят помочь югославам освободиться от «ошибочных позиций» и «изжить недостатки» [18. С. 696]. От обсуждения спорных вопросов (Программа СКЮ, межпартийное сотрудничество, югославо-американские отношения и т.д.) решено было воздержаться. Н.С. Хрущев не сомневался, что процесс преодоления разногласий будет проходить постепенно, и что не следует тешить себя иллюзиями в этом отношении [3. Оп. 16. Д. 198. Л. 55]. Такая позиция свидетельствовала о формировании более реалистического взгляда на перспективы советско-югославских отношений.

20 декабря 1962 г. в день отъезда югославской делегации домой Й. Броз Тито встретился с Н.С. Хрущёвым в его киевской резиденции, где руководители двух стран в течение нескольких часов разговаривали один на один. Ниже публикуется записка Н.С. Хрущева о содержании этих переговоров, раскрывающая позиции сторон по широкому кругу проблем внутренней и внешней политики, а также двусторонних отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
2. Bogetić D. Nova strategija spoljne politike Jugoslavije 1956–1961. Beograd, 2006.
3. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3.
4. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. М., 1998.
5. Новосельцев Б.С. Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов // Славяноведение. 2013. № 4.
6. Pelikan J. Jugoslavija i Praško proleće posle pojačanja sovjetskog pritiska na Čehoslovačku (jul 1968) // 1968 – četrdeset godina posle. Beograd, 2008.
7. Bogetić D. Jugoslovensko-sovjetski odnosi u svetlu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968. godine // 1968 – četrdeset godina posle. Beograd, 2008.
8. Arhiv Jugoslavije. Kabinet Predsednika Republike.

9. Tito Josip Broz. Govori i članci. Zagreb, 1959.
10. Arhiv Jugoslavije. CK SKJ. 507/IX.
11. *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 3. Beograd, 1988.
12. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 144.
13. Diplomatski arhiv saveznog ministarstva inostranih poslova. Politička arhiva.
14. Skupovi nesvrstanih zemalja. Beograd, 1974.
15. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1–3.
16. *Матонин Е.В.* Иосип Броз Тито. М., 2012.
17. Правда. 1962.
18. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1.

Приложение

Записка Н.С. Хрущева о беседах с И.Б. Тито*

3 января 1963 г.

ЧЛЕНАМ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС КАНДИДАТАМ В ЧЛЕНЫ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС СЕКРЕТАРЯМ ЦК КПСС

Считаю необходимым рассказать о своих беседах с т. Тито и особенно о последней беседе, которая состоялась 20 декабря 1962 года в Киеве¹.

В первые дни пребывания т. Тито в Москве в одной из бесед он сказал, что имеет желание встретиться со мной один на один. Я ответил ему согласием. Когда мы были на отдыхе в Завидово, Тито вернулся к этому вопросу, повторил, что хотел бы иметь со мной беседу наедине. Я снова ответил утвердительно. Но он не уточнял, когда хочет встретиться, и все время оттягивал эту встречу. Когда оставался один день пребывания т. Тито в Киеве, я решил сам напомнить ему об этом, полагая, что он, возможно, ждет от меня ответа на его прежний вопрос.

20 декабря утром я попросил т. Фирюбина² передать т. Тито, что так как он хотел побеседовать со мной один на один, то такая встреча может быть сегодня, если он не передумал и имеет желание побеседовать. Тов. Фирюбин тут же мне сообщил, что к нему только что обращался Тито с просьбой выяснить, когда он, Тито, может побеседовать со мной. Я сказал т. Фирюбину: сообщите т. Тито, что Хрущев согласен иметь такую встречу сегодня, в 10 ч. 30 м. утра. Скажите ему об этом в такой форме, чтобы ему было ясно, что это не моя инициатива. Я добавил, что можно встретиться в его резиденции или у меня. Тито сразу ответил, что он приедет ко мне в названное мною время, хотя по программе он в это время должен был посетить некоторые предприятия г. Киева. Сам т. Тито приехал ко мне, а на заводы послал т.т. Ранковича и Веселинова³. Беседа с Тито продолжалась примерно 2 часа 30 минут.

Какие вопросы он загрузил во время беседы?

Прежде всего т. Тито сказал, что он хочет, чтобы Югославия принимала участие в кооперировании промышленности с социалистическими странами. Мы хотели бы, – заявил Тито, – пойти на широкую кооперацию как с Советским Союзом, так и с другими социалистическими странами. Он стал даже говорить о Совете Экономической Взаимопомощи⁴.

Мне порой было трудно его понимать, потому что он плохо говорит на русском языке, и мне приходилось иногда переспрашивать и уточнять отдельные вопросы. О Совете Экономической Взаимопомощи он говорил невнятно, но у меня

* Публикация подготовлена А.С. Стыкалинным (ИСл РАН) и Л.А. Величанской (РГАНИ).

сложилось впечатление, что Тито выражал желание, чтобы Югославия вошла в СЭВ. Однако мы подробно не разговаривали по этому вопросу. Я только ответил, что устав СЭВ допускает членство не только социалистических стран, но и несоциалистических. Препятствий уставного порядка к сотрудничеству любой страны в Совете Экономической Взаимопомощи, видимо, не будет, но решение этого вопроса является компетенцией всех членов СЭВа.

Тито сказал, что Югославия не станет добиваться вступления в общий рынок. Эту мысль он повторил дважды. Но я считаю, что такое заявление Тито не соответствует информации, которую мы получали раньше. Мы располагали информацией, что Югославия добивается вступления в общий рынок. Я не стал говорить ему об этом, потому что наша информация в какой-то степени является секретной. Будущее покажет, насколько искренне говорил Тито и насколько правильной является полученная нами информация⁵.

Затем Тито сказал, что в Югославии сложилось тяжелое внутреннее экономическое положение. В стране построено много заводов, но они не загружены, работают далеко не на полную мощность. Как он выразился, у них выявилось много безобразий. Например, различные заводы производили одинаковую продукцию и выходили с этой продукцией, т.е. с одинаковыми или однотипными товарами, на внешний капиталистический рынок и там вели между собой конкуренцию; одни заводы продавали свои товары по более низким ценам, чем другие заводы.

Тито указал, как на серьезный недостаток, что Югославия имеет слишком широкие экономические связи с капиталистическим рынком, с капиталистическими странами. Он выражал беспокойство, что страны общего рынка, видимо, будут создавать тяжелые условия для югославской экономики, особенно в области сельского хозяйства.

– Сейчас я не представляю себе, – сказал Тито, – как мы будем выходить из положения. До сих пор Югославия продавала сельскохозяйственные продукты на капиталистическом рынке, а теперь нам трудно будет это делать.

Хотя и не прямо, а намеками он пытался выяснить, будет ли Югославия иметь возможность в будущем сбывать сельскохозяйственные продукты социалистическим странам. На это я ему ответил, что Советский Союз какое-то количество мяса покупал на капиталистическом рынке, главным образом, для поставок в Германскую Демократическую Республику. Для себя мы тоже покупали какое-то количество животноводческих продуктов. Но мы приняли меры к тому, чтобы в короткие сроки поднять у себя производство продуктов животноводства. Мы уверены, что намеченные планы будут выполнены. Это позволит в будущем полностью удовлетворять наши потребности в этих продуктах. Однако у нас будет возможность продавать сельскохозяйственные продукты, в том числе и продукты животноводства, на международном рынке в большем количестве, чем до сих пор. Так что в перспективе мы, видимо, не будем покупать за границей животноводческие и другие сельскохозяйственные продукты.

Тито несколько раз говорил о том, что в Югославии необходимо завершить социалистическую перестройку сельского хозяйства. Он считает, что все недостатки, все беды в области сельского хозяйства Югославия переживает потому, что у них распыленное единоличное хозяйство. Тито сказал, что урожайность в единоличных хозяйствах составляет примерно 8 центнеров зерновых с гектара, а в государственных хозяйствах – до 40 центнеров с гектара.

– В течение ближайших двух лет, – сказал Тито, – мы думаем завершить перестройку сельского хозяйства, добиться того, чтобы вместо единоличных крестьянских хозяйств у нас были крупные государственные социалистические хозяйства. Но мы будем это делать не путем кооперирования крестьянских хозяйств, а путем закупки земли у крестьян и организации крупных государственных хозяйств. Это мы сейчас уже проводим, – сказал Тито, – крестьяне продают землю госхозам.

Понятно, что я поддержал его в этом вопросе, сказал, что будет очень хорошо, если они смогут организовать крупное социалистическое хозяйство.

Пути перестройки сельского хозяйства, – сказал я, – могут быть разные. Один путь – это путь кооперирования, по которому шли мы в Советском Союзе, по такому же пути шел ряд других социалистических стран. Думаю, что можно идти и другим путем – путем выкупа земель у крестьян и создания крупных государственных социалистических хозяйств.

Тито сказал, что СКЮ была допущена ошибка, которая заключается в том, что партия фактически отказалась от руководства страной. Это было сделано неправильно, – заявил Тито. – Теперь мы принимаем меры к тому, чтобы устранить этот недостаток, исправить ошибку.

Мы допустили ошибку, что децентрализовали хозяйство, – продолжал Тито.

– Децентрализация – это анархия, – сказал я.

– Да, да, это анархия, – подтвердил Тито.

Словом, Тито фактически признал ту критику, с которой мы выступали в свое время и говорили об отрицательных явлениях в югославской экономике, о том, что управляемая экономика ведет к анархии, что в социалистическом государстве устранение партии от руководства развитием хозяйства совершенно недопустимо.

Важно отметить, что в беседе со мной Тито сам поднял эти вопросы и стал критиковать допущенные ими ошибки.

Тито сказал, что по этим вопросам он в резкой форме выступал на пленуме ЦК СКЮ⁶. Как я понял из беседы, это выступление Тито в югославском руководстве не всеми было встречено с пониманием. Такой вывод я делаю на основании следующего высказывания Тито:

– На пленуме ЦК СКЮ я даже сказал, что если вы и дальше так будете относиться к вопросам развития страны, то я готов уйти в отставку. После такого моего заявления, – сказал Тито, – участники пленума заявили о полной поддержке моей позиции и приняли решение повести борьбу за исправление допущенных ошибок.

Я, естественно, одобрил такие действия.

Тито подробно говорил о том, что в Югославии даже среди людей, занимающих ответственные посты, проявляются частнособственнические тенденции: многие строят собственные дома, дачи, приобретают автомашины и т.д. В качестве примера Тито рассказал следующее:

– После пленума ЦК СКЮ, на котором я выступил с речью, в которой резко осудил частнособственнические тенденции, на какое-то количество машин, прибывших из-за границы на таможенно, не нашлось хозяев. Очевидно люди, которые приобрели эти машины, отказались от них, побоялись быть скомпрометированными и привлеченными к ответственности.

В этом месте я сказал т. Тито:

– А может быть эти машины были не куплены, а были присланы как подарки, как взятка!

– Согласен с Вами, – сказал Тито, – возможно, это были взятки.

Затем он рассказал, что у них имеет место широкое общение хозяйственных и других работников с капиталистическим миром и что это приводит к отрицательным последствиям. В больших масштабах проводятся торговые операции, различного рода сделки отдельных югославских предприятий с фирмами капиталистических стран.

Некоторые элементы, – сказал Тито, – занимаются спекулятивными операциями, и, конечно, берут взятки. Говорят, что некоторые наши работники даже имеют капиталы на текущих счетах в банках капиталистических стран. Мы сейчас

принимаем меры к тому, чтобы зажать, закрыть эти каналы, будем вести борьбу с такими явлениями.

Я сказал ему, что это правильно. Главное, как мы понимаем, – это поднять организующую и руководящую роль партии, усилить контроль. Мною было подчеркнуто, что руководство партии является самым важным условием успешного строительства социализма.

– Надо, чтобы партия осуществляла руководство политической и хозяйственной жизнью страны, – сказал я. Необходимо вести борьбу с частнособственническими тенденциями, нужно вести хозяйство планово, надо бороться со спекулянтами, взяточничеством.

Далее я рассказал Тито о тех мероприятиях, которые мы провели и проводим в Советском Союзе по борьбе со спекуляцией, взяточничеством, с нарушениями советских законов, рассказал о принятых нами законах, в которых предусматриваются суровые меры, вплоть до расстрела, за крупные взятки и другие злоупотребления⁷.

Тито заметил:

– Я считаю такие меры правильными, одобряю ваши законы и проводимые мероприятия. У нас в Югославии за взятки и другие злоупотребления наказывают еще слабо; закон предусматривает наказание 5–10 лет заключения. Нам, видимо, надо принять более решительные меры для борьбы с этим злом.

Говорили мы также и о международном положении. В этой беседе, как и раньше, т. Тито часто подчеркивал, что позиция Советского Союза в международных вопросах является правильной, смелой, что югославы полностью одобряют нашу позицию. Особенно он одобрительно говорил о наших действиях и наших мероприятиях в связи с кризисом в районе Карибского моря⁸.

Он спросил, как бы отнесся Советский Союз, если бы было внесено предложение, чтобы войска нейтральных стран и какое-то количество войск западных стран находились в Западном Берлине?

Мною была изложена наша позиция по этому вопросу. Я сказал, что мы уже предлагали, чтобы в Западном Берлине были смешанные войска как стран, входящих в НАТО, так и нейтральных стран, но в известной пропорции и на определенный период.

– Это очень хорошо, – сказал Тито. – Я хотел это выяснить, чтобы определить нашу позицию.

У меня сложилось впечатление, что Тито хочет вести работу среди нейтральных государств в этом направлении.

Вопросов, касающихся заключения германского мирного договора, он не ставил, и я тоже их не касался⁹.

Заслуживает внимания его заявление о том, что Югославия очень критически относится к политике Западной Германии. Возможно, на него повлияло то, что в дни, когда Тито находился в Москве, в Западной Германии было совершено нападение хорватских фашистов на югославское торгпредство.

Вопроса о взаимоотношениях с Китайской Народной Республикой Тито почти не касался. Он как бы между прочим спросил:

– Чего хотят китайцы?

Я ответил:

– Трудно сказать, чего они хотят.

– Позиция Китая нам непонятна, – заявил Тито.

– И нам не все понятно, – сказал я.

Потом Тито высказал такое пожелание:

– Хорошо было бы, – сказал он, – если бы по важным вопросам, особенно по международным вопросам, например по тем, которые готовятся для постановки в Организации Объединенных Наций, по важным выступлениям в ООН, которые

вы намечаете, Советский Союз информировал югославов с тем, чтобы мы могли заранее определять свою позицию с учетом ваших пожеланий или предложений.

Мною было сказано, что мы охотно будем давать такую информацию. Министерству иностранных дел дадим указание учесть это пожелание и передавать соответствующие материалы.

Тито довольно осторожно сказал, что югославы будут стараться поддерживать Советский Союз на международной арене. Я не стал уточнять этого вопроса, так как вижу, что в настоящее время югославы не готовы полностью контактировать свои действия с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Но, видимо, Тито все-таки хочет больше приблизиться к нам при решении важных вопросов международного характера.

Я сознательно не стал просить его выразить более точно свою позицию по этим вопросам. Но, слушая его рассуждения, у меня сложилось впечатление, что по некоторым международным вопросам Тито хочет и дальше демонстрировать свою, так сказать, независимую, внеблоковую политику. Очевидно, югославы не всегда будут с нами голосовать в ООН, чтобы не утратить положение страны, не присоединившейся к блокам. Тито можно было понять так, что он хочет, чтобы мы с пониманием относились к этому.

Еще раньше, когда я беседовал с т. Тито в Москве и в Киеве, он говорил, что Югославия своей нейтралистской, внеблоковой политикой завоевала какое-то особое положение на международной арене. Он говорил, что югославский народ уже, мол, привык, что Югославия завоевала какое-то особое международное положение. И если бы она изменила свою позицию, то это в народе было бы расценено так, что Югославия якобы утрачивает ту роль, которую она теперь играет.

Тито прямо заявил:

– Югославия играет большую роль среди неприсоединившихся стран, это полезно и для социалистических стран.

В ответ на эти рассуждения я сказал ему следующее:

– Ваша позиция неприсоединения к блокам является довольно сомнительной. У вас неправильная концепция. В самом деле, подумайте, что это означает на деле? Вы всегда подчеркиваете, что Югославия занимает позицию неучастия в блоках, позицию неприсоединения, как вы иногда выражаетесь. Эта политика базируется на понятии, что вы находитесь между двумя лагерями – социалистическим и капиталистическим. Причем вы часто подчеркиваете, что у вас одинаковое отношение к каждому из этих лагерей.

Разве у социалистической страны может быть одинаковое отношение и к социалистическим странам, и к капиталистическим? Ведь речь идет не о военных блоках. Здесь вопрос классовой сущности явлений. Словом, речь идет о вашем отношении к различным общественно-политическим системам. В мире существуют социалистический лагерь и лагерь капиталистических, империалистических государств. Понятно, что если социалистическая страна хочет занять какое-то промежуточное, нейтральное положение между этими лагерями, то тем самым руководители этой страны сходят с классовых позиций, вольно или невольно действуют против рабочего класса, против социалистических стран. Такая позиция нам непонятна, и мы не можем ее одобрить. Наоборот, мы осуждали и будем ее осуждать.

Еще раньше в Москве перед обедом, который давали югославы, я беседовал накоротке, один на один, с Тито. Это было после известного интервью Карделя агентству Танюг, в котором он всячески оправдывал внеблоковую позицию и по существу ставил знак равенства между военно-политическими блоками и мировыми общественно-политическими системами. Еще тогда я решительно раскритиковал положения, высказанные Карделем. Беседуя в Киеве, я вновь вернулся к этому вопросу и сказал:

– Когда я готовился к докладу на сессии Верховного Совета СССР, у меня был написан раздел с критикой этого интервью Карделя¹⁰. Но потом я подумал и вычеркнул это место из доклада. Я рассуждал так: Вы являетесь нашими гостями, и было бы неудобно критиковать члена вашего правительства в Вашем присутствии. Поэтому я не стал выступать с критикой неправильных высказываний Карделя, надеясь, что Вы сами это сделаете. Если Вы захотите, – сказал я, – то Вам удобнее и лучше это сделать.

Тито ответил на это:

– Очень хорошо, правильно Вы сделали. Мы сами раскритикуем его.

Было видно, что у него с Карделем не всегда единое мнение¹¹. Далее Тито добавил:

– Когда Кардель вернется из поездки в страны Азии, мы будем говорить с ним.

Думаю, что в Югославии есть работники, которые не поддерживают Карделя. Мне рассказывали, что на пути в Волгоград, когда после обильного обеда югославы расходились по вагонам, некоторые работники из окружения Тито довольно резко выражались в адрес Карделя, говорили, что он претендует на какую-то особую роль, но ему надо дать отпор, и прочее.

В беседе с Тито я сказал:

– Может быть, Кардель и честный человек, но что он большой путаник, – в этом нет сомнений. Он сам запутался и других путает. Такой человек может наделать много вреда. Вы знаете, – сказал я, – в свое время Бухарин занимал руководящее положение в нашей партии. Ленин с доверием и уважением относился к нему, но в то же время считал, что Бухарин незрелый марксист. Здесь не может быть полной аналогии, но можно сказать, что Кардель в Союзе коммунистов Югославии куда больший путаник, чем был в свое время Бухарин. Поэтому на Карделя нельзя полагаться.

Далее я заявил Тито следующее:

– Вы говорили, что не согласны употреблять выражение «лагерь». Но дело, конечно, не в выражении, а в отношении к социалистическим странам. Если говорить о выражении, то можно найти другую формулу. Попробуйте, сказал я, предложить другую формулу, хотя, повторяю, главное не в этом.

Тито сказал:

– Само название «лагерь» не подходит.

– Для нас название не имеет принципиального значения, – подчеркнул я. – Важно существо. Можно назвать «социалистический лагерь», «социалистическое содружество», «социалистическое сообщество». Существует много разных выражений, главное выразить суть. Ведь социалистический лагерь – это не лагерь стран, которые объединились для того, чтобы завоевать другие страны и подчинить их себе. Это лагерь социалистических стран, которые объединились для того, чтобы вести борьбу против происков империализма.

Тито заметил:

– Я тоже так думаю, но Кардель этот вопрос понимает неправильно.

Затем Тито поднял вопросы отношений между партиями и просил высказать по ним наши соображения.

Я высказался в том смысле, что не представляю себе, как можно сейчас достигнуть сближения между нашими партиями.

– Если вы делаете знак равенства между лагерями, т.е. между социалистическими странами, которые объединяются в Варшавском договоре, и странами, которые входят в агрессивный блок НАТО, то, конечно, мы такую политику одобрить не можем. Мы будем бороться против такого неправильного понимания, против такого отношения к социалистическим странам. Мы не можем согласиться с теми положениями, которые записаны в Программе Союза коммунистов Югославии. Раньше мы уже высказывали свое отношение к вашей Программе. И то, что мы говорили, остается в силе и сейчас. Я указал на главные расхождения, которые существуют между нами.

Тито сказал:

– Эти положения записаны в Программу на VIII съезде нашей партии. Вот будет следующий съезд и мы скажем по-новому, по-другому.

Я не стал уточнять, какие изменения они думают внести в Программу. Думаю, что и сам Тито не мог бы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос. Для того чтобы подготовить Программу, нужно время. Программные вопросы будут еще обсуждаться и решаться в Центральном Комитете СКЮ.

– Было бы хорошо, – сказал я, – если бы СКЮ мог набраться сил и исправить принятую Программу партии, изменить ее, устранив те положения, которые мешают сближению и установлению контактов между нашими партиями. Это было бы большим вкладом в дело устранения разногласий и сплочения сил социализма. Центральный Комитет КПСС искренне желает этого, независимо от различного понимания многих вопросов. Но и при наличии разногласий мы готовы сотрудничать с вами по тем вопросам, по которым у нас единая точка зрения.

Что касается экономических вопросов, то мы готовы осуществлять широкое сотрудничество между нашими странами, конечно, на коммерческой основе.

В этом месте Тито сказал:

– Да, да, именно на коммерческой основе.

Как во время встреч в Москве, так и в этой беседе Тито сказал, что югославы хотели бы пользоваться нашей помощью в оснащении югославской армии военной техникой¹².

С Ранковичем у меня бесед не было. Он сам не изъявлял желания, да и я не стремился к отдельной встрече с ним. И это правильно. Если бы я стал встречаться с Ранковичем и другими членами югославской делегации, то это могло бы вызвать кривотолки. Югославы могли бы подумать, что мы хотим вести работу в отдельности с каждым работником, прибывшим с Тито, чтобы восстановить одного против другого, выискиваем разное понимание вопросов и прочее. Но когда накоротке мы с Ранковичем обменивались мнениями, то чувствовалось, что он настроен дружелюбно, в беседах подчеркивал желание достигнуть лучшего взаимопонимания между нашими странами и нашими партиями¹³.

В общем, у меня сложилось впечатление, что Тито хочет сближения с нами не только по экономическим, но и по идеологическим вопросам. Однако мне кажется, что он сам еще не представляет, как это сделать. Видимо, у него и у других югославских руководителей имеется какое-то раздвоение. С одной стороны, Тито хочет сближения с Советским Союзом и другими социалистическими странами. С другой стороны, ему, очевидно, импонирует то положение так называемой независимости, которым он все время бравировает. Югославы говорят, что они занимают независимое положение, находятся вне блоков, а по существу дают возможность империалистическим странам использовать их против стран социализма.

Мною было сказано Тито следующее:

– Как можно понимать такие вещи? Вы заявляете, что хотите сближения с социалистическими странами, а сами ведете разведку в странах социализма, ведете разведку против социалистических стран и против коммунистических партий. Недавно я читал в газетах, как действовали ваши разведчики в Румынии. Это возмутительно. Председатель Центрального Комитета Компартии Индонезии т. Айдит¹⁴ говорил, что ваши агенты в Индонезии ведут работу внутри коммунистической партии, против Центрального Комитета Компартии Индонезии.

Тито заявил:

– Я говорил нашим работникам, требовал, чтобы разведка была прекращена. Я сам возмущаюсь этим, считаю, что это недоразумение.

– Какое же это недоразумение, – спросил я, – когда указывают конкретные факты. Вероятно, такие факты имеют место.

Тито вновь сказал, что это, конечно, недопустимо. Я раньше говорил об этом Ранковичу, – заявил Тито. – Он заверял, что югославы не ведут разведывательной работы против стран социализма.

Думаю, что Тито или не все знает, или не все сказал. Румынские товарищи выдворили югославских разведчиков как раз во время пребывания Тито в Москве.

* * *

В своих выступлениях и в беседах со мной т. Тито очень много говорил о больших успехах Советского Союза. Он не раз подчеркивал, что поражен достижениями нашей страны в сравнении с тем, что он видел в 1956 году.

Думаю, что ознакомление с жизнью Советского Союза окажет положительное влияние на Тито и других югославских руководителей, будет укреплять их в необходимости идти на дальнейшее сближение с нами¹⁵.

Но, я думаю, не следует забегать вперед и возлагать на это чрезмерные надежды. Видимо, в Югославии есть силы, которые действуют в противоположном направлении.

Тито мне сказал:

– Нельзя быстро изменить все, что было. У нас есть силы, которые ориентируются на Запад, мы глубоко там завязли. Требуется вести борьбу с этими силами, а это не так легко, – жаловался Тито.

Это нам следует учитывать. Нельзя только на основе этих бесед делать далеко идущие выводы. Фактически в наших беседах с Тито и с другими югославскими руководителями не было обстоятельного обмена мнениями. Мы сами не выдвигали и не обостряли спорных вопросов, и я думаю, что мы поступили правильно. Тито находился на отдыхе, и мы не ставили своей задачей обсудить с ним все спорные вопросы и сразу искать возможность ликвидировать разногласия и прийти к общему мнению. В беседах каждый из нас высказал свою точку зрения. Может быть, это будет полезно, послужит началом к тому, чтобы постепенно ликвидировать имеющиеся разногласия. Но если и будут сглаживаться наши разногласия, то понятно, что это будет происходить постепенно. Сейчас я даже затрудняюсь сказать, в каком направлении будут развиваться события. Повторяю, нам не следует создавать иллюзий, чтобы потом не было разочарования.

Очевидно, у Тито и у других югославских руководителей происходит процесс некоторого изменения в политике. Ясно, что у них имеются большие колебания.

Руководители Югославии заверяют, что они руководствуются учением Маркса – Энгельса – Ленина. Но они зачастую по-своему толкуют учение марксизма-ленинизма. В этом отношении и у нас, конечно, нет общего понимания с югославами. Поэтому мы и дальше должны проявлять осторожность в отношениях с Союзом коммунистов Югославии.

Нам нужно вести дело так, чтобы подталкивать югославских руководителей в направлении сближения с Советским Союзом и другими социалистическими странами, чтобы Югославия укреплялась на социалистических позициях. Необходимо и дальше прилагать усилия к тому, чтобы Югославия развивалась как социалистическая страна, чтобы Союз коммунистов Югославии укреплялся на марксистско-ленинской основе.

Н. Хрущев

РГАНИ. Ф. 3. Оп. 16. Д. 198. Л. 37–55. Подлинник.

Примечания

Примечания Б.С. Новосельцева при участии А.С. Стыкалина

¹ Встреча состоялась в день отъезда Й. Броза Тито из СССР, куда он был приглашен на отдых и находился с неофициальным визитом с 3 по 20 декабря 1962 г.

- ² Николай Павлович Фирюбин (1908–1983) – советский государственный и партийный деятель, дипломат, посол в Югославии (1955–1957), заместитель министра иностранных дел СССР (1957–1983).
- ³ Йован Веселинов (1906–1982) – председатель Народной скупщины Республики Сербии (1957–1963), секретарь ЦК Союза Коммунистов Сербии (1957–1966).
- ⁴ Югославия принимала участие в работе СЭВ на правах ассоциированного члена с 1964 г.
- ⁵ Вступление Югославии в ЕЭС не состоялось.
- ⁶ Вероятно, речь идет об июльском пленуме ЦК СКЮ 1962 г.
- ⁷ В 1961 г. по инициативе Хрущева была развернута кампания по борьбе с валютными фарцовщиками. В соответствии с указом «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций» было внесено изменение в Уголовный кодекс СССР, введена смертная казнь за подобный рода преступления.
- ⁸ Карибский кризис, связанный с размещением советских ракет на Кубе (октябрь 1962 г.). Позиция Югославии во время кризиса была высоко оценена в Москве. На встрече с Тито 14 ноября 1962 г. новый советский посол в Белграде А.М. Пузанов подчеркнул, что в разрешении кубинского конфликта неприсоединившиеся страны и особенно ФНРЮ сыграли значительную роль (См. *AJ. KPR. I-3-a/101-41. SSSR. Prijem ambasadora A.M. Puzanova. 14.11.1962*).
- ⁹ В начале 1960-х годов немецкий вопрос представлял собой комплекс проблем, по которым СССР и США не могли достичь компромиссного решения. Во-первых, споры велись вокруг признания существования двух германских государств. Вторым спорным моментом было заключение мирного договора между западными странами и ГДР, что de facto означало бы признание с их стороны существования восточногерманского государства. В-третьих, актуальным являлся вопрос, связанный с милитаризацией Западной Германии, а позже и с возможностью передачи вооруженным силам ФРГ американского атомного оружия. И, наконец, в-четвертых, СССР и Соединенные Штаты не могли найти компромисс относительно статуса Западного Берлина. Советский Союз требовал превратить его в демилитаризованный вольный город, США считали Западный Берлин анклавом ФРГ. Прошедшие в июне 1961 г. в Вене переговоры Н.С. Хрущёва и Д. Кеннеди по этому вопросу закончились провалом. 13 августа 1961 г. войска ГДР перекрыли доступ из восточных секторов Берлина в западные. Вскоре Западный Берлин был окружен бетонной стеной, став одним из главных символов холодной войны.
- ¹⁰ Имеется в виду доклад Н.С. Хрущёва на сессии ВС СССР «Современное международное положение и внешняя политика Советского Союза», зачитанный 12 декабря (см.: *Правда. 1962. 13 XII*).
- ¹¹ По некоторым сведениям, вернувшись из Москвы, Й. Броз Тито говорил А. Ранковичу: «Я с Карделем больше не могу работать. Дезавуирует меня на каждом шагу. Со мной ни о чем не советуется [...] Давай созовем пленум ЦК. Из партии вон, или он, или я. Я сделаю доклад». Но тогда А. Ранкович начал защищать Э. Карделя, стремясь сохранить единство партии (*Гуськова Е.Ю. Югославская федерация в 1960-е годы. Борьба двух тенденций // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 703*).
- ¹² О продаже Югославии военной техники речь шла 7 декабря 1962 г. на переговорах в Кремле. Н.С. Хрущев всячески подчеркивал, что сейчас, в эпоху ракетного оружия, роль традиционных вооружений снижается, отстаивая свой известный тезис о том, что советский атомный потенциал в случае возможного конфликта станет защитой и для социалистических стран. Однако на прямой вопрос Тито, будет ли продаваться в ФНРЮ советская военная техника, он ответил согласием (*AJ. KPR. Put J.B. Tita u SSSR. 3-20.12.1962 // Zapisnik sa sastanka u Kremlju održanom 7.12.1962. prilikom posete Predsednika FNRJ Josipa Broza Tita Sovjetskom Savezu*). С этого момента и вплоть до конца 1980-х годов главным поставщиком военного оборудования и вооружения в Югославию был Советский Союз (*Bogetić D. Jugoslavija između Istoka i Zapada // Jugoslavija u Hladnom ratu. Beograd, 2010. S. 20*).
- ¹³ А. Ранкович имел в СССР и в Югославии репутацию «главного сторонника сотрудничества с соц-странами» и главного «их друга» (см. *DASMP. PA. 1967. SSSR. F-143. 427425. Spoljna politika SSSR. 2.8.1967*).
- ¹⁴ Дипа Нусантара Айдит (1923–1965) – лидер компартии Индонезии.
- ¹⁵ По возвращении из поездки, в новогоднем обращении Й. Броз Тито говорил о сокращении западного культурного влияния и ускорении коллективизации. Кроме того, он впервые с 1948 г. отметил роль советских вооруженных сил в деле защиты югославского социализма (*Foreign Relations of the United States. (FRUS). 1961–1963. Volume XVI. Yugoslavia. Document 144. Telegram from Embassy in Yugoslavia to Department of State. 3.1.1963*). Большое внимание в югославских СМИ теперь уделялось советским достижениям в социалистическом строительстве и выражению поддержки внешнеполитических шагов советского правительства. Широко публиковались выступления Н.С. Хрущева (См., например, *Borba. 1963. 18. januar. S. 2; Isto. 23. januar. S. 1*). В феврале 1963 г. Тито встретился с членами Президиума Союза журналистов Югославии. Судя по всему, он придавал особое значение публикациям в СМИ, хотел лично сформулировать стратегию и обозначить цели, поставленные перед масс-медиа. В мае того же года, выступая на пленуме ЦК СКЮ, он обратил внимание работников печати на то, что сейчас складываются благоприятные условия для ознакомления населения Югославии с опытом строительства социализма в других странах, прежде всего, в Советском Союзе (*АВП РФ. Ф. 0144. Оп. 50. П. 205. Д. 25. Л. 5. Освещение жизни советского народа и опыта коммунистического строительства в СССР в югославской печати. 29.7.1964*).

© 2015 г. Е.И. ЯКУШКИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛЕКСИКОЛОГИЯ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА (ОБЗОР СЛОВАРЕЙ И ИССЛЕДОВАНИЙ)

В обзоре рассматриваются исторические словари XIX–XX вв.: «Словарь книжных сербских древностей» Дж. Даничича, «Словарь хорватского или сербского языка Югославянской академии наук», словарь языка П. Негоша, словарь иностранных слов В. Михайловича. Описываются основные направления историко-лексикологических исследований: история заимствований, лексикология средневековых текстов и текстов XVIII–XIX в., преемственность современной лексики и лексики периода формирования литературного языка.

The review considers historical dictionaries of the nineteenth and twentieth centuries, such as Đuro Daničić' «Dictionary of the Serbian antiquities», «Dictionary of the Croatian or Serbian language of the Yugoslavian Academy of Sciences», and V. Mihailović' dictionary of foreign words. It describes main directions of the historical-lexicographic studies: history of borrowings, lexicology of medieval texts, or texts from the eighteenth-nineteenth centuries, continuity of the modern lexica with that one of the period of the birth of the literary language.

Ключевые слова: сербский язык, история языка, лексикография, лексикология.

I. Историческая лексикография

Историческое изучение лексики сербского языка началось с лексикографического описания словарного состава сербских средневековых текстов, выполненного Дж. Даничичем в «Словаре книжных сербских древностей» [1]. В словаре описана лексика оригинальных древнесербских текстов, переводную литературу и богослужебные тексты Даничич не обрабатывал. В списке источников значатся издания житий, летописей, документов, грамот и т.д., в том числе такие известные памятники, как Житие св. Саввы, Житие св. Симеона, Законник Стефана Душана.

«Словарь книжных сербских древностей» включает шестнадцать тысяч заглавных слов. Принципы составления словаря нигде не изложены, имеется только список источников (автор обещал в предисловии, что принципы издания будут изложены позже, но так этого и не сделал). Важной характеристикой словаря является включение ономастического материала, антропонимов и топонимов, причем в очень большом объеме. Многие ученые, дававшие оценку словарю, отмечали колоссальную междисциплинарную ценность этого материала. Ф. Миклошич, В. Ягич, Ст. Новакович считали, что словарь имеет большое значение не только

Якушкина Екатерина Ивановна – канд. филол. наук, доцент МГУ.

для лингвистики, но и для истории и исторической географии [2. С. 421]. Огромную ценность словаря для истории представляет также то, что в нем впервые была собрана и истолкована средневековая терминология [3. С. 632].

Впоследствии, в связи с новыми публикациями рукописных памятников, Даничич поднимал вопрос о дополнении словаря на основе новых источников, однако у него самого на это уже не было времени: он был целиком занят составлением другого словаря, а иных авторов не нашлось. После его смерти этот вопрос обсуждался, но ничего сделано не было [3. С. 645], и словарь до сих пор существует в первоначальном виде. Однако он лег в основу словаря Югославянской академии наук и нашел в нем свое продолжение. В 1867 г. Даничич был назначен на должность секретаря только что основанной Югославянской академии наук и искусств в Загребе (JAZU), основной сферой деятельности которой в то время была национальная история и язык, и сразу выступил с предложением об издании большого Словаря хорватского или сербского языка.

Хотя Словарь сербского или хорватского языка Югославянской академии наук [4], издававшийся в Загребе по инициативе Даничича, является безусловным достоянием хорватской лексикографии, в силу характера материала он был и остается ценнейшим источником сведений по сербской лексике и самым полным законченным ее собранием. В основу словаря легла популярная в то время югославянская концепция единства сербов и хорватов, искренним сторонником которой был Даничич (отсюда и двойное обозначение языка в названии словаря). В словаре представлена лексика из хорватских (штокавских и чакавских) и сербских текстов, начиная с памятников письменности до XIX в., и из словарей (в том числе кайкавских). Материалом для словаря послужили исторические документы (дарственные, судебные постановления, договоры о купле-продаже и т.д.), в том числе на иностранных языках (как источник ономастики); литература XII–XVIII вв., в том числе глаголическая (жития, хроники, лирика, научные произведения, путевые записки) и несколько произведений XIX в., признанных образцовыми (Даничич считал, что лексика нового времени еще не устоялась и рано включать ее в словарь); фольклорные произведения; народная лексика; этнографические описания и словари (словарь В. Караджича и хорватские словари). Список источников был определен самим Даничичем, под его руководством и при непосредственном участии шла и выборка лексики из этих произведений. В течение 10 лет под его руководством было расписано 300 произведений литературы и народного творчества. При жизни Даничича вышел первый том словаря (1880 г.). На втором томе, вышедшем уже после смерти Даничича, в 1884–1886 гг., его имя значится в соавторстве с М. Валявцем и П. Будмани, которые стали дальнейшими составителями этого труда. Им наследовал Т. Маретич, а после его смерти словарь составлялся коллективом авторов (после 1945 г.). При смене составителя частично менялась и концепция словаря. Всего словарь насчитывает 23 тома, последний был опубликован в 1976 г.

Словарь Югославянской академии представляет собой словарь-тезаурус, охватывающий сербскую и хорватскую литературную (эксцерпированную из печатных изданий) и диалектную лексику, включая ономастику, которую Даничич очень ценил, от первых памятников письменности до Вука Караджича, в чем состоит его исключительное значение для сербокroatистики и славистики. Это значение он имел при своем появлении (в надгробном слове в память Даничича Й. Бошкович оценил словарь как превосходящий словари Юнгмана, Линде, Российской академии [2. С. 426]), это значение он сохраняет и по сей день. По последней оценке хорватских лексикографов, «он является и историческим, и диалектологическим, и этимологическим, и ономастическим» словарем [5. С. 233]. Значение словаря велико не только благодаря обширности словника, но и благодаря принципам описания и содержанию словарных статей, многие из которых, еще написанные

Даничицем, представляли собой серьезнейшие научные работы. Структура статьи такова: указываются варианты формы, время появления слова в текстах и выхода из употребления, этимология (Даничиц доводил этимологию до индоевропейского корня, а последующие составители, Будмани и Маретич, ограничивались параллелями из старославянского языка и других славянских языков, последующие авторы давали отсылки к имеющимся этимологическим словарям), словарные фиксации. Далее подробнейшим образом расписывается значение с огромным количеством иллюстраций, начиная от первой фиксации до XIX в. и фольклорных текстов. Все это представляет исследователю максимально полную картину истории слова.

Для истории сербского языка XVIII в. интересны «Материалы для словаря иностранных слов довуковского периода» В. Михайловича [6]. В этом издании собран лексика неславянского происхождения, встречающаяся в сербских рукописных и печатных текстах и словарях конца XVII – начала XIX в. С критическим анализом этого труда можно ознакомиться в книге В.П. Гудкова [7. С. 138–143].

К историческим словарям примыкает фундаментальный словарь языка П.П. Негоша [8], отражающий лексический фонд произведений великого черногорского поэта первой половины XIX в., сыгравшего большую роль в становлении сербского литературного языка. Это словарь общего типа, включающий все слова и значения, употребленные автором, и составленный по методологии Словаря Сербской академии наук [9]. Слова снабжены языковыми пометами (русское церковнославянское, сербское церковнославянское, русское, сербское диалектное), что имеет важное значение для истории литературной лексики, которая в первой половине XIX в. носила характер неупорядоченной смеси элементов названных языков.

II. Историческая лексикология

Настоящий обзор не претендует на полноту охвата работ, посвященных вопросам сербской исторической лексикологии. Его цель – наметить основные направления, в которых ведутся исследования.

История сербской лексики представлена в лингвистической литературе следующим кругом тем: история заимствований (по эпохам и по источнику заимствования: германизмы, грецизмы, турцизмы, мадьяризмы, богемизмы, русизмы); лексическое своеобразие средневековых текстов, древнесербская терминология и ономастика; лексическое своеобразие текстов XVIII в., формирование абстрактной лексики и терминологии в языке XIX в., своеобразие лексики некоторых авторов, занимающих особое место в сербской культуре, преемственность современной лексики и лексики периода формирования литературного языка.

История заимствований в сербском языке представлена широким кругом работ. Общие сведения о заимствовании лексики на разных этапах развития языка содержатся в статьях, написанных для «Истории сербского народа» П. Ивичем и соавторами и объединенных в сборнике «Обзор истории сербского языка» [10. С. 75–76, 101, 150–154, 250–254], а также в «Истории сербохорватского языка» И. Поповича [11. С. 144–166]. Источником пополнения словаря П. Ивич считал основным признаком, лежащим в основе периодизации истории сербской лексики, в которой он выделял средневековый, турецкий и новый периоды [10. С. 63]. Достоянием сербской исторической лексикологии являются обстоятельные словари заимствованной лексики, носящие этимологический характер. Это тематический словарь германизмов Е. Шневайса [12]; турцизмов А. Кнежевича [13] (о турцизмах см. также [14]); грецизмов М. Фасмера [15]; мадьяризмов Л. Хадровича [16] (данный словарь помимо этимологической информации содержит и собственно историко-лексикологическую: информацию о первой фиксации, примеры из литературы), русизмов Й. Айдуковича [17]. С перечнем и историей французских заимствований можно ознакомиться в работе [18]. Для изучения

русизмов и бегемизмов, которые вошли в сербский язык через хорватский узус, большое значение имеет работа Т. Маретича «Русские и чешские слова в литературном хорватском языке» [19]. В изучение русских заимствований в сербском языке значительный вклад внес В.П. Гудков [7] (о его наблюдениях см. ниже).

При изучении сербской средневековой терминологии и (церкви, государственного управления, финансов, права, ремесел) актуальными для исследователя видятся следующие задачи: соотношение славянского и неславянского элементов в терминологии, преемственность с последующими эпохами, диалектное происхождение, ареальные характеристики [20; 21]. П. Ивич отмечает лексическое и семантическое богатство языка средневековых сербов, который во многом превосходил современный [10. С. 44–52]; см. также [20; 22]. О средневековой медицинской терминологии и зоологической номенклатуре см. [23; 24].

Важное место среди лексикологических исследований Средневековья занимает историческая ономастика. Здесь следует отметить работу М. Пешикана «Зетско-хумско-рашские имена в начале турецкого периода» [25], где на материале турецких кадастровых книг XV–XVI вв. проанализировано более 20 тыс. имен собственных: представлены списки имен, их частотность, ареалы употребления, преемственность по отношению к XIV в., а также работу М. Гркович «Имена в Дечанских грамотах» [26] (монография написана в рамках более широкой темы «Имена в кириллических грамотах и письмах XII и XIII вв.»). На основе грамот короля Стефана Дечанского первой половины XIV в. выявлено 13 тыс. имен, антропонимов и топонимов, представлен их список, описано происхождение антропонимов (славянские и заимствованные – романского, албанского и германского происхождения), в славянских именах выявлена семантическая мотивация и словообразовательная структура.

В целом, однако, в изучении словарного состава древнесербских памятников письменности большее внимание лингвистов-медиевистов привлекали церковнославянские тексты, что, возможно, связано с работой над словарем церковнославянского языка сербской редакции, которая ведется в Институте сербского языка Сербской академии с 1969 г. Лексикология сербской редакции церковнославянского языка представлена трудами М. Пешикана, Г. Йованович, В. Йеркович, А. Пешикана по лексическим особенностям сербских евангелий [27–33], Д. Стефановича по текстам Апостола [34; 35], Н. Родича, Й. Райнхарта, Дж. Трифуновича, В. Савича по текстам разных жанров [36–40]. В меньшей степени исследователи занимались лексикой средневековых памятников светского содержания [41; 42].

Основной корпус исследований в области сербской исторической лексикологии посвящен лексике XVIII–XIX вв., а именно проблемам развития книжно-письменного славяно-сербского языка и литературного языка «вуковского» типа. Общую характеристику лексического своеобразия славяно-сербского языка (литературного языка конца XVIII – середины XIX в., своеобразие которого заключалось в смешении элементов сербского, русского и церковнославянского языков) см. в работе [43]. Большая часть исследований этого периода выполнена на философском факультете университета г. Нови-Сад.

В 80-е годы XX в. в г. Нови-Сад в Матице Сербской начал разрабатываться проект создания общего словаря славяно-сербского языка, включающего славянскую и заимствованную лексику [44; 45]. Изучение лексического своеобразия текстов славяно-сербских авторов рассматривается как «важная, фундаментальная и неотложная задача отечественной науки» [46. С. 114]. Опубликовано много частных исследований лексических особенностей языка писателей славяно-сербского периода. В этих работах [47–50] даются списки русизмов и церковнославянизмов, употреблявшихся авторами XVIII–XIX вв., и предлагается их фонетический, словообразовательный и морфологический анализ, а также описание способов сербизации этих слов автором. Среди крупных исследований этого

направления следует отметить монографию С. Стийовича «Славянизмы в поэтических произведениях Негоша» [51], имеющую большое значение для истории литературного языка. В монографии проанализированы 1500 лексем, выделенных автором в текстах П.П. Негоша, с точки зрения их происхождения (заимствования из русского церковнославянского, сербского церковнославянского, русского, новообразования, а также лексика, общая для трех языков, происхождение которой установить невозможно), словообразовательной структуры, семантики, частотности, жанровой специфики. Большую часть монографии составляет ценнейший, по словам П. Ивича, словарь церковнославянских слов в произведениях Негоша, содержащий указание на источник заимствования и комментарий к употреблению или значению [51. С. 137–228].

Отдельные сведения по лексическому своеобразие писателей XVIII–XIX вв. содержатся в работах А. Албьянича [52], Й. Йерковича [53. С. 283–287; 54. С. 133–137; 55–58], Х. Куны [59], А. Младеновича [60; 61], Л. Суботич [62], О. Трофимкиной [63], Г. Тяпко [64], П. Херрити [65].

Роли русского и церковнославянского языка в формировании сербской лексики и вопросам преемственности лексики славяно-сербского и современного языка уделено внимание в монографии В.П. Гудкова «Сербская лексикография XVIII в.» [7. С. 143–162]. Как отмечает автор, важной задачей является выявление судьбы книжной лексики, а именно определение «напластования русских и церковнославянских лексических элементов, сохраняющихся в литературном языке с довуковской поры» [7. С. 146]. В работе представлен словарь русизмов и церковнославянских лексем (70 лексем), составленный на основе словариков и изданий Г. Терлаича, отсутствующих в словарях Караджича, а иногда и в его трудах, но употребляющихся в современном сербском языке, т.е. вошедших в современный язык из довуковского книжного языка. Как отмечает автор, многие частотные слова современного языка восходят к книжному языку XVIII в., например: *вест*, *васпитати*, *известан*, *казнити*, *нежан*, *опасан*, *позориште*, *право*, *предмет*, *природа*, *успех*, *скроман*. Также в работе В.П. Гудкова содержатся сведения по истории слов *читати* и *речник*, ср. [66]. Об истории заимствований из русского и церковнославянского см. также [67; 61; 64].

Важной областью сербской исторической лексикологии является изучение лексического состава «Сербского словаря» В. Караджича и его соотношения с лексикой литературного языка XVIII в. и современного языка. Значимость состава этого словаря для истории сербской лексики заключается в том, что он стал основой лексического фонда литературного языка нового, «народного», типа, пришедшего на смену церковнославянской и русской книжной лексике XVIII в., и в период формирования литературного языка служил эталоном лексики для многих писателей и создателей языкового стандарта. Лексический состав словаря подробно рассматривается в работе П. Ивича «О Сербском словаре 1818 г.» [68] и трудах Й. Кашича, объединенных в сборнике «По следам слова Вука». В статье «Фонологические, морфологические и семантические дублиеты в “Словаре Вука”» рассматриваются изменения, произошедшие к концу XX в. в соотношении лексем, обозначенных в словаре как синонимы и дублиеты: утрата лексемы, изменения значений, приобретение стилистической окраски, территориальной маркированности. «Многие из слов, которые в словаре Вука описаны как синонимы – идет ли речь о словах, производных от одной основы или этимологически не связанных – сегодня отличаются по значению вследствие изменений семантического поля одного или обоих членов вуковской синонимической пары (например *исход* – *проход*, *облог* – *опклада* [...]), некоторые слова приобретают стилистическую окраску (*дојка*, *луча*, *мома*), а другие присутствуют только на части языковой территории и, в основном, вариантно поляризованы (например *панар/бибер*, *туча/град*, *цупа/девојка*)» [69. С. 64–65]. В статьях [70–72] Й. Кашич дает тематический обзор

лексики из неродных для Вука Караджича идиомов (городские, воеводинские, черногорские говоры), которая была им записана в поездках и в результате контакта с воеводинской средой, и характеризует место этих слов в системе современного литературного языка и роль названных говоров в формировании литературной лексики. В статье «Лексика “Словаря Вука” и современного литературного языка» [73] обобщаются результаты предшествующих статей и описываются основные типы соответствий лексики словаря Вука и современного сербского литературного языка (утрата лексем, известных Караджичу, изменение их значения, возникновение новых слов). В работе [74] приводится выборка из словаря Караджича кулинарной терминологии и дается ее анализ. В работе «О лексике Вука и по ее поводу» [75] М. Ивич останавливается на несоответствии словника «Сербского словаря» В. Караджича и лексики его текстов. Отмечается употребление разных лексем (в словаре присутствует слово *ватрењача* ‘пароход’, редкий диалектизм, а в своих текстах Караджич употреблял *пароплов*), поскольку в словарь намеренно включалась народная лексика, а сам Караджич принадлежал к среде образованных сербов, язык которых был иным и, обращаясь к ним, он использовал лексику, близкую адресату. Автор размышляет, чем объясняется лексикографическая позиция Караджича и почему он свел сербский язык к его самой примитивной форме: по мысли М. Ивич, Караджич руководствовался идеей борьбы «за возвышение и общественный престиж сельской сербской среды», ориентировался на языковую компетенцию необразованного крестьянина и относился к простонародной лексике как к «исключительной драгоценности» [75. С. 63]. О лексической эволюции у В. Караджича см. [76]

Источники пополнения словаря литературного языка на протяжении XIX в. рассматривает Й. Кашич. Исследователь описывает средства пополнения словаря в языке начала XIX в. на материале писем Миловану Видаковичу (расширение семантического поля слов и возникновение новой сочетаемости, словообразовательные средства, заимствования интернационального характера или из славянских языков) и выделяет области, в которых появляются неологизмы (названия лиц, письменная коммуникация) [77]. В статье [78] прослеживаются две традиции в отношении заимствований и пополнения лексического фонда в языке писателей XIX в.: первая, идущая от П. Соларича и связанная с образованием новых слов, которую развивали С. Сарайлия и Й. Стерия, а позднее Й. Змай и Л. Костич; и вторая, идущая от митрополита С. Стратимировича и связанная с толерантностью по отношению к заимствованиям.

В ряде исследований рассматривается создание терминологии в XIX в., в период формирования современного литературного языка. Одна из попыток разработки терминологии, предпринятая Обществом сербской словесности, обозревается в работе И. Грицкат, где дается оценка места в истории языка списка терминов, опубликованного Обществом в 1847 г. (описывается их словообразовательная структура, роль церковнославянских элементов, сохранность терминологии в современном языке) [79], см. также об этом [10. С. 207–210]. Юридической терминологии начала XIX в. посвящена работа Г. Йованович, в которой анализируется лексика правовых актов периода первого сербского восстания «Законник Карагеоргия» и «Начертание устройства охранной власти», испытавшая немецкое, русское и церковнославянское влияние [80]. В работе [81] описывается пополнение фонда абстрактной лексики и терминологии в сербском издании Шафарика с помощью заимствований. О других вопросах истории терминологии см. [82–85].

В 1997 г. М. Ивић начала работать над проектом «Исследование различий между языком Вука Караджича и современным литературным языком», задачей которого является описание развития сербской лексики со времен Караджича до наших дней. Ей принадлежит серия работ по сопоставлению вуковских и современных употреблений. В работе «О лексическом выражении понятия ‘заменить/

заменять кого-то кем-то' в сербском языке нашего и вуковского времени» М. Ивич высказывает наблюдения над сменой префиксов у глаголов на протяжении истории литературного языка (вуковское и совр. диал. *изменити* – совр. лит. *заменити, сменити*). «Стоит особо подчеркнуть, – пишет М. Ивич, – что систематическое сравнение современного употребления префиксальных глаголов в (стандартном) сербском с отношением Вука к этим лексическим образованиям выявило бы еще много других ранее незамеченных, но чрезвычайно интересных проблемных деталей» [86. С. 60], ср. пары *изјести* 'съесть' (вуковский перевод Нового Завета) – современное *појести; јавити (некога)* 'сообщить о ком-то, донести' – *пријавити*. Истории лексем *управо* 'как раз, именно' (у Вука 'точно'), *разговетно* 'разборчиво', *књига* (в словарях Вука – это 'письмо, книга, грамотность, бумага'), *плата* (у Вука не только 'зарплата', но и 'плата за обучение и плата при продаже'), *доброта* (у Караджича – особенность не только доброго человека, но и хорошего предмета), *љубавник* (у Караджича 'приятель'), обозначениям художника и рисования посвящены работы [75; 87–91].

Каждый период развития сербского языка имеет широкие перспективы для историко-лексикологического изучения. Недостаток изученности лексики отмечают исследователи древнесербского периода, завершение словаря славяно-сербского языка является одной из главных задач в области изучения «предвуковского» периода, и конечно, неизменно актуальной представляется задача описания формирования современного лексического состава и его соотношения с лексикой середины – конца XIX в..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1863–1864 (фототипско издање, 1975).
2. Бурић В. Из литературе о Даничићу // Књига Ђуре Даничића. Београд, 1976.
3. Трифуновић Ђ. О Даничећивом Рјечнику из књижевних старина српских // Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Београд, 1863–1864 (фототипско издање, 1975). Т. 3.
4. Рјечник hrvatskoga ili srpskoga jezika Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880–1976.
5. Тафра Б., Финк Ж. Хорватская лексикография // Теория и история славянской лексикографии. М., 2008.
6. Михајловић В. Грађа за речник страних речи у предвуковском периоду (од времена Велике сеобе до Вуковог Рјечника 1818. године). Нови Сад. 1972. Т. I; 1974. Т. II.
7. Гудков В.П. Сербская лексикография XVIII в. М., 1993.
8. Речник језика Петра II Петровића Његоша. Београд, 1983. Т. 1–2.
9. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Т. 1–.
10. Ивић П. Преглед историје српског језика / Приредио А. Младеновић // Ивић П. Целокупна дела. Сремски Карловци; Нови Сад, 1998. Т. VIII.
11. Поповић И. Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955.
12. Schneeweis E. Die deutschen Lehnwörter im Serbokroatischen in kulturgeschichtlicher Sicht. Berlin, 1960.
13. Knežević A. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962.
14. Stachowski S. Studia nad chronologią turcymów w języku serbsko-chorwackim. Kraków, 1967.
15. Vasmer M. Die griechischen Lehnwörter im Serbo-Kroatischen. Berlin, 1944.
16. Hadrovics L. Ungarische Elemente im Serbokroatischen. Budapest, 1985.
17. Ајдуковић Ј. Русизми у српскохрватским речницима: принципи адаптације, речник. Београд, 1997.
18. Крстић Н. О француским позајмљеницама у српском књижевном језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2004. Бр. 1–2. Св. XLVII.
19. Maretić T. Ruske i češke riječi u književnom hrvatskom jeziku // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1892. Knj. 108.
20. Грковић М. Правна и економска терминологија ћирилских повеља и писама XII и XIII в. // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984.
21. Грковић М. Основне карактеристике правне и економске терминологије у «Бањској хрисовуљи» // Јужнословенски филолог. Београд, 2010. Књ. 66.
22. Ивић П. Развој терминологије у језику средњовековних Срба // Глас САНУ. Београд, 1980. Књ. CCCXXV.

23. *Јовић Н.* Неке лексичке појединости из Хиландарског медицинског кодекса № 517 // Славистика. Београд, 2003. № 7.
24. *Јовић Н.* Називи животиња и инсеката у Хиландарском медицинском кодексу // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2006. Бр. 49. Св. 2.
25. *Пешикан М.* Зетско-хумско-рашка имена на почетку турскога доба. Београд, 1984.
26. *Грковић М.* Имена у Дечанским хрисовулама. Нови Сад, 1983.
27. *Пешикан М., Јовановић Г.* Текстолошки састав српских четворојеванђеља // Јужнословенски филолог. Београд, 1974–1975. Књ. 31.
28. *Јовановић Г.* Синонимика заменице *ietery* у јеванђељима српске редакције // Јужнословенски филолог. Београд, 1977. Књ. 33.
29. *Јовановић Г.* Да ли је јеванђељска лексика редакцијски обележена // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Бр. 14. Св. 1.
30. *Јовановић Г.* О лексички старосрпских четворојеванђеља // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1992. Бр. 22. Св. 2.
31. *Јерковић В.* Лексичке разлике између Чајничког и Манојловичког јеванђеља // Прилози проучавању језика. Нови Сад, 1967. Бр. 3.
32. *Јерковић В.* Несловенске речи у јеванђељу из Мркшине цркве // Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1973. Бр. 16. Св. 1.
33. *Пешикан А.* Лексичке одлике «Четворојеванђеља» краља Душана // Јужнословенски филолог. Београд, 1987. Књ. 43.
34. *Стефановић Д.* О словенским еквивалентима грчких везничких израза $\epsilon\iota$ (kai), $\epsilon\iota$ (pwc) и $\epsilon\iota\tau\epsilon$ у црквенословенским апостолским текстовима // Јужнословенски филолог. Београд, 1982. Књ. 38.
35. *Стефановић Д.* У упоредном испитивању црквенословенских апостолских текстова // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Бр. 14. Св. 1.
36. *Родић Н.* Крмчија као извор нове лексике // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Бр. 14. Св. 1.
37. *Reinhart J.* Лексички слојеви у светосавској Крмчији // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Бр. 14. Св. 1.
38. *Трифунковић Ђ.* Речник уз српске преписе лествице // Јужнословенски филолог. Београд, 1982. Књ. 38.
39. *Савић В.* Свемогући и(ли) сведржитељ у српскословенском језику // Зборник Матице српске за књижевност и језик. Београд, 2010. Бр. LVIII. Св. 1.
40. *Савић В.* Грчке речи у типуку архиепископа Никодима из 1318–1319 г. // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Београд, 2009. Бр. LXXIV. Св. 1–4.
41. *Јовановић Г.* О лексички у повељама деспота Стефана Лазаревића // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд; Нови Сад, 2002. Бр. 30. Св. 1.
42. *Павловић С.* Просторни прилози у старосрпским повељама и писмима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2004. Бр. XLVII. Св. 1–2.
43. *Грицкат И.* У чему је значај и какве су специфичности славеносрпског периода у развоју српскохрватског језика // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1966. Бр. 9.
44. *Младеновић А.* Речник текстова славеносрпског периода и нека питања његове израде // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984.
45. *Кашин Ј.* Извори и грађа за речник славеносрпског језика // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984.
46. *Младеновић А.* Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989.
47. *Младеновић А.* Славеносрпске особине у језику Јована Стерије Поповића // Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989.
48. *Младеновић А.* Славеносрпске особине у језику Димитрија Исајловића // Славеносрпски језик. Нови Сад, 1989.
49. *Дабих Б.Л.* Русизми и славјанизми у лексички «Луче микрокозма» // Лексикографија и лексикологија. Нови Сад; Београд, 1984.
50. *Стијовић С.* Његошева лексика у односу на Вукову норму // Међународни састанак слависта у Вукове Дане. Београд, 1987. Бр. 17. Св. 1.
51. *Стијовић С.* Славенизми у Његошевим песничким делима. Сремски Карловци; Нови Сад, 1992.
52. *Албијанић А.* Неке језичке особине у «Житију» Герасима Зелића // Јужнословенски филолог. Београд, 1985. Књ. 41.
53. *Јерковић Ј.* Језик Јакова Игњатовића. Нови Сад, 1972.
54. *Јерковић Ј.* Језик Богобоја Атанацковића. Нови Сад, 1976.
55. *Јерковић Ј.* Језик писама Јована Јовановића Змаја // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1972. Бр. XV. Св. 2.
56. *Јерковић Ј.* Лексика писама Богобоја Атанацковића // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду. Нови Сад, 1974. Бр. XVII. Св. 1.
57. *Јерковић Ј.* О језику писама Јб. Ненадовића // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1978. Бр. XXI. Св. 2.

58. *Јерковић Ј.* Дијалектизми у Стеријиној прози // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1982. Бр. XXV. Св. 1.
59. *Ќуна Х.* Доситејев однос према лексичком фонду књижевног руско-славенског и народног српскохрватског језика // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1990. Бр. 19. Св. 2.
60. *Младеновић А.* Језик владике Данила. Нови Сад, 1973.
61. *Младеновић А.* О неким славенизмима у песмама Доситеја Обрадовића, Гаврила Ковачевића и Георгија Михалевића, посвећеним првом српском устанку // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2004. Бр. XLVII. Св. 1–2.
62. *Суботић Љ.* Партиципи у функцији термина у књижевном језику Јована Стерије Поповића // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1982. Бр. 11. Св. 1.
63. *Трофимкина О.* О страним речима језику С.М. Љубиши // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1984. Бр. 13. Св. 2.
64. *Тяпко Г.Г.* Доситејева апстрактна лексика из данашње перспективе // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1990. Бр. 19. Св. 2.
65. *Herrity P.* Језик у Стеријиним комедијама // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1982. Бр. 1. Св. 1.
66. *Гудков В.П.* О појави термина речник и његовој афирмацији у српској лексикографији // Наш језик. Београд, 1979. Бр. 24. Св. 1–2.
67. *Кашић Ј.* Лексика рускословенског порекла и лексички фонд српскохрватског језика (именице на -ије и њихови еквиваленти у српскохрватском језику). Књижевност и језик. Београд, 1972. Бр. XIX. Св. 2–3.
68. *Ивић П.* О Вуковом Српском рјечнику из 1818. године. Београд, 1966.
69. *Кашић Ј.* Фонолошки, морфолошки и семантички дублети у Вуковом Рјечнику // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.
70. *Кашић Ј.* Градске речи у Вуковом Рјечнику // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.
71. *Кашић Ј.* Војвођанска лексика у Вуковом Рјечнику // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.
72. *Кашић Ј.* Речи из Црне Горе у Вуковом Рјечнику и књижевном језику // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.
73. *Кашић Ј.* Лексика Вуковог Рјечника и савременог књижевног језика // Трагом Вукове речи. Нови Сад, 1987.
74. *Kruszec A.* Vukova trepa – kulinarska terminologija u prvom izdanju «Srpskog rječnika» Vuka Stefanovića Karadžića (1818) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 2004. Бр. XLVII. Св. 1–2.
75. *Ivić M.* О vukovoj leksici i povodom nje // О vukovom i vukovskom jeziku. Београд, 1997.
76. *Гудков В.П.* Бележки за еволуцијата на езика на Вук Караџић // В памет на професор Стојко Стојков (1912–1969): Езиковедски изследования. Софија, 1974.
77. *Кашић Ј.* Прилог познавању развојне лексике (на материјалу из прве половине XIX века) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1972. Бр. XV. Св. 1.
78. *Кашић Ј.* Стварање лексичке норме током прве половине XIX века // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1981. Бр. 10. Св. 1.
79. *Грицкат И.* Покушаји стварања српске научне терминологије средином прошлог века // Наш језик. Београд, 1964. Бр. XIV. Св. 2–3.
80. *Јовановић Г.* Правна терминологија у Карађорђевог законика // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 2010. Бр. 39. Св. 1.
81. *Keipert H.* Strane reči u jednom tekstu P. J. Šafarika kao problem prevođenja u «Srpskom letopisu» (1825) i «Danici horvatskoj, slavonskoj i dalmatinskoj» (1835) // Srpski jezik – studije srpske i slovenske. 2010. Vol. 15. Br. 1–2.
82. *Јерковић Ј.* Прилог проучавању терминологије у првој половини XIX века (Прокопије Болић, «Словар виноделца», 1818) // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1985. Бр. 14. Св. 3.
83. *Недельков Љ.* Пчеларска терминологија Аврама Максимовића (1810. година) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1994. Бр. XXXVII.
84. *Суботић Љ.* Јован Хаџић и граматичка терминологија Вуковске епохе // Научни састанак слависта у Вукове дане. Београд, 1984. Бр. 14.
85. *Невекловски Г.* Цивилизациона лексика у српском и хрватском језику у XIX в.: на примеру неких економских и банкарских термина // Јужнословенски филолог. Београд, 2008. Књ. 64.
86. *Ivić M.* О лексичком обелоданјивању појма 'zameniti /zamenjivati nekoga nekim' у srpskom jeziku našeg i vukovog vremena // О речима. Београд, 2005.
87. *Ivić M.* О одредби razgovetno i povodom nje // О речима. Београд, 2005.
88. *Ivić M.* О vukovom upravo // О речима. Београд, 2005.
89. *Ivić M.* I knjige su se nekada «odlikovale dobrotom» // Језик о нама. Београд, 2006.
90. *Ivić M.* Leksikologu u čast: o jednoj leksičkoj temi // Језик о нама. Београд, 2006.
91. *Ivić M.* Kad su «moleri» viđenim ljudima «molovali i preslikavali obrasz» // О речима. Београд, 2005.

© 2015 г. А.А. ЛЕОНТЬЕВА

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРОТОКОЛЫ КАДИЙСКОГО СУДА
XVII – НАЧАЛА XIX ВЕКА В БОЛГАРСКИХ ЗЕМЛЯХ

Протоколы кадийского суда о распределении наследств представляют много-сторонним историческим источником, содержащим ценные сведения о различных сторонах жизни османского общества, в том числе в балканских провинциях Османской империи. Статья посвящена рассмотрению структуры, особенностей наследственных протоколов как исторического источника, а также исследовательских возможностей, предоставляемых документами этого вида.

The minutes of the qadi court concerning the distribution of legacies are a versatile historical source, containing precious information about different aspects of the Ottoman society, including the Balkan provinces of the Empire. The article deals with the structure and typical features of the legacy minutes as a historical source and explores the possibilities of their study.

Ключевые слова: болгарские земли, Османская империя, документы кадийского суда.

В государственной системе Османской империи особое место занимал институт шариатских судов под председательством кадия. Эти правовые органы обладали необычно широкими полномочиями в сравнении с шариатскими судами других мусульманских государств¹. Обширный круг обязанностей – рассмотрение не только религиозных вопросов, но и уголовных и административных дел, урегулирование финансовых и имущественных споров, фиксирование сделок, решения по распределению наследуемого имущества, апеллирование как к мусульманскому, так и к светскому праву – все это делало шариатские суды основным органом османской администрации в провинциях, осуществляющим, таким образом, взаимодействие местного населения с властью.

Решения кадийского суда записывались в сиджиллы² – протокольные книги, регистры входящих и исходящих документов, в которых фиксировались распоряжения, поступающие от вышестоящих властей и все действия, предпринимаемые кадием³. Язык османских документов – османский – письменный литературный турецкий язык XVII–XVIII вв., характерной особенностью которого является

Леонтьева Анна Андреевна – аспирантка МГУ, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Изучению полномочий шариатских судов в Османской империи посвящен ряд работ болгарской исследовательницы Р. Градевой. [1. С. 98–119; 2. Р. 67–106].

² Сиджилл (осм. سجل, лат. Sigillium, – от греч. στυλλων – грамота, печать). В османский турецкий язык слово пришло из арабского через персидский. Встречаются также варианты названия siclat defteri, kadi defter, siclat-i şer'iyе, и др.

³ Подробнее о сиджиллах см.: [3. С. 3–32; 4. Р. 55; 5. С. 13–65].

большое число заимствований из персидского и арабского языков с использованием арабской графики.

В османском государстве вероисповедание человека являлось более значимым, чем его этническая принадлежность, что отразилось и в традициях делопроизводства. Это – одна из характерных черт османских правовых документов, которую необходимо учитывать при рассмотрении их в качестве исторического источника: национальную принадлежность фигурирующих в актах людей в большинстве случаев можно определить лишь по специфике личных имен. Чаще всего участники процесса фигурируют как мусульмане и не-мусульмане, нередко указывается степени относится к кадийским регистрам балканских провинций, население которых – христиане. Иногда в документах отдельно указывается национальность цыган, армян, греков и албанцев, также фиксируется принадлежность человека к еврейской общине (что одновременно указывает и на его вероисповедание). Наряду с именем участника процесса и именем его отца в большинстве случаев фигурирует название городского квартала (махалы), в котором проживает человек.

Один из массовых видов документов, зафиксированных в сиджиллах – протоколы распределения наследств. Они включают широкий спектр многоплановой информации, что делает документы этого вида ценным источником по истории османского общества и этноконфессиональных процессов в балканских провинциях империи, в частности, в болгарских землях.

Структура этих документов четко регламентирована. В преамбуле протокола указывается имя покойного (иногда упоминается род его занятий), место проживания, перечисляются наследники. Завершает вступление обязательная фраза, гласящая, что «имущество было описано и оценено по желанию и по обоюдному согласию перечисленных наследников в соответствии с нормами шариата, а нижеизложенное является описью имущества». Иногда указывается, кто именно из наследников стал инициатором рассмотрения данного вопроса, что дает возможность проанализировать, в частности, вероятные мотивы обращения немусульман в кадийский суд.

Основная часть документа представляет собой подробную опись наследуемого движимого и недвижимого имущества с оценкой каждого предмета. Как правило, этот перечень начинается с описания дома, далее в протоколе досконально фиксируются предметы быта, мебель, одежда покойного. В качестве иллюстрации детальности имущественных описей можно привести протокол о распределении наследства христианки Магды (1756), в котором наравне с домом (4800 акче), 15 овцами, общей стоимостью 1800 акче, коровой с теленком (720 акче) упомянуты также такие вещи, как косынка (15 акче), пара чулок (15 акче) [6. S312/9. Л. 8б. Док. III]. В описи имущества умершей христианки Велы (1772) упоминаются шесть старых подушек разной стоимостью от 12 до 60 акче, несколько старых сорочек, самая дешевая из которых оценена в 18 акче, в один пункт общей стоимостью в 27 акче объединены «старые чулки, 2 пары и ноговицы⁴, 1 пара» [6. S26. Л. 103. Док. II]. Столь детальное описание имущества и его денежная оценка дают возможность проследить развитие материальной культуры населения, что делает описи наследств ценным источником в том числе для этнологических изысканий. Анализ состава имущества, в частности, деталей костюма, предметов интерьера, домашней утвари позволяет исследовать бытовую культуру населения, в частности, взаимопроникновение мусульманских и христианских элементов.

В случае, когда покойный был ремесленником или торговцем, в опись имущества включаются также предметы его труда и товары. Крайне редко они отделяются заголовком в отдельный список внутри описи имущества, в большинстве случаев

---

⁴ Ноговицы – мягкие суконные или вязаные сапоги-чулки, надеваемые под обувь и закрепляемые под коленом. [7. С. 415].

опись представляет собой цельный перечень вещей покойного. Нередко именно ее состав – упоминание специальных ремесленных инструментов, большое количество предметов определенного рода, представленных в явно производственных или оптовых количествах – позволяет судить о роде занятий человека, в случае, если его профессия не была указана. В качестве примера можно привести протокол о распределении наследства православного священника Хранчо (1756) [6. S312/9. Л. 7а. Док. II], опись имущества которого говорит о том, что этот человек не столько или не только выполнял обязанности священнослужителя, но и занимался ремеслом – изготовлением головных уборов. В списке имущества покойного священника упомянуты: «Шапки зеленого сукна – 8 шт. по 90 акче – всего 720 акче; шапки красного сукна 5 шт. по 47 акче – всего 235 акче; пастушечьи шапки – 22 шт. по 40 акче – всего 880 акче», «шапки с оторочкой из меха выдры – 11 шт. по 105 акче – 1155 акче» [6. S312/9. Л. 7а. Док. II] и еще много головных уборов других видов, не только традиционных для христиан, но в частности келлепушей – небольших круглых шапочек, надеваемых под другие головные уборы, в том числе под чалму⁵ – «келлепуш светло-фиолетового сукна – 13 шт. по 24 акче – всего 312 акче; келлепуш красного сукна – 2 шт. – 54 акче; [...]абы⁶ – 10 комплектов – 400 акче». [6. S312/9. Л. 7а. Док. II]. Всего из 71 пункта описи имущества – 33 пункта представляют головные уборы различных видов, 18 пунктов – это материалы для ее изготовления – «аба для шапок 8⁷ по 18–144 акче; козы кожи – 6 шт. – 45 акче». [6. S312/9. Л. 7а. Док. II].

Точное указание стоимости предметов в описях наследуемого имущества позволяет проследить развитие денежной системы Османской империи, сравнение стоимости одинаковых предметов в различные периоды дает возможность проанализировать изменение цен и темпы инфляции.

Основной денежной единицей Османской империи являлась акче – серебряная монета, чеканка которой началась в правление Орхана (1324–1362). Постепенно теряя в весе, акче сохраняла свое значение до начала XVIII в. С 1685 г. началась чеканка пара (3 акче) – изначально египетских монет, появившихся в империи после завоевания Египта. Постепенно пара вытеснила акче, которая, тем не менее, продолжала оставаться мелкой монетой, использовавшейся при расчетах в казне.

Появление в Османской империи такой денежной единицы, как куруш (120 акче) связано с проникновением в османскую экономику испанских пиастров и голландских левендальдеров, когда денежная потребность государства покрывалась за их счет, а монетные дворы постепенно закрывались. В 1691 г. вновь открытые османские монетные дворы начали чеканку подобных европейским монетам курушей (120 акче) [9. С. 449–451]. В последней четверти XVIII в. в результате роста военных затрат и экономического кризиса государство прибегло к чеканке неполноценных монет, в связи с чем реальная их стоимость падала.

Процесс постепенного обесценивания денег, вытеснения более мелких акче другими монетами, пара и курушами, прослеживается и по наследственным описям. До начала 1790-х годов все расчеты при распределении наследств производились

---

⁵ Необходимо отметить, что через год после составления протокола о распределении наследства Хранчо, в 1757 г. в Константинополе был издан султанский указ, запрещающий немусульманам ношение некоторых видов одежды, использование для пошива одежды определенных цветов и меха некоторых животных – в том числе выдры. Во вступительной части фермана подчеркивалось, что законами шариата «внешний вид немусульман – евреев и христиан [...] должен демонстрировать их немощ и низость. Однако, хотя это и противоречит шариату и местным обычаям, некоторое время назад упомянутые люди стали переходить границы шариата и благоприличия, как по отношению к их стати, так и по отношению к одежде. Они стали носить, вопреки своему подчиненному положению, широкие одежды разноцветного сукна [...], предназначенные только для мусульман, а также носить меха белки и выдры». [8. С. 97–98].

⁶ Аба – грубая шерстяная ткань.

⁷ Мера длины ткани в данном случае не указана.

исключительно в акче. К последнему десятилетию XVIII в. относятся протоколы, оценка имущества в которых производится в пара и курушах, однако после суммирования общей стоимости наследства, она переводилась в акче, дальнейшее распределение между кредиторами и наследниками в протоколах этого времени также производится в акче [6. S174. Л. 30. Док. I–II; S23. Л. 192. Док. I; S1/bis. Л. 140. Док. II]. Также встречаются протоколы, относящиеся к периоду 1790-х годов, в которых все расчеты, в том числе итоговое распределение наследственных долей, по-прежнему произведены в акче, что, возможно, объясняется небольшой общей стоимостью рассматриваемых в них наследств [6. S174. Л.28. Док. I]. В 1800-е годы осуществляется окончательный переход от акче к пара и курушам. Рост цен в балканских провинциях Османской империи в XVIII – начале XIX в. можно проследить на примере стоимости домашнего скота⁸: так, в 1739 г. корова кузнеца Дервиша Али была оценена в 750 акче [6. S312/5. Л. 76. Док. I], в 1756 г. корова с теленком, принадлежавшая христианке Магде, была оценены в 720 акче [6. S312/9. Л. 86. Док. III], в 1779 г. корова христианина Млачо стоила 840 акче [6. S173. Л. 10, док. II], через 35 лет, в 1814 г. две коровы и теленок кузнеца Ессеида Халила были оценены 70 курушей – 8400 акче [6. S32. Л. 115. Док. I], т.е. даже если предположить, что стоимость коровы равна стоимости теленка в данном случае, то стоимость каждого животного составляет 2800 акче, что в разы превышает их стоимость в XVIII в.

Завершает опись имущества перечень долгов умершему, если они имелись. Нередко они позволяют сделать дополнительные выводы о роде занятий покойного, его профессиональных связях. Например, в уже упомянутой выше описи имущества священника Хранчо фигурирует «долг сарыджа⁹ Николы за совместные товары – 4800 акче» [6. S312/9. Л. 7а. Док. II], что указывает на то, что Хранчо вел дела совместно с компаньоном. Указанные долги суммируются со стоимостью остального имущества, и в заключение этого раздела протокола приводится общая стоимость имущества умершего.

Далее в документах следует пункт «обязательные вычеты», в который входит ряд формальных выплат и пошлин – задолженности по налогам, плата за оформление протокола, опись и регистрацию, расходы на погребение – вычитающиеся из общей стоимости описанного выше имущества. Среди «обязательных вычетов» возможен пункт «за обслуживание» – в одном из дел, например, среди прочих сборов и отчислений была зафиксирована плата за кофе, цена которого была абсолютно незначительна по сравнению с остальными выплатами [6. S312/3. Л. 20а. Док. I]. Кроме этого в числе «обязательных вычетов» фиксируются выплаты по завещанию. Отмечу, что упоминания завещаний в источнике достаточно редки. Правила их составления четко оговорены в мусульманском праве: так, в частности, распоряжения по духовному завещанию не могут превосходить трети всего оставшегося имущества, не разрешается завещать что-либо в какой-либо форме в пользу наследника [10. С. 192–193].

Значительную часть пункта протокола об обязательных вычетах нередко составляют выплаты долгов умершего. В частности, в протоколах о наследстве мужчин-мусульман в качестве обязательных отчислений всегда присутствует «долг упомянутой супруге – сумма, оговоренная при бракосочетании»¹⁰. В протоколах

⁸ Скот упоминается в описях имущества не часто. Выбор его в качестве примера для рассмотрения роста цен объясняется тем, что его стоимость (по сравнению со стоимостью недвижимости и предметов быта) в меньшей степени зависела от его качества.

⁹ Тур. *sağsa*, осм. *صارچی* – 1. Группы разбойников, сложившиеся из бывших крестьян, покинувших деревни в результате ряда социальных кризисов. 2. Военный, башибозук при губернаторе.

¹⁰ Речь идет о мехре (тур. *mehr*, осм. *محر*) – обязательный дар, который по законам шариата должен был выплатить супруг при бракосочетании. Одна его часть – мехр-и муаджелл (тур. *mehr-i muassel*, осм. *محر موصول*) выплачивалась непосредственно при заключении брака, вторая часть – мехр-и мюеджелл (тур. *mehr-i müessel*, осм. *محر مؤجل*) откладывалась и передавалась женщине в случае развода или вдовства [11. С. 484].

о наследстве женщин-мусульманок эта сумма относится к перечню имущества покойной.

Помимо этого, в списке обязательных вычетов покойного могут фигурировать долги, связанные с его профессиональной деятельностью – задолженности по поставкам, арендной плате, долги компаньонам и ростовщикам. В списке кредиторов могут также упоминаться члены семьи умершего. Например, в протоколе 1813 г. о наследстве трактирщика Коце, все наследство которого было распределено между кредиторами, среди долгов покойного упомянут долг его теще, взятый под проценты, и долг супруге [6. S32. Л. 103. Док. II]. В случаях, когда «сумма долгов умершего превышает стоимость наследства», пункт «обязательные вычеты» является завершающим, все наследство распределяется между кредиторами, при этом указывается сумма, которую должен умерший, и сумма, полученная кредитором в ходе распределения наследства.

Анализ состава списка кредиторов позволяет проследить профессиональные связи покойного, взаимодействие представителей разных конфессий в профессиональной и финансовой сферах. Помимо супруги и тещи, в списке кредиторов умершего трактирщика фигурируют еще 29 человек. Среди них его компаньон Стойко, ряд поставщиков продуктов – вина, ракии и мяса, также упомянут долг за аренду повозки, долг столяру за сделанный прилавок, а также несколько займов, взятых под расписку, часть из которых – под проценты [6. S32. Л. 103. Док. II]. Необходимо отметить, что среди кредиторов в данном протоколе отсутствуют мусульмане и евреи, профессиональное окружение трактирщика Коце представляется по данным протокола о наследстве замкнутым в этноконфессиональном плане. Иная ситуация складывается при рассмотрении списка кредиторов уже упоминавшегося священника Хранчо, занимавшегося изготовлением головных уборов. Его долги также превысили общую стоимость его имущества, и наследство было распределено между кредиторами. Список людей, которым был должен Хранчо, включает десять человек: среди долгов упомянуто четыре займа у евреев-ростовщиков, несколько мусульман, которым покойный был должен «стоимость товара» – профессия указана лишь у одного из них, у суконщика Исраила, видимо речь идет о поставке сырья, также после смерти Хранчо были выплачены арендная плата за лавку христианину Христо и жалование подмастерью Стояну [6. S321/9. Л. 7а. Док. II].

Завершает пункт об обязательных вычетах их суммирование, после чего проводится окончательная, оставшаяся после отчислений, стоимость имущества, подлежащего распределению между наследниками. Заключительным пунктом протокола является собственно указание долей наследства, причитающихся родственниками умершего.

В целом протоколы распределения наследства, содержащиеся в кадийских регистрах, являются ценным и многогранным историческим источником, представляющим широкий спектр сведений о различных сторонах жизни населения балканских провинций Османской империи. В силу разнообразия предоставляемого ими материала они могут быть использованы в качестве источника для исследования повседневной жизни горожан – их бытовой культуры, профессионального взаимодействия, социального положения представителей различных профессий и этноконфессиональных групп, развития и изменения денежной системы османского государства, а также процессов этноконфессиональной интеграции в регионе, взаимодействия представителей разных этноконфессиональных групп в различных сферах повседневной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Градева Р. За правните компетенции на кадийския съд през XVII век // Исторически преглед. 1993. № 2.

2. *Gradeva R.* On kadis of Sofia, 16th–17th centuries // *Rumeli under the Ottomans, 15th–18th centuries: institutions and communities.* Istanbul, 2004.
3. *Иванова Св.* Историята и съвременното състояние на колекция сиджили в ориенталския отдел на НБКМ // *Известия на Държавните архиви.* София, 1994. Т. 74.
4. *Faroqhi S.* *Approaching Ottoman history: An introduction to the Sources.* Cambridge, 1999
5. *Велков А.* Колекцията на «Сиджили» от Национална библиотека в София като исторически извор // *Из практиката на османската канцелария. Сборник материали от международната конференция «Османските регистри – извор за история на Балканите»* София, 23 октомври 2009. София, 2011.
6. Национална библиотека им. Св.св. Кирила и Мефодия, Ориентален отдел.
7. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М. 1986. Вып. 11.
8. *Положението на българския народ под турско робство. Документи и материали.* София, 1953.
9. *История османского государства, общества и цивилизации.* М. 2006. Т. 1.
10. *Нофаль И.* *Курс мусульманского права, читанный в 1884–85 гг. в учебном отделении восточных языков при азиатском департаменте.* СПб., 1886. Вып. 1. О собственности.
11. *Тодорова О.* *Жените от Централните Балкани през османската епоха (XVI–XVII век).* София, 2004.

© 2015 г. Т. С. МИЛОВАНОВА

ТВОРЧЕСТВО ЛЕРМОНТОВА В ВОСПРИЯТИИ КОНСТАНТИНА И ИВАНА АКСАКОВЫХ

Предметом рассмотрения статьи является восприятие творчества М.Ю. Лермонтова двумя представителями славянофильства – Константином и Иваном Аксаковыми. Воспринимая Лермонтова через призму славянофильских идей, братья склонны были считать его поэтом отрицания, холодного эгоизма, хотя и отмечали художественные достоинства его поэзии.

The article deals with how the work of Mikhail Lermontov was perceived by the prominent representatives of Slavophilism Konstantin and Ivan Aksakov. They were viewing the poet through the prism of Slavophil ideas, and were tending to treat him as a poet of nihilism and cold egoism, even if they were paying tribute to the merits of Lermontov's poesy.

Ключевые слова: русская классическая литература, поэзия, Лермонтов, славянофилы, этические и эстетические идеалы.

Рассматривая М.Ю. Лермонтова как человека, принадлежащего к определенной эпохе – 1830–1840-х годов, нельзя не учитывать его жизненных и творческих связей с выдающимися людьми той поры. В современном лермонтоведении большой интерес вызывает изучение взаимосвязей поэта с русскими мыслителями-славянофилами: А.С. Хомяковым, Ю.Ф. Самариним, а также с семьей Аксаковых. Вопрос об отношении Лермонтова к идеям славянофильства – это лишь одна сторона проблемы. Не меньший интерес представляет и изучение того, как славянофилы воспринимали Лермонтова. В данной статье предметом рассмотрения станет восприятие Лермонтова только двумя представителями славянофильства – братьями Константином и Иваном Аксаковыми.

Старший из них, Константин, был лично знаком с Лермонтовым, по-видимому, через Ю.Ф. Самарина. Все трое были гостями на именинном обеде в честь Н.В. Гоголя (9 мая 1840 г.). Известно, что на этом обеде Лермонтов читал собравшимся отрывок из поэмы «Мцыри» (об этом эпизоде говорится в воспоминаниях С.Т. Аксакова), однако Константин Аксаков «не слышал чтения, потому что в это время находился в другом конце обширного сада с кем-то из своих приятелей» [1. С. 38].

По мнению А.И. Журавлевой, отдельные стихотворения К.С. Аксакова до 1842 г. в какой-то степени близки по своей проблематике лермонтовским. Ср., например, стихотворения «Зачем я не могу среди народных волн...» К.С. Аксакова и «Поэт» Лермонтова. В обоих поэт предстает как народный вождь, который пробуждает в слушателях жажду подвигов и великих свершений. Отчасти совпадает

Милованова Татьяна Сергеевна – канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

даже лексика: Константин Аксаков пишет о «всемогущем слове» поэта, у Лермонтова же звук «могучих слов» «воспламенял бойца для битвы» [2. Т. II. С. 119].

Однако сам Аксаков видел в лермонтовском творчестве идеи, противоположные его собственным. «Бескомпромиссный приверженец» славянофильского учения, он «обладал способностью в любом, в том числе бытовом, проявлении жизни быть верным своим убеждениям, подчас до крайности» [3. С. 16]. Последовательно проводя свои принципы в исторических, критических, литературоведческих статьях, в художественном творчестве он находил, что поэзия Лермонтова не всегда согласуется с этими принципами. Тем не менее, отрицать ее достоинства К.С. Аксаков тоже не мог. В рецензии 1845 г. на поэму И.С. Тургенева «Разговор» критик называет начинающего автора «неудачным подражателем» Лермонтова. Последнего Константин Аксаков оценивает как «необыкновенный талант», «замечательное», «сильное» явление в русской литературе, находит в его творчестве «столько дарования, столько красот поэтических», однако отрицает «с виду красивый и сильный, но в сущности жалкий, гнилой и бесплодный эгоизм» [4. С. 105], который, по его мнению, присущ лермонтовским героям. Это мнение о Лермонтове – признание эстетических достоинств его поэзии, но несогласие с выраженными в ней идеями – сохранится у Константина Аксакова и в дальнейшем.

В рецензии 1847 г. на сборник «Вчера и сегодня» (опубликована вместе с двумя другими критическими статьями под общим заглавием «Три критические статьи господина Имрек») критик высоко отзывается о стихотворении «Казбеку» («Спеша на север из далека...»): «В нем есть какая-то простота, какое-то называние вещей своими именами, что высоко изящно» [4. С. 124]. Он даже приводит те строчки, которые произвели на него наибольшее впечатление:

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь... [2. Т. II. С. 103]

К числу других стихотворений, которые отличает красота поэзии, К.С. Аксаков относит также «Из Гете». Вместе с тем четыре последние строфы стихотворения «Казбеку» критик находит не такими хорошими, как предыдущие, возможно, потому, что считает чрезмерно романтическими или даже «эгоистическими» сомнения и тревоги лирического «я»:

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! – душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет? [...]

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей. [2. Т. II. С. 103–104]

Желание путника погибнуть в ущелье, если его опасения сбудутся, могло показаться Константину Аксакову (с его этическим максимализмом) недостойной слабостью, неумением смириться с судьбой и нести свой крест.

В цикле статей «Письма о современной литературе» (1851–1852) К.С. Аксаков высказал о Лермонтове мнение, которое потом дословно повторил в «Обзрении современной литературы» (1857): Лермонтов стоял на рубеже двух периодов русской литературы – «подражательного» и самобытного. В его

творчестве уже начинают появляться столь характерные для русских писателей напряженные размышления, однако поэт не довел их до конца: он «нашел убежище в странном самодовольстве, самодовольстве сухого и холодного эгоизма» [4. С. 329].

Насколько справедлива подобная точка зрения на Лермонтова? Константин Аксаков, «передовой боец славянофильства» (по определению С.А. Венгерова) был максималистом в своих убеждениях. Н.О. Лосский в «Истории русской философии» пишет, что «К. Аксаков идеализировал русскую историю сверх всякой меры» [5. С. 51]. В Лермонтове же он видел проявление чуждого русским устоям, западного, индивидуалистического духа. Критик отождествлял поэта с Печоринным – и так, к сожалению, делал не он один, подобную точку зрения можно встретить и в других отзывах о Лермонтове. В действительности же отношения между автором и героем гораздо сложнее, и Печорин, хотя и в чем-то близок Лермонтову, все же не его alter ego.

Младший брат Константина Аксакова, Иван, не был лично знаком с Лермонтовым, однако интересовался личностью и творчеством поэта. В 1845 г. Иван Аксаков, находясь в Калуге, сообщил родным, что ему удалось найти «очень замечательное» письмо Лермонтова, написанное сразу после переезда из Москвы в Петербург и адресованное С.А. Бахметевой. Софья Александровна воспитывалась в доме Е.А. Арсеньевой, бабушки Лермонтова и была очень дружна с юным поэтом.

Письмо Лермонтова, обнаруженное Иваном Аксаковым, было написано в трудный период жизни поэта: он вынужден был оставить Московский университет, оставить Москву и своих московских друзей и уехать в Петербург. Там Лермонтову пришлось испытать серьезные разочарования: его не приняли в Петербургский университет, и, поступая в Школу гвардейских подпрапорщиков, он думал, что ставит крест на своей литературной деятельности. Обо всем этом он не пишет Бахметевой, но общий пессимистический тон письма свидетельствует о том, в каком настроении пребывал тогда Лермонтов: «[...] я ищу впечатлений, каких-нибудь впечатлений!.. Преглупое состояние человека то, когда он принужден занимать себя, чтоб жить, как занимали некогда придворные старых королей; быть своим шутом! [...] как после этого не презирать себя; не потерять доверенность, которую имел к душе своей [...] Одна вещь меня беспокоит: я почти совсем лишился сна – Бог знает, надолго ли; – не скажу, чтоб от горести; были у меня и больше горести, а я спал крепко и хорошо; – нет, я не знаю: тайное сознание, что я кончу жизнь ничтожным человеком, меня мучит» [2. Т. VI. С. 410–411].

Аксаков, с его резким неприятием светского общества, особенно петербургского, главную причину «хандры» Лермонтова видел не столько в постигших поэта разочарованиях, сколько в самом его переезде в холодный, «бесчеловечный» Петербург. Более того, он считал, что жизнь в столице не пошла Лермонтову на пользу: если сразу по приезде он еще был способен замечать мертвящую фальшь петербургского общества, то впоследствии он эту способность утратил. «Другой он был тогда (до переезда в Петербург. – *Т.М.*), т.е. гораздо лучше. Как его испортил, отщеславил, искажил большой свет!» [6. С. 233], – пишет Иван Аксаков. Подобные замечания согласуются с другими его высказываниями о Петербурге и светском обществе. Вот характеристика, которую он в другом своем письме дает российской столице: «Вы не поверите, какое тягостное впечатление производит на меня Петербург. Это оскорбительное великолепие, эти громады, воздвигнутые какою-то страшною, наглою силой, это отсутствие всякой религиозной физиономии, эта страшно развитая удобственность чисто материальных благ, – все это давит, болезненно давит душу. Но что могло бы привести в отчаяние при некрепкой вере в судьбу России, это именно слышимое и чувствуемое присутствие какой-то страшной силы во всем развратном быте Петербурга» [6. С. 396]. Из письма

Лермонтова Иван Аксаков делает вывод, что поэт и сам тяготится своим приездом в столицу: «хандрит, скучает». В такой трактовке мировоззрение Лермонтова приближается к славянофильскому, хотя сам Лермонтов был не столь прямолинеен в критике светского общества, как славянофилы. Видя пороки света, он не мог не видеть и его «обольщений» и признавался в том, что в них есть нечто притягательное для него:

Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил... [2. Т. I. С. 177]

Однако для И.С. Аксакова было неприемлемо, что человек, который «хандрит, скучает» в свете, может одновременно и искать в нем признания. В письме родным от 5 февраля 1844 г. он выражает свое недовольство тем, что его брат Константин, «свалив с плеч диссертацию, выезжает в общество беспрестанно» [6. С. 28]. Он объясняет свою реакцию на поведение брата так: «Мне жалко, мне грустно, мне досадно видеть человека, как он, унижающегося до светской толпы, страшной своею пустою; мало того, не нечувствительного к ее бессмысленным похвалам, часто некстати, невпопад высказываемым! Человека, добровольно профанирующего высокие мысли и подбирающего чутко будто бы лестные слова тупоумных женщин и близоруких светских судей!» [6. С. 28–29]. Естественно, что при таких взглядах И.С. Аксаков не мог не осуждать Лермонтова, который, по его мнению, до приезда в Петербург был «гораздо лучше», но впоследствии не устоял перед соблазнами светского общества.

Другая попытка постичь личность Лермонтова предпринимается Иваном Аксаковым позже, в 1873–1884 гг., в труде «Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк», где он сравнивает личность и творчество двух великих поэтов и делает выводы об их внутреннем облике. По мнению И.С. Аксакова, поэзия Лермонтова отличается «отрицательным характером содержания» [7. С. 81], однако сила поэтического таланта помогла Лермонтову избежать тенденциозности: он не сделал отрицание самоцелью, отодвинув другие настроения и чувства на задний план. Не умаляя значения Лермонтова для русской литературы, сам Иван Аксаков тем не менее предпочитает его поэзии тютчевскую. «Поэзия Лермонтова – это тоска души, болеющей от неспособности к очарованию, от своей собственной пустоты вследствие безверия и отсутствия идеалов» [7. С. 113], тогда как «тоска у Тютчева происходила именно от присутствия этих идеалов в его душе – при разладе с ними всей окружающей его действительности и при собственной личной немощи возвыситься до гармонического примирения воли с мыслью и до освещения разума верой: его ирония вызывается сознанием собственного и вообще человеческого бессилия, – несостоятельности горделивых попыток человеческого разума...» [7. С. 113].

Однако все, что было сказано Иваном Аксаковым о Тютчеве, можно отнести и к Лермонтову. Игумен Нестор (Кумыш) в работе «Тайна Лермонтова» утверждает, что стремление к идеалу и тоска от «нереализованности идеальных устремлений» присутствовали в душе Лермонтова с самых ранних лет: «Довольно рано он познал ту горечь разлада, которая рождается в человеке от несоответствия запроса души с повсеместной скудостью жизни, обрекающей личность на жалкое прозябание» [8. С. 9]. «Томление неполнотой земного существования» [8. С. 14] исследователь видит в стихотворении «Ангел»:

И долго на свете *томила*сь она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли (курсив мой. – Т.М.). [2. Т. I. С. 230]

Почему же И.С. Аксаков видел в творчестве Лермонтова лишь отрицание? Возможно, это объясняется тем, что он, будучи на девять лет моложе Лермонтова, принадлежал уже к другому поколению. Лермонтовское поколение, людей 30–40-х годов XIX в., Д.Н. Овсяннико-Куликовский в своей «Истории русской интеллигенции» охарактеризовал как поколение «мыслителей», критически относящихся к действительности, эгоцентриков, болезненно сосредоточенных на анализе малейших движений собственной души. Оно переживало «болезнь умственного и нравственного роста» [9. С. 39]. Поколение же, к которому принадлежал Иван Аксаков, уже не удовлетворялось одной лишь критикой и одним лишь самоанализом, а начинало искать позитивные ценности жизни и реализовывать себя в практической деятельности.

Там, где Лермонтов страстно, искренне, с «горечью и злостью» указывал на недостатки («Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить – это уж Бог знает!» [2. Т. VI. С. 203]), Иван Аксаков шел дальше и стремился найти выход. Он требовал не просто деятельности, но деятельности, способной преобразовать как отдельного человека, так и общество в целом. В нем обнаруживаются «черты человека нового поколения, отвергающего прекраснотушныи мечтания и красивые фразы романтиков 30-х годов, стремящегося к деятельности, к практическому осуществлению полезных для России социальных программ и стремление перейти от слов к делам» [10. С. 9]. Об этом стремлении он писал родным: «Как будто в наше время можно быть дураком! [...] Что же остается нам, получившим в удел на пятак таланта? [...] Право, я думаю позабыть об этом пятаке, надеть русское платье и хоть на что-нибудь в мире быть годным» [6. С. 233].

Необходимо также учитывать и жизненные обстоятельства самого Аксакова, его характер. «Закончив училище правоведения, Аксаков служил в уголовной палате, ревизовал губернские учреждения, каждый раз предлагая усовершенствования тех официальных структур, с которыми его сводила судьба» [3. С. 218]. Поэтому естественно, что он был нацелен в первую очередь на практическую деятельность, на изучение реальной жизни (этому немало способствовали и его поездки по разным уголкам России: в Астрахань, в Калугу, в Ярославль). «И. Аксаков преображает печоринское отрицание в созидание, в стремление к совершенствованию личности, что было доступно только душе, вполне готовой выстроить себя» [3. С. 225].

К преодолению этого «печоринского отрицания», к устранению внутреннего разлада стремился и сам Лермонтов. П.А. Висковский, биограф поэта, пишет: «3 годами этот разлад должен был исчезнуть совсем; он уже начал исчезать, но гармония сил пока еще не установилась» [11. С. 399].

Таким образом, Лермонтов был ближе к братьям Аксаковым по своему мировоззрению, чем казалось им самим, однако же не до такой степени, чтобы его можно было назвать славянофилом. Хотя и Константин, и Иван Аксаковы видели в лермонтовской поэзии в первую очередь отрицание, в действительности все было гораздо сложнее. Сопоставление их высказываний о Лермонтове с тем, как воспринимается творчество великого поэта сейчас, на современном уровне литературоведения, позволяет не только выявить сходства и различия в мировоззрении Лермонтова и представителей славянофильства, но и понять, как Лермонтов вписывался в общекультурный контекст своего времени, как его воспринимали и современники, и следующее за ними поколение, ответы на какие вопросы они искали в его творчестве. Изучение суждений о Лермонтове, его восприятия в XIX в. не только позволяет проследить, как менялось общественное мнение, но и дает возможность увидеть поэта в контексте движущейся литературной жизни, а такой взгляд помогает дополнить оценку места и значения Лермонтова в русской литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аксаков С.Т.* История моего знакомства с Гоголем // *Аксаков С.Т.* Собрание сочинений. В 3-х т. М., 1986. Т. 3.
2. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения. В 6 т. М.;Л., 1954–1957.
3. *Анненкова Е.И.* Аксаковы. СПб., 1998. (Серия «Предания русского семейства»).
4. *Аксаков К.С.* Эстетика и литературная критика. М., 1995.
5. *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 2011.
6. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988.
7. *Аксаков И.С.* Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1997.
8. *Игумен Нестор (Кумыш).* Тайна Лермонтова. СПб., 2011.
9. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции // *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Собр. соч. СПб., 1910. Т. VII.
10. *Касаткина В.Н.* И.С. Аксаков – биограф Ф.И. Тютчева // *Иван Сергеевич Аксаков и его «Биография Федора Ивановича Тютчева».* Комментарий. М., 1997.
11. *Висковатый П.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов: Биография. М., 2004.

© 2015 г. Т.А. ПОКИВАЙЛОВА

ЗАГАДКА ГИБЕЛИ КОМАНДУЮЩЕГО 4-Й РУМЫНСКОЙ АРМИИ ГЕНЕРАЛА Г. АВРАМЕСКУ

Статья посвящена трагической гибели генерала Г. Аврамеску, командующего 4-й румынской армией, сражавшейся после Яско-Кишиневской битвы в составе 2-го Украинского фронта. Существуют различные версии его смерти. В статье предпринята попытка аргументировать одну из них.

The article is devoted to the tragic death of General Gheorghe Avramescu, the Commander of the 4th Romanian Army, which, after the Jassy-Kishenev Operation, was fighting within the 2nd Ukrainian Front. There are different versions of what caused his death. The article argues in favour of one of them.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, румынская армия, генерал Г. Аврамеску.

В ночь со 2 на 3 марта 1945 г. по дороге в штаб 2-го Украинского фронта из г. Лученец (Словакия) в г. Яскишер (Венгрия) в шести километрах восточнее г. Ястребень (Венгрия) во время налета немецкой авиации погиб румынский генерал Г. Аврамеску, командующий 4-ой Румынской армией, сражавшейся совместно с советскими войсками на территории Румынии, Венгрии и Чехословакии.

Некоторые сведения из биографии генерала Аврамеску. Родился 26 января 1884 г. в г. Ботошань (Румыния). После нападения Германии на СССР, когда Румыния вступила в войну против СССР на стороне гитлеровской Германии, находился на восточном фронте и участвовал в антисоветской войне. Командовал армейским корпусом горных стрелков в Крыму. Его младшая дочь Феличия в декабре 1942 г. вышла замуж за адъютанта генерала Аврамеску Влада Илие Стурдзу. 20 марта 1944 г. у них родился сын Палтин.

Зять Аврамеску был сыном известного румынского дипломата Михая Стурдзы, тесно связанного с румынскими фашистами (легионерами) и возглавлявшего Министерство иностранных дел в легионерском правительстве И. Антонеску (сентябрь 1940 г. – январь 1941 г.). После разгрома мятежа в январе 1941 г. Михай Стурдза бежал в Германию. Влад Илие Стурдза был также легионером и возглавлял фашистскую организацию легионеров в уезде Брэила. После перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции Михай Стурдза участвовал в формировании в Германии легионерского правительства во главе с руководителем фашистской организации «Железная гвардия» Хорией Сима, в котором занимал

Покивайлова Татьяна Андреевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

пост министра иностранных дел. Впоследствии родственные связи генерала Аврамеску сыграли трагическую роль как в его личной судьбе, так и в судьбе его семьи [1–2].

22 августа 1944 г., за день до свержения диктатора И. Антонеску, генерал Аврамеску подал в отставку, а в сентябре 1944 г. уже был назначен командующим 4-ой Румынской армией в составе 2-го Украинского фронта Красной армии. Жена и младшая дочь генерала Феличия большую часть времени находились вместе с генералом на фронте. Периодически к генералу приезжала его старшая дочь Родика Бессарабеску вместе со своим мужем подполковником Паулем Бессарабеску, известные своими антигерманскими настроениями и прорусскими позициями.

Семью Аврамеску посещали также жена Михая Стурдзы Зоя (Зозо) Стурдза и ее мать Мария Маврокордат, которые надеялись бежать в Германию с помощью сына Зозо Илие Стурдзы, до октября 1944 г. остававшегося адъютантом генерала Аврамеску.

Но бежать в Германию удалось лишь самому Илие Стурдзе. Опасаясь того, что он, будучи легионером и сыном Михая Стурдзы, может быть арестован советским командованием, Илие Стурдза в октябре 1944 г. демобилизовался из армии, перешел линию фронта и скрылся в Германии. Своих надежд на возможность вывезти свою семью в Германию он не оставлял вплоть до гибели генерала Аврамеску и самоубийства своей жены Феличии в марте 1945 г. после ее ареста сотрудниками НКВД [3. Р. 45; 1. Р. 29–30].

С этой целью он направил в дом генерала двух своих приятелей – легионеров Костика и Марина, которые должны были организовать побег семьи Аврамеску. Когда жена Аврамеску Адела сообщила мужу о планах «приятелей зятя», он, по ее словам, «не захотел об этом ничего даже слушать», но в то же время и не сообщил в штаб фронта о присутствии в своем доме двух легионеров, вероятно, опасаясь репрессий против своей семьи со стороны НКВД [1. Р. 19]. Однако, возможно, кто-то донес на генерала Аврамеску, по некоторым данным это был генерал Н. Драгомир [4. Р. 185].

Компромат на генерала Аврамеску был получен также в ходе следствия по делу Андраша Шмидта, руководителя немецкой фольксгруппы в Румынии и сотрудника немецкой разведки. Случилось так, что в феврале 1945 г. самолет, на котором Шмидт пытался перелететь в Германию, был сбит над линией фронта советскими истребителями, а он сам и летевшие вместе с ним один из руководителей легионерского движения Стойкэнеску и летчик Маринеску были арестованы советскими спецслужбами. В телефонограмме в Москву на имя В.М. Молотова представитель СКК в Румынии А.П. Павлов сообщал: «Обстановка полной безнаказанности и свободы действий, предоставленная Радеску легионерам, привела к тому, что эта гитлеровская агентура использует румынские самолеты для переброски гитлеровских диверсантов через линию фронта. 9 февраля под Дебреценом нашими истребителями был сбит румынский самолет, на котором пытались улететь из Румынии два офицера, тесно связанные с немцами и подпольными легионерскими организациями [5. С. 103].

В ходе допросов в числе «организаторов заговора» против Красной армии они назвали фамилию генерала Аврамеску. Достоверность этих сведений может быть подвергнута сомнению, поскольку они были получены под нажимом следователей НКВД и в числе «заговорщиков» попал даже начальник румынского Генштаба генерал К. Санатеску, а также и другие видные военачальники румынской армии, сражавшейся против гитлеровской Германии на стороне Красной армии [6].

2 марта 1945 г. генерала Аврамеску вызывали к советскому командованию. Вместе с ним туда должен был прибыть также заместитель начальника штаба 4-ой Румынской армии генерал Н. Драгомир. Генерала Аврамеску посадили в машину

в сопровождении сотрудников СМЕРШа. В еще одной машине находился генерал Драгомир. По сути это означало их арест.

По пути следования, как уже указывалось выше, во время налета немецких самолетов и обстрела ими машин, в которых находились генералы и сопровождающие их лица, генерал Аврамеску погиб.

4 марта 1945 г. в городе Лученец были арестованы члены семьи генерала, его жена Адела и младшая дочь Филичия с 11 месячным сыном Палтиным, которые в тот момент находились вместе с генералом на фронте [1. Р. 39].

6 марта 1945 г. в камере заключения скончалась Филичия, покончив с собой, приняв цианистый калий. До сих пор остается загадкой, каким образом яд оказался у нее в камере: имела ли она его с собой или кто-то ей этот яд передал. Кто? И с какой целью?

Скорее всего кто-то из своих, кто хотел замести следы, ведь сотрудники НКВД были заинтересованы в выяснении связей мужа с легионерами. К тому же оставался без матери младенец, с которым не знали, что делать. Ребенка вынуждены были подобрать советские солдаты и ухаживали за ним, как могли. Палтин стал, таким образом, то ли «сыном полка», то ли «малолетним пленником» [3. Р. 45]. В конце-концов через несколько месяцев его передали на воспитание старшей дочери генерала Аврамеску Родике.

14 марта 1945 г. начались допросы Аделии Аврамеску. В настоящее время протоколы этих допросов, которые хранятся в архиве ФСБ и с которыми было дозволено ознакомиться Палтину Стурдзе, являются важным источником «по делу генерала Г. Аврамеску».

Первое время о гибели генерала ничего не было известно. Ни в Генеральный штаб Румынской армии, ни в правительство Румынии не поступало никаких сообщений и никаких комментариев по поводу его гибели. Как будто генерал бесследно исчез. И только 22 марта 1945 г. в секретном донесении Берии на имя И.В. Сталина сообщалось, что во время следования генерала Аврамеску в штаб 2-го Украинского фронта в результате налета вражеской авиации он был убит.

До настоящего времени существует две версии гибели генерала. По одной из них он, действительно, случайно погиб во время обстрела машины, на которой ехал. По другой версии, воспользовавшись налетом немецких самолетов, его убили сотрудники СМЕРШа, поскольку никто из военных, кроме генерала Аврамеску, не пострадал.

Остаются также не ясными причины ареста генерала Аврамеску. До политического кризиса в стране, связанного с отстранением румынского правительства Радеску и установления прокоммунистического правительства Петру Грозы генерал Аврамеску пользовался доверием советского командования. 12 января 1945 г. он получил благодарность лично от маршала Р.Я. Малиновского за активное участие в борьбе против гитлеровской Германии.

Но к марту 1945 г. ситуация изменилась. Советское командование, как следует из имеющихся в нашем распоряжении к настоящему времени документов, стало подозревать, что Аврамеску готовит «заговор генералов» с целью перехода румынской армии на сторону немцев, приуроченного к готовившемуся немецкому наступлению в Венгрии в районе озера Балатон. В современной исторической литературе даже появилось выражение «заговор 23 августа наоборот», т.е. подготовка перехода румынских частей на сторону немцев, в отличие от 23 августа 1944 г., когда в условиях разгрома немецких и румынских войск в ходе Яско-Кишиневской операции Красной армии в Румынии произошел государственный переворот, осуществленный румынским королем Михаем и его ближайшим окружением и Румыния перешла на сторону Советского Союза и его союзников по антигитлеровской коалиции [7. Р. 22].

По другой версии генерал Аврамеску пал жертвой политических интриг и дезинформации, которую обильно распространяли румынские легионеры во главе с Хорией Симой, обосновавшиеся в Вене и объявившие себя румынским правительством в изгнании. Они активно вели радиопередачи на Румынию и нелегально засылали туда своих агентов. Радиоперехваты советской контрразведкой передач фашистского радио «Донау» правительства Симы, транслирующиеся из Вены, где генерал Аврамеску изображался как руководитель «заговора» румынских генералов, сыграли свою негативную роль [7. Р. 22].

К сожалению, до сих пор остаются засекреченными документы, хранящиеся в военном архиве в г. Подольске (Подмосковье), в том числе и перехваченные советской контрразведкой шифротелеграммы, которые направлялись из Вены на конспиративную квартиру легионеров в Бухаресте, владелец которой к тому времени был завербован советскими спецслужбами. Они со своей стороны стали вести свою радиоигру. Возможно, эти документы могли бы пролить свет на «дело генерала Аврамеску».

Политическая ситуация в стране также могла негативно отразиться на судьбе генерала Аврамеску. В кризисные дни февраля – марта 1945 г. после отставки правительства генерала Радеску Аврамеску был предложен румынским королем Михаем и оппозиционными коммунистами силами в качестве одной из кандидатур на пост премьер-министра румынского правительства. 27 февраля 1945 г. советский представитель в СКК в Румынии В.Л. Богденко со ссылкой на румынские газеты в информации в Москву называет в качестве возможных преемников генерала Радеску, предложенных королем на пост премьер-министра, князя Штирбея, генерала Аврамеску и председателя румынской комиссии по выполнению условий перемирия Рэдулеску [8] в противовес лидеру крестьянской организации «Фронта земледельцев» Петру Грозе, поддерживаемому коммунистами. Более того, король Михай вызвал Аврамеску в Бухарест для консультаций. Возможно, это также сыграло трагическую роль в судьбе генерала. В условиях жесточайшей политической борьбы между противоборствующими политическими силами он мог стать весьма неуютной политической фигурой.

И все же, как считает Палтин Стурдза, который работал по выявлению документов, касающихся «дела генерала Аврамеску» в архивах Румынии, Германии, США, в архиве ФСБ в России, в заговорах против Красной армии его дед не участвовал [1. Р. 17, 19]. В условиях наступления Красной армии весной 1945 г., т.е. за два месяца до окончания войны и победы над гитлеровской Германией, переход на ее сторону был бы совершенно бессмысленным и невозможным.

Что же касается обстоятельства гибели генерала Аврамеску, то, на мой взгляд, имеются доказательства, которые свидетельствуют, скорее, в пользу случайности этого факта.

Во-первых, не стал бы Берия в донесении под грифом «совершенно секретно» дезинформировать Сталина об обстоятельствах гибели генерала [8].

Во-вторых, изучение схемы налета вражеской авиации, повреждений, зафиксированных на лобовом стекле машины, в которой находился генерал Аврамеску, траектории пуль, одна из которых попала в плечо генерала, а другая – в солнечное сплетение, но не в висок или в затылок говорят в пользу этой версии.

Палтин Стурдза полагает, что в любом случае генерал стал жертвой двух противоборствующих тоталитарных систем [1. Р. 39].

Как уже указывалось выше, остаются также не ясными обстоятельства смерти дочери генерала Аврамеску и матери Палтина Стурдзы Филичии. До сих пор не найдена ее могила. Внук генерала Аврамеску посетил кладбище в венгерской деревне Яскишер, где могла быть захоронена его мать. Ему помогли в поисках венгерские историки, в частности Йожа Антал. Но, к сожалению, каких-либо сведений о захоронении он не получил и могилу матери найти не удалось. Возможно,

она была похоронена в общей могиле. Сам генерал Аврамеску был захоронен на кладбище в Будапеште, а после 1989 г. его прах был перенесен в г. Арад (Трансильвания), который в 1944 г. он освобождал от немецко-венгерских войск.

Какой вывод можно сделать из всего вышесказанного.

Войны, особенно в XX в., полны трагедий, затронувших как целые народы и группы населения, так и судьбы отдельных людей. И до сих пор многие события и факты остаются до конца не выясненными. И только доступ к архивным материалам и рассекречивание документов, все еще находящихся под грифом «секретно», прежде всего из архива ФСБ и военных архивов, помогут историкам продвигаться в раскрытии причин и обстоятельств жизни и смерти таких личностей, как генерал Г. Аврамеску,

Данная статья написана в основном на материалах, опубликованных внуком генерала Г. Аврамеску Палтиным Стурдзой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sturdza P.* Conspiratori legionari și agenți sovietici împotriva generalului Avramescu // *Dosarele istoriei*. 2003. № 3.
2. *Moraru D.* Reflecții pe marginea cazului Avramescu. Convorbire cu prințul Paltin Sturdza // *Lumea magazin*. 1997. № 3.
3. *Sturdza P.* Reflecții pe marginea cazului Avramescu // *Lumea magazin*. 1997.
4. Sănătescu. Jurnal. București. 1993.
5. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401. Оп. 2. Л. 174–175.
7. *Klein G.* Începuturile rezistenței antisovietice în România (23 august 1944 – 6 martie 1945) // 6 martie 1945. Începuturile comunizării româiei. București, 1995.
8. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0125. Оп. 33. П. 129. Д. 22. Л. 29–30.

© 2015 г. А.Л. ШЕМЯКИН

РУССКИЕ ТЕМЫ МИРОСЛАВА ЙОВАНОВИЧА (1962–2014)

В статье, носящей историографический характер, рассматриваются работы видного сербского исследователя, профессора Мирослава Йовановича (1962–2014) по истории России (СССР) и югославно-советским (сербско-российским) отношениям.

The article, which has a historiographical character, treats the work of the prominent Serbian historian Professor Miroslav Jovanović (1962–2014) on the Russian and Soviet history as well as the Yugoslav-Soviet (Serbian-Russian) relations.

Ключевые слова: М. Йованович, российско-сербские (советско-югославские) отношения, сербы о России и русских.

Не успел еще по-настоящему начаться 2014 год, как из Белграда пришла скорбная весть – 8 января на 52-м году жизни скоропостижно скончался наш сербский коллега и давний друг, профессор Белградского университета, доктор исторических наук Мирослав Йованович. Он ушел от нас на самом взлете, в расцвете творческих сил, многого добившись¹ и немало сделав², чем дал основание ожидать от него еще большего. И мы с нетерпением ждали продолжения – в рамках общего сотрудничества и совместных планов.

Мирослав Йованович был одним из самых авторитетных в Сербии специалистов по истории России (СССР)³, югославно-советским и сербско-российским отношениям – на макро- и микроуровне (см., например, его последнюю обобщающую монографию [2] и более раннюю статью по совершенно конкретной теме [3. С. 555–569]), методологии их изучения [4. С. 64–85; 5. С. 12–28]; являлся крупнейшим исследователем феномена русской эмиграции на Балканах во всех его «измерениях» [6. С. 27–45; 7], в том числе – через призму встречи и знакомства двух родственных, но различающихся культур [8. С. 246–276]. Постоянное присутствие коллеги Йовановича в российском научном пространстве свидетельствовало о признании и, как следствие, о постоянной востребованности его штудий в России. Он неоднократно приглашался читать лекции на Исторический

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Он был приглашен на Кафедру всеобщей истории Философского факультета Белградского университета в 1989 г. и за четверть века прошел путь от ассистента до ординарного профессора (согласно русской университетской иерархии до 1917 г.). Кроме того, являлся создателем и директором Центров по изучению России и Балкан при Философском факультете БУ.

² За 22 года (с июня 1992 г., когда в провинциальной сербской газете вышла его первая публикация [1. С. 3–5]) из-под пера Мирослава Йовановича вышло 8 монографий и порядка 80 научных статей на разных языках; он также подготовил 10 сборников документов и статей.

³ На кафедре в Университете он преподавал студентам курс общественной (социальной) истории СССР и России.

факультет МГУ, в МГИМО(У) и РИСИ, поддерживал самые тесные связи с коллегами из Института славяноведения РАН (не раз участвуя в наших конференциях и печатаясь в наших трудах [8. С. 246–276; 4. С. 64–85]), входил в состав международной редколлегии известного периодического издания «Русский сборник», где не только лично отмечился рядом публикаций [9. С. 221–227; 10. С. 293–312; 11. С. 336–360], но и дал возможность своим ученикам вступить на русскоязычное научное поле [12. С. 313–334; 13. С. 170–197; 14. С. 96–153], что для некоторых из них оказалось настоящей «путевкой в жизнь» [15. С. 112–114; 16; 17. С. 712–729].

Мирослав Йованович был одним из наиболее желанных иностранных авторов исторического журнала «Родина» и ее заслуженным «ветераном», впервые переступившим порог редакции еще в середине 1990-х. И именно ему принадлежит знаменитая формула: «“Родина” – это не просто издание, это – институция», выведенная после выхода в 2001 г. большого тематического проекта «Славянский мир», коему с сербской стороны он немало и поспособствовал [18. С. 144–148]. Затем последовали специальные выпуски «Россия и Сербия» [19. С. 192–194] и «Россия и Черногория» [20. С. 84–88], ремейк «Славянского мира» [21. С. 86–88], «Дунайский» номер [22. С. 130–132]. Последняя его статья в «журнале-институции» появилась совсем недавно – в ноябре 2012 г. [23. С. 14–16].

Помимо всего прочего, ученый знакомил нашу научную общественность с реальным состоянием собственной страны, а равно – причинами его породившими [24], причем, что важно, в *рациональной* манере профессионала [25. С. 17–36; 26. С. 464–505], чего при описании современной Сербии в отечественной литературе часто явно не хватает...

Весь этот приобретенный опыт позволил ему во всеоружии (т.е. фактически и методологически прекрасно оснащенным) подойти к подготовке нового масштабного проекта: «Сербь о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина» [27], что наглядно проявилось уже в первых печатных апробациях его отдельных материалов (см. [28. С. 108–137; 29. С. 211–226]). Труд являет собой антологию (т.е. обширный – объемом 857 стр. – свод свидетельств сербских очевидцев о России и русских, охватывающий хронологически более двух с половиной столетий и обнимающий историческое пространство «от России до России»), и выполнен в рамках совместного российско-сербского начинания «Русские и сербы (сербь и русские): особенности взаимного восприятия», где в российской части формируется «зеркально отраженный» корпус. Первый том предложенной нами «обратной» серии «Русские о Сербии и сербах» опубликован еще в 2006 г. [30]. Сейчас на выходе второй. Уже осмыслены концепция и состав третьего. Серия охватывает период второй половины XIX – начала XX в. А по первой половине позапрошлого века активно работает наш коллега, профессор Нижегородского университета М.В. Белов.

Это «первоначальное накопление» нарратива имеет богатую перспективу: комплексное исследование «двусторонних» свидетельств очевидцев, – быть может, в форме коллективной монографии – позволит значительно уточнить наши представления об особенностях перцепции России и русских в сербском обществе (Сербии и сербов в русском) в ходе длительного исторического процесса; вскрыть ее «долгоиграющие» аспекты, не зависящие от смены эпох; показать в динамике ее эволюцию: как в моменты «совмещения» былых абстрактных представлений на расстоянии и впечатлений от конкретных встреч с русской (сербской) реальностью, так и в ходе массовых контактов русских с сербами, связанных, как правило, с «минутами роковыми» – Восточный кризис 1875–1878 гг., Русская революция 1917, освобождение Югославии в 1944 г. Все это поможет освободиться от многих стереотипов, шаблонных представлений и оценок, до сих пор бытующих

в массовом и научном сознании сербов и россиян... Вот только «освободиться» оно будет уже без Мирослава.

Параллельно с имагологическими занятиями, он обратился к давно и, казалось бы, безнадежно «зависшей» идее *сквозной* (т.е. от Средневековья до современности) публикации документов: «Москва – Сербия, Белград – Россия», предложенной когда-то Московским городским архивом. Являясь председателем Административного совета Архива Сербии, он, вместе с новым директором и своим тезкой Мирославом Перишичем, реанимировал прочно «забытую» прежним руководством мысль. Да так, что в беспрецедентно короткий срок (2009–2012) [31] в свет вышли три огромных тома. Добавим, что коллега Йованович крайне заинтересованно участвовал в делах, будучи председателем редакции всей серии с сербской стороны, и параллельно – одним из авторов-составителей второго тома⁴.

При этом, что важно, несмотря на свой более широкий изначальный замысел, проект уже в нынешнем (трехтомном) виде обретает черты логически завершенного целого, содержательно покрывающего практически всю важнейшую эпоху возрождения и строительства новой сербской государственности (1804–1917). Причем, начало этого процесса явилось «продолжением уже сложившейся русской политики покровительства России сербскому народу» [32. С. 39], которая исчерпывающе полно представлена в первом томе (XVII–XVIII вв.). Тесная взаимосвязь трех частей проекта, таким образом, налицо. После 1917–1918 гг. ситуация в мире коренным образом меняется; а вместе с ней – характер обоих государств, их идеология и отношения. Новейшее время имело мало общего с былыми традициями. И поэтому, как мне думается, в данном случае можно говорить о едином, законченном комплексе, вводящем в научный оборот до тысячи первоклассных материалов из архивов России, Сербии и Украины по единой же сквозной теме. Роль Мирослава в открытии и презентации столь весомого документального богатства трудно переоценить.

Успешно реализовав свои архивно-имагологические замыслы, напрямую связанные с Россией, он увенчал их синтетической монографией: «Сербы и русские. XII–XXI века. История взаимоотношений» [1], в которой активно использовал новые источники и «свежие» методологические наработки [33. С. 11–17; 34. С. 14–38; 35. С. 11–42]. Книга вышла в 2012 г. и была удостоена премии города Белграда. Тем самым, как-то очень символично подводился итог его научного творчества⁵. Все полагали, – промежуточный, как подарок к юбилею...

Ну, а жизнь, между тем, не стояла на месте, открывая новые горизонты и ставя иные задачи. Совсем недавно Мирослав Йованович стал профессором Университета в Баня-Луке и руководителем Отделения истории Института Иво Андрича в Андрич-граде (Республика Сербская). Он серьезно готовился к 100-летней годовщине начала Первой мировой войны, имея опыт работы с темой [36. С. 136–157; 22. С. 130–132; 37. С. 367–376] и отдавая себе отчет в том, что многие «ученые» на Западе намерены использовать грядущую дату как повод для пересмотра вопроса о ее виновниках (несмотря на то что вопрос сей решен в научном плане еще немецкими историками школы Фрица Фишера), перенеся ответственность за начало всемирной бойни на «агрессивную» Сербию и стоявшую за ней Россию (см. его последнее интервью [40]). Чисто *политическая* подоплека такого «намерения» очевидна, – причем в тесной связи с балканскими событиями конца XX в. В стремлении взвалить коллективную ответственность *за все* на один народ, с той стороны, образно говоря, «к штыку приравняли перо». История, таким образом,

⁴С российской стороны совместным проектом руководит заместитель директора Мосгорархива М.М. Горинев. Авторами-составителями двух томов (из трех) являются сотрудники Института славяноведения РАН: А.А. Туридов – первого и А.Л. Шемякин – третьего.

⁵1 мая 2012 г. Мирославу Йовановичу исполнилось 50 лет; 28 июня того же года – двадцатилетие выхода в свет его первой научной публикации.

снова оказывается служанкой политики, а «нужные» (или «политкорректные») представления о балканской реальности подменяют саму реальность. Так что вызов ожидался серьезный, требовавший ответных шагов.

Но, увы, «промежуточный» финиш оказался финалом!..

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Јовановић М.* Шта нам се догодило? Пет прилога разматрању историјске свести и друштвених елита развоју данашње ситуације у Србији // Ресавски поштоноша. Свилајнац, 28. јун 1992.
2. *Јовановић М.* Срби и Руси. 12–21 век (историја односа). Београд, 2012.
3. *Јовановић М.* Србија и Русско-јапонска војна. Один забытый эпизод (добровольные пожертвования в пользу русских раненых) // Русско-јапонска војна 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004.
4. *Јовановић М.* Между одноплеменностью и враждой: Србија и Россия в 1804–1878 гг. – политика, традиција и перцепција // Славјанский альманах (2011). М., 2012.
5. *Јовановић М.* Србско-русске или русско-сербске вези и одношенија: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. М., 2013. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова.
6. *Јовановић М.* Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
7. *Јовановић М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.
8. *Јовановић М.* «Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо...». Образ Балкан в восприятии русских беженцев. 1920–1940 // Человек на Баланах глазами русских. СПб., 2011.
9. *Јовановић М.* Идея лихорадочная и дутая: манифест «Михаила Александровича» (несостоявшийся эпизод гражданской войны) // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. I.
10. *Јовановић М.* Србија (Југославия) между большевиками и белыми генералами, или о дипломатическом признании Колчака // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2006. Т. II.
11. *Јовановић М.* Русский научный институт в Белграде (1928–1941): обзор организации и деятельности // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2011. Т. X.
12. *Милорадовић Г.* Подарки Сталина (тематика югославского художественного фильма 1945–1955 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2004. Т. I.
13. *Милорадовић Г.* Роман Замјатина «Мы»: между историей и утопией // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2007. Т. IV.
14. *Пилиповић Р.* Сербы в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века – мнение царского дипломата // Русский сборник. Исследования по истории России XIX–XX вв. М., 2013. Т. XIV.
15. *Милорадовић Г.* Конец фильма. Триумфальное шествие соцреализма с «Мосфильма» на Белград // Родина. 2003. № 10.
16. *Милорадовић Г.* Карантин идей: лагеря для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М., 2010.
17. *Милорадовић Г.* «Аномалия» холодной войны: идеологический характер и международная роль социалистической Югославии // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012.
18. *Јовановић М.* Как братья с братьями. Русские беженцы на сербской земле // Родина. Январь – февраль 2001.
19. *Јовановић М.* Ось Белград – Омск. Почему король Александр признал Колчака // Родина. 2003. № 10.
20. *Јовановић М.* Русские высаживаются в Черногории. Как принимали беженцев в Боке Которской // Родина. 2006. Специальный выпуск «Россия и Черногория: веки истории».
21. *Јовановић М.* Потерянная картина. История эмигрантского фильма, так и не вышедшего на экран // Родина. 2006. № 4.
22. *Јовановић М.* Ленинским курсом. Как русские защищали Дунай от австрийских мониторов на Дунае (1914–1915) // Родина. 2010. № 11.
23. *Јовановић М.* Те, кто за Сталина, и те, кто за Гитлера. Российская эмиграция в Югославии в годы Второй мировой войны // Родина. 2012. № 11.
24. Србија о себе. Сборник / Ред.-сост. М. Јовановић. М., 2005.
25. *Јовановић М.* Что с нами произошло? // Србија о себе. М., 2005.
26. *Јовановић М.* Србија в начале XXI века или о кризисе, его причинах и ответственности // Србија о себе. М., 2005.

27. Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија / Прир. М. Јовановић. Београд, 2011.
28. *Јовановић М.* Сима Милутиновић-Сарајлија у (о) Русији 1846–1847 године // Руски алманах. Београд, 2010. Бр. 15.
29. *Јовановић М.* Једно заборављено сећање на Санкт-Петербург / Милан Савић. У Русији. 1871 // Руски алманах. Београд, 2011. Бр. 16.
30. Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина.
31. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Белград; М., 2009. Т. I. Общественно-политические и культурные связи XVI–XVIII вв.; Белград; М., 2011. Т. II. Общественно-политические связи 1804–1878 гг.; М.; Белград, 2012. Т. III. Общественно-политические и культурные связи 1878–1917 гг.
32. *Кузьмичева Л.В.* Москва и сербский вопрос в 1804–1878 гг. // Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Белград; М., 2011. Т. II. Общественно-политические связи 1804–1878 гг.
33. *Јовановић М.* Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Srbije i Rusije na početku XXI veka. Zbornik radova. Beograd, 2010.
34. *Јовановић М.* Србија и Русија 1804–1878: политика, традиција, перцепција (оквири тумачења и контекстуализације) // Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Белград; М., 2011. Т. II. Общественно-политические связи 1804–1878 гг.
35. *Јовановић М.* О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодефинисање // Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија / Прир. М. Јовановић. Београд, 2011.
36. *Јованович М.* «Умереть за Родину»: Первая мировая война или столкновение «обычного человека» с тотальной войной // Последняя война императорской России. М., 2002.
37. *Јованович М.* «Сербия, Сербия, жаль мне тебя, проклятая Германия идет на тебя»: русская помощь Сербии в 1914–1915 гг. Историографическая зарисовка // Величие и язвы Российской империи. Международный научный сборник в честь 50-летия О.Р. Айрапетова. М., 2012.
38. «Miroslav Jovanović: Srbi – kolateralna šteta pokušaja promene istorije» // SRNA/B-92. 11 novembar 2013.

© 2015 г. Г.А. ФЕДОРИНА

УДВОЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ С ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируется редкая и почти не исследованная разговорная болгарская конструкции – удвоение определения с притяжательным значением. Дается классификация типов этих конструкций и предлагается решение вопроса о функции дублирования.

This paper discusses the clitic doubling of possessive attribute – an infrequent colloquial Bulgarian construction; it suggests a classification of different types of reduplicated constructions and discusses the functions of doubling.

Ключевые слова: посессивность, клитика, порядок слов.

В болгарском языке существуют конструкции, в которых именные группы, выполняющие синтаксические функции дополнения, подлежащего или несогласованного определения, дублируются кореферентными с ними местоименными клитиками. В научной литературе, посвященной изучению дублирования, больше всего внимания уделяется удвоению дополнения и подлежащего, исследованием этих конструкций занимались С. Иванчев [1], К. Попов [2], А. Минчева [3], Й. Тишева [4] и некоторые другие лингвисты. Дублирование же клитикой определения остается практически не описанным. Этой конструкции посвящено лишь очень ограниченное число работ, принадлежащих современным авторам (например, Й. Пенчеву [5. С. 100–101], И. Савовой [6]).

В «Грамматике современного болгарского литературного языка» БАН (1983) нет упоминаний об этой конструкции. Единственный пример *На детето баща му* (Отец (его) этого ребенка)¹ использован для иллюстрации другого положения, касающегося порядка слов в болгарском языке, а имеющееся здесь удвоение не комментируется [7. С. 278].

В «Грамматике болгарского языка» Ю.С. Маслова приводится один пример удвоенного определения: *Мъжът ѝ на Таса беше селски бикар* (Муж (ее) Тасы был пастухом). Автор здесь ограничивается лишь небольшим комментарием, что «такие примеры (в том числе и с другим порядком слов [...]) редки в литературном языке и носят просторечный характер. Нормальным являлось бы предложение *Мъжът на Таса беше селски бикар*» [8. С. 305].

Небольшое количество исследований удвоенного определения объясняется тем, что оно употребляется значительно реже, чем конструкции с удвоенным дополнением и подлежащим. Данное исследование предпринято с целью описания этой редкой разговорной конструкции и определения ее функции.

Федорина Галина Андреевна – аспирантка МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Здесь и далее все переводы выполнены автором статьи.

В качестве материала для анализа используются источники, которые наиболее точно отражают современную разговорную болгарскую речь (в том числе устную). Это язык болгарских интернет-форумов, блогов, статей и комментариев, а также материалы новейших корпусов болгарской разговорной речи, разработанных в рамках проекта BG Speech (<http://bgspeech.net/>) специалистами Софийского университета имени св. Климента Охридского.

Удвоенное несогласованное определение состоит из двух частей – полной и краткой. Полная часть определения обычно бывает выражена именами существительными и полными формами дательного падежа личных местоимений (за редким исключением). Для того чтобы получить удвоение, полное определение должно иметь притяжательную семантику, быть связанным с определяемым посредством предлога *на*, а также быть маркированным как определенное, специфическое или уникальное [6].

Краткая часть – это местоименная притяжательная клитика, совпадающая с клитической формой дательного падежа личного местоимения. В теоретических исследованиях, посвященных категории притяжательности в болгарском языке, неоднократно ставилась проблема различия краткого притяжательного местоимения и дательного падежа личного местоимения. Т.Н. Молошная в книге «Категория посессивности в славянских и балканских языках», обращаясь к проблеме различия типов местоимений в примерах типа: *откраднаха му колата* (у него – буквально: ему – угнали машину) – *откраднаха колата му* (угнали его машину), пишет, что «различение глагольной и местоименной конструкций сводится к различению порядка слов» [9. С. 190]. Однако автор подчеркивает, что существуют такие примеры употребления, в которых краткое местоимение может оказаться в позиции, удовлетворяющей требованиям как приглагольной, так и местоименной клитики. В таких случаях снять омонимию очень сложно. Мы все же будем придерживаться традиционно принятого различия двух типов клитик, связанного с порядком слов.

Можно выделить несколько типов конструкций с удвоением определения в зависимости от расположения элементов, входящих в их состав. У И. Савовой [6] представлены три основных варианта порядка слов, в каждом из которых имеется несколько разновидностей. Упрощенно классификация Савовой выглядит так:

1) предложный комплекс и клитика в постпозиции к определяемому: *Книгата му на Иван* (Книга (его) Ивана); *Книгата му е открадната на Иван* (Книга Ивана украдена – буквально: Книга его украдена (у) Ивана);

2) предложный комплекс и клитика в препозиции к определяемому: *На Иван му откраднаха книгата* (У Ивана украли книгу – буквально: Ивану ему (у Ивана у него) украли книгу); *На Иван прочетох му книгата* (Я прочел книгу Ивана – буквально: Я Ивана прочел его книгу); *Прочетох му на Иван новия разказ* (Я прочел новый рассказ Ивана – буквально: Я прочел его Ивана новый рассказ);

3) предложный элемент в препозиции, клитика в постпозиции к определяемому: *На Иван книгата му е интересна* (Книга Ивана интересная – буквально: У Ивана книга его интересная); *На Иван много е интересна книгата му* (У Ивана очень интересная книга – буквально: У Ивана очень интересная его книга);

4) предложный комплекс в постпозиции, клитика в препозиции к определяемому: *Чета му книгата на Иван* (Я читаю книгу Ивана – буквально: Я читаю его книгу Ивана); *Не му четох книгата на Иван* (Я не читал книгу Ивана – буквально: Я не читал его книгу Ивана).

Как видно из приведенных примеров, сочетание существительного с предлогом и удваивающая клитика могут располагаться в разных позициях по отношению к определяемому слову, а также быть в контактной или дистантной позиции по отношению друг к другу. Все эти типы удвоения различаются по частотности употребления. По оценкам И. Савовой, модели 2-го и 4-го типов считаются слабо

представленными, а модель 3-го типа – наиболее употребительной. Наш материал демонстрирует наличие в разговорной речи всех указанных типов удвоения, а также фиксирует случаи, не включенные в классификацию.

Модель № 1 можно считать инвариантной, так как порядок слов в ней соответствует правилу, по которому несогласованное определение должно располагаться после определяемого [7. С. 278]. Пример такого употребления из диалогов корпуса болгарской речи:

1) *Ясен: какво ще кажете за това клипче. Хареса ли ви не ви ли хареса? Дет се вика така първите ви реакции. Катя: първата ми реакция на мене е че т това веч вече го няма в България (Ясен: Что вы скажете об этом ролике? Нравится он вам или нет? Так сказать, ваши первые впечатления. Катя: Моя первая реакция – буквально: первая моя реакция у меня – такова, что такого больше нет в Болгарии).*

Употребление сочетания предлога *на* с полной формой личного местоимения в диалоге, возможно, обусловлено низкой коммуникативной значимостью краткого притяжательного местоимения *ми*. Как известно, местоименные клитики – это безударные компоненты болгарского высказывания², они, в отличие от полных форм, не являются самостоятельными членами предложения, а также не могут выполнять функции темы или ремы в информационной структуре высказывания. В данном примере местоименная клитика *ми* входит вместе с определяемым в тематическую часть высказывания, в то время как предложное сочетание *на мене* несет основную коммуникативную нагрузку, выполняет функцию ремы.

Интересно также, что некоторые лингвисты считают невозможным удвоение клитикой такого рода определений. Г.А. Цыхун в работе «Синтаксис местоименных клитик» называет конструкции типа *баща му на него* (его отец) «потенциально возможными» по аналогии с выражениями, в составе которых в качестве определения участвует существительное – *това е на Петю баща му* (это отец Пети). Г.А. Цыхун считает, что условием для появления клитики в притяжательных конструкциях является наличие в их составе существительного–термина родства с предлогом *на*, выступающего в функции несогласованного определения. Автор замечает, однако, что «и в этом случае более типичны конструкции без краткой формы» [10. С. 82]. Ограничивая таким образом способы выражения определения, Г.А. Цыхун утверждает, что в литературном языке не зафиксированы случаи появления клитики с другими группами существительных – *книгата му* (его книга), но невозможно *книгата му на него/на него му книгата*. Однако проанализированный материал подтверждает, что такое удвоение в разговорной речи существует.

Модель № 2 иллюстрируют следующие примеры:

2) *На бившата служебна кола са и махнати лепенките, но е оставало от лепилото по боята* (У бывшей служебной машины отклеены наклейки – буквально: у машины ей отклеены наклейки – но осталось немного клея на краске);

3) *На един малък човек като му дадешмалко «власт», нищо че тук тая власт е над 13-годишен контингент, човечето му се надува носа* (Если маленькому человеку дать «власть», даже над 13-летними, человек задирает нос – буквально: у человека ему задирается нос);

4) *Може би докторите ше им намалее работата* (Может быть, у врачей уменьшится работы – буквально у врачей им уменьшится работы);

5) *На единия плод му се плиснаха водите и така ме приготвиха за раждане* (У одного плода отошли воды – буквально: у одного плода ему отошли воды – и так меня приготовили к родам).

² За исключением случаев употребления с отрицательной частицей *не*, когда они становятся ударными: *Това не ми харесва* (Это мне не нравится); *Него не го виждам* (Я его не вижу).

В представленных примерах предложный комплекс³ вынесен в левую периферию высказывания с целью повышения коммуникативного статуса определения. Местоименная клитика здесь располагается слева от определяемого, при этом ясно видна ее зависимость от предиката в каждом из приведенных примеров. Вместо приименной притяжательной клитики в данном случае мы имеем дело с приглагольной дательной клитикой. Подобное употребление краткого местоимения частично описано А. Циммерлингом как пример подъема посессора в болгарском языке [11]. Таким образом, в данных примерах статус посессора повышен дважды: перенесением в левую периферию предложного сочетания и употреблением приглагольной клитики.

К модели № 3 относятся примеры:

6) *И до момента чрез Однокласници.ру си поддържам връзка със съучениците, на които децата им в момента са ученици* (И до сих пор в «Однокласниках» я общаюсь со своими одноклассниками, у которых дети сейчас школьники – буквально: у которых их дети школьники);

7) *На моя андроид батерията му пада всеки ден заради постоянните инсталации и прочие «екстри»* (На моем андроиде батарея садится – буквально: у моего андроида батарея его садится – каждый день из-за постоянных обновлений и прочих дополнений);

8) *И на мен фаворита ми не беше Краси ама не го плюя песента му хич не е лоша* (И моим фаворитом не был Краси – буквально: и у меня моим фаворитом не был Краси – но его песня была неплохая).

При грамматическом порядке слов несогласованное определение, выраженное сочетанием предлога с именем, должно располагаться после подлежащего, в примерах 6 и 7 такую перестановку (с опущением клитической формы местоимения) сделать легко: *децата на които са ученици; батерията на моя андроид пада всеки ден*.

При перестановке определения в его «законную», зависимую по отношению к определяемому, позицию, оно получает более низкий коммуникативный ранг. Посессор здесь оказывается в ситуации «конфликта, заложенного в синтаксической структуре посессивной группы», в которой посессор «занимает максимально периферийную позицию, и в то же время с ним ассоциирован такой коммуникативный статус, который гармонирует с престижными синтаксическими позициями» [11. С. 311]. Перемещение посессора в препозицию, по нашему мнению, способствует повышению его коммуникативного статуса и решению описанного А.Е. Кибриком конфликта (см. [12]). Однако при простой перестановке несогласованного определения получается неграмматический порядок слов:

децата на които са ученици >на които децата са ученици

батерията на моя андроид пада всеки ден > на моя андроид батерията пада всеки ден.

На освободившееся место несогласованного определения помещается местоименная клитика, которая устраняет этот неграмматический эффект.

Пример 8, в котором несогласованное определение выражено сочетанием предлога *на* с полной формой личного местоимения в винительном падеже, не допускает подобной перестановки. Однако здесь можно заменить предложное сочетание притяжательным местоимением: *и моят фаворит не беше Краси*.

При такой трансформации получаются «собственно посессивные местоименные конструкции» [9. С. 114], или конструкции с «внутренним посессором» [12. С. 307–319; 13. С. 16–19].

³ В примерах 3 и 4 предлог *на* опущен. Как отмечают исследователи, это достаточно типичное разговорное явление. Часто пропуск предлога *на* встречается в конструкциях с удвоением косвенного дополнения: *мен ми харесва*, вместо *на мен ми харесва* (мне нравится).

Внутренний посессор также может обладать недостаточно высоким коммуникативным рангом, возможно, поэтому авторы 2-го и 4-го высказываний предпочли использовать именно предложные сочетания.

Модель № 4 представляют примеры:

9) *Я Петрохи да каже откъде му идва ника на него, че ми е интересно* (Пусть Петрохи скажет, откуда взялся его ник – буквально: откуда у него взялся ник его – потому что мне интересно);

10) *Не знам каква му беше целта на всичко това, но аз и колата ми няма да се почувстваме по-зле* (Не знаю, какая у всего этого была цель – буквально: какая у него была цель у всего этого – но мне и моей машине хуже не будет);

11) *Ние може ли със тва ли ни е силата на българите?* (У нас может ли быть в этом сила у болгар? – буквально: в этом нам сила у болгар).

Полное несогласованное определение в этих примерах располагается в постпозиции к обладаемому, а клитика – предшествует ему.

Возможной трансформацией примера 9 могла бы стать замена предложного сочетания полной формой притяжательного местоимения (при этом мы исключаем клитику): *откъде идва неговият ник*.

Похожая ситуация наблюдалась при анализе 6-го и 8-го примеров: здесь также вместо конструкции с внутренним посессором с низким коммуникативным рангом использовано краткое дательное местоимение.

К этому типу, вероятно, примыкает и следующий пример из корпуса болгарской речи: *Кои ви бяха най-силните моменти за вас?* (Какие моменты были для Вас самыми сильными? – буквально: какие вам были самые сильные моменты для вас?).

Полная форма личного местоимения в винительном падеже употреблена здесь в сочетании с предлогом предназначения или цели *за*.

Помимо традиционно выделяемых исследователями конструкций, материалы интернет-форумов и корпуса болгарской речи дают еще один тип удвоения определения, который также заслуживает внимания:

Имам една Алфичка 1,9JTD и я бях дал на мъжа на сестра ми да я ползва за два месеца, че му бяха откраднали неговата кола (У меня есть машина, и я однажды одолжил ее своему шуруину на пару месяцев, так как у него – буквально: ему – украли его машину);

[...] и записва му неговите данни в ена книга [...] (и записывает его данные в книгу – буквально: записывает ему его данные);

Може би на бат Бойко не му крадат неговите коли (Может быть, у Бойко не крадут его машины – буквально: Бойко ему не крадут его машины).

В данных примерах посессор выражен одновременно полной формой притяжательного местоимения (*неговата, неговите*) и кратким дательным приглагольным местоимением. В существующей литературе, посвященной изучению удвоения, нет примеров дублирования полного притяжательного местоимения кратким. Представляется, что синтаксическая роль местоименной клитики в высказывании типа *На Иван му откраднаха чантата* (буквально: у Ивана (Ивану) ему украли сумку) не отличается от ее функции в примере *не му крадат неговите коли* (буквально: ему не крадут его машины). И если первое предложение, согласно существующим теоретическим исследованиям, содержит удвоенное определение, можно сказать то же самое и о втором примере.

Что касается удвоения определения, выраженного притяжательными прилагательным – *сестрина коса* (волосы сестры), *бабината къща* (бабушкин дом), то проанализированный материал пока не дает никаких примеров его удвоения ни приименной притяжательной – *сестрината ѝ коса* (сестры ее волосы), *бабината ѝ къща* (бабушкин ее дом), ни краткой дательной клитикой – *отрязаха ѝ сестри-*

ната коса (отрезали ей сестры волосы), продадоха ѝ бабината къща (продали ей бабушкин дом).

Проанализированный материал показывает, что в целом в болгарской разговорной речи преобладают конструкции с препозицией полного определения определяемому. Однако он содержит и конструкции, не признаваемые исследователями болгарского языка или признаваемые ими только потенциально возможными (где в качестве удвоенного элемента используются полные дательные формы личных местоимений, а также полные формы притяжательных местоимений). Основной функцией удвоения определения с притяжательным значением можно назвать коммуникативное выделение посессора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванчев С.* Проблеми на актуалното членение на изречението. 1968 // Приноси в българското и славянско езикознание. София, 1978.
2. *Попов К.* Стилино-граматична употреба наудвоеното допълнение в български книжовен език // Известия на Института за български език. 1962. Вип. VIII.
3. *Мицчева А.* Опит за интерпретация на модела на удвоените допълнения в българския език // Известия на Института за български език. 1969. Вип. XVII.
4. *Тишева Й., Джонова М.* Стариат «нов» топик // Славистика и общество. София, 2006.
5. *Пенчев Й.* Синтаксис на съвременния български книжовен език. Пловдив, 1998.
6. *Савова И.* Удвояване на определението в българския език. <http://liternet.bg/publish7/isavova/udvoiaivaneto.htm>
7. Граматика на съвременния български книжовен език. София, 1983. Т. III. Синтаксис.
8. *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
9. Категория посессивности в славянских и балканских языках / Отв.ред. Вяч.Вс. Иванов. М., 1989.
10. *Цыхун Г.А.* Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках (балканославянская модель). Минск, 1968.
11. *Циммерлинг А.* Подъем посессора в славянских языках. <http://antonzimmerling.wordpress.com>
12. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
13. *Кибрик А.Е., Брыкина М.М., Леонтьев А.П., Хитров А.Н.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1.

Источники

Корпус болгарской разговорной речи:

<http://bgspeech.net/>

Форумы

<http://www.bg-mamma.com>

<http://www.emotion.bg>

<http://velqn.com>

<http://www.tuning.bg>

<http://www.clubalfaromeo.com>

<http://www.nariba.com>

<http://www.svobodata.com>

<http://www.dnes.bg>

<http://www.moetodete.com>

© 2015 г. В.Ю. СТЕШЕВИЧ

АВТОПОБУЖДЕНИЕ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются формы побуждения 1-го л. ед. ч. – их способы выражения и семантика, также затрагиваются теоретические проблемы категории императивности. Сравнение двух родственных языков позволяет полнее осветить затрагиваемый вопрос.

In this article, grammar forms expressing imperative semantics in the first person in the Russian and the Serbian languages along with some theoretical issues of category of imperativeness are considered. Comparison of the two closely related languages allows a comprehensive consideration of the issue.

Ключевые слова: императивность, оптатив, побуждение, русский и сербский языки.

Вопрос о составе парадигмы императива неоднократно привлекал внимание как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Одним из наиболее спорных пунктов является включение в парадигму императива форм побуждения 1-го л. ед. ч., поскольку разные авторы по-разному формулируют прототипическую императивную ситуацию. Одни исследователи, определяя семантику императива, исходят из того, что каузатор и исполнитель каузируемого действия должны быть разными лицами [1]. Другие допускают возможность совпадения этих двух ролей в одном лице [2; 3].

В императиве, в отличие от индикатива, выделяются два предиката и, следовательно, два субъекта – субъект речевого акта, т.е. говорящий, и субъект каузации. Совпадение говорящего и субъекта каузации в императиве обязательно (*накорми белок!* – «я говорю и тем самым каузирую Р»). Однако объект каузации (исполнитель действия) в императивных высказываниях вызывает разногласия, которые можно обобщить следующим образом: следует ли считать императивными только высказывания типа «каузирую Р» (*И отрубите ему там на улице голову!* – адресат высказывания совпадает с объектом каузации и субъектом пропозиции) или у императивных высказываний нет ограничений по лицу, т.е. к императивным высказываниям относятся высказывания с непрямой каузацией типа «каузирую (адресат каузирует Р)» (*Заведи себе собаку. Пусть она приносит тебе тапочки!* – адресат высказывания не совпадает с объектом каузации). И особо спорными являются случаи, когда совпадают прескриптор и исполнитель, субъект и объект каузации (*Заведу-ка и я себе дневник. Давайте я напишу стихи, а вы поставите свое имя и продадите их*).

Помимо каузации категория императивности связана с категорией перформативности. Императивное высказывание, как и перформативное, является событием, имеющим определенные последствия. Как и перформативное высказывание,

Стешевич Варвара Юрьевна – аспирантка Института славяноведения РАН.

императивное не может быть оценено по признаку истинности/ложности. Как и перформатив, императив в своем прямом значении не может быть предикатом в придаточном предложении. Однако все это справедливо для императивных форм, выражающих значение «каузирую Р», т.е. для форм 2-го л. (*Взрывайте мост!*), в которых говорящий непосредственно каузирует совершение адресатом действия, а следствием императивного высказывания является изменение ситуации в мире (мост разрушен). Высказывания с формами 1-го л. мн. ч. (*Давай взорвем все мосты, какие тут есть, и выберемся отсюда!*) каузируют совершение действия адресатом вместе с говорящим, опять же ситуация не описывается, а полагается в актуальном настоящем, т.е. присутствует сема перформативности. В высказываниях с не прямой каузацией, например в высказываниях с формами 3-го л. (*Пусть взрывают мост и уходят!* – «каузирую (адресат каузирует Р)»), сделай так, чтобы они взорвали мост), у второго каузатора сема перформативности отсутствует. В высказываниях с так называемым автопобуждением (*Взорву-ка я этот мост, товарищ лейтенант!*) отсутствует не только перформативность, но и сама каузация, поскольку в подобных высказываниях нет значения «причинения». Если рассматривать подобные случаи как вариант императива, то возникает расхождение адресата высказывания и получателя прескрипции (объекта каузации), что очевидно при эксплицитно выраженном адресате (слушающем), с которым общается говорящий, но который не является участником каузируемого действия. Отметим, что подобное распределение ролей нехарактерно для императивной ситуации. Далее, если мы продолжаем считать формы на *-ка* императивными, то можно предположить, что речь идет об автокаузации, когда референты каузатора и объекта каузации совпадают (типа *бриться, злиться* и т.д.). Однако в высказываниях с автопобуждением не удовлетворяется основное требование каузации – изменение состояния объекта каузации. Высказывание с автопобуждением не является причиной, вызывающей действие и изменение состояния объекта. Таким образом, автопобуждение не удовлетворяет одному из основных критериев императивности – наличию семы каузации.

В.Ю. Гусев [4. С. 48] отмечает, что прототипическая каузация предполагает не тождество каузатора и исполнителя, в случае же совпадения каузатора и исполнителя нет необходимости в речевом акте. В ситуации же совпадения говорящего и адресата (автокоммуникации), когда говорящий выступает субъектом-каузатором собственных действий, обычно употребляются императивные формы 2-го л. ед. ч. (*И я сказал себе: «Иди, иди скорей отсюда»*). А. Барентсен отмечает, что подобные употребления 2-го л. для автопобуждения являются, с одной стороны, периферийными, с другой – универсальными. Сами же формы на *-ка* (*пойду-ка*) и конструкции *пойду + 1-е л. ед. ч. наст.-будущ.* (*пойду поем*), по мнению В.Ю. Гусева, не выражают каузации, имеют значение намерения, а не императивности.

Также осмыслению форм автопобуждения как членов императивной парадигмы препятствует то, что в русском и сербском языках данные формы являются аналитическими в отличие от синтетических форм 2-го л., которые образуют ядро категории императивности.

В сербской грамматической традиции автопобуждение (*zapovest govornog lica samome sebi*) не включается в категорию императивности на основании такого семантического аргумента, как «*rojedinas sam sebi ne zapoveda*» (человек сам себе не приказывает, т.е. каузатор не может быть в то же время и исполнителем действия) [5. С. 707]. М. Стеванович отмечает, что у императива нет специальной формы 1-го л. ед. ч., и в случае необходимости выразить автопобуждение употребляется аналитическая форма *da + prezent*.

Отметим также, что такие понятия, как побуждение, императивность и директивность иногда накладываются друг на друга, что приводит к смешению грамматики и прагматики. Побуждение в психологии обычно трактуется через мотивацию, желание совершить действие, стимул, который оставляет свободу выбора.

Стимул без свободы выбора называется принуждением. Именно принуждение, а не побуждение является прототипическим значением императива. Побудительная интенция может быть выражена различными языковыми средствами, в том числе косвенными речевыми актами, смысл которых раскрывается в контексте. В то время как в семантике императива обязательным компонентом является сема каузации, а общее значение императивных высказываний не побудительное (поскольку побуждение может быть и внутренним), а повелительное (императив представляет собой речевое действие, направленное на управление поведением адресата).

Разграничение императива и оптатива также является проблемой, привлекающей внимание исследователей. Близость оптатива императиву и отсутствие у оптатива грамматикализованного ядра довольно часто отмечается исследователями (например, [6]). Различие между оптативом и императивом описывается как разница в иллюкутивной силе, или в степени директивности. Отечественные исследователи, отмечающие, что у императива и оптатива есть общая часть значения – «стремление/желание говорящего, чтобы произошло Р», разграничивают эти две категории по признаку контролируемость/неконтролируемость действия. В работе «Семантика и типология императива» выделяются две семантические группы глаголов: «волевые» (обозначающие процессы или состояния, подконтрольные воле человека, который может их каузировать) и «неволевые» (неподконтрольные и некаузируемые) [7. С. 142]. Императив и оптатив имеют дополнительное распределение по признаку контролируемости/неконтролируемости. «Если говорящий (полагает, что) контролирует ситуацию, возможно только первое значение, в противном случае – только второе» [4. С. 244]. Еще одним значением, связанным с признаком контролируемость/неконтролируемость, является значение намерения. Именно оно выражается формами 1-го л. ед. ч., условно называемыми автопобуждением.

Формы выражения автопобуждения в русском языке

Синтетические формы с частицей *-ка* (типа *пойду-ка, спую-ка*).

Ух, посмотрю-ка я, что там стоит!

Поработаю-ка я немного волшебницей.

У меня диета — съем-ка я котлету!

Как было отмечено выше, данные формы выражают значение намерения, а не побуждения.

Схожими являются аналитические формы *пойду + 1-е л. ед.ч. наст.(будущ.) времени, пойду-ка я + инфинитив*, в которых «пойду» означает начало действия, а не перемещение в пространстве.

Пойду-ка я мяса налопаюсь.

Пойду-ка я стихи писать!

А. Барентсен выделяет у форм с частицей *-ка* общее значение «новизны идеи» и «внутреннего решения на непосредственное совершение действия» [3. С. 20]. Голландский исследователь отмечает, что частица *-ка* имеет временное значение и конструкции с ней выражают намерение совершить действие непосредственно после момента речи. Другой точки зрения на формы с *-ка* придерживается Н.В. Перцов [8. С. 154–160], который описывает формант *-ка* как словоизменяемый аффикс, выражающий квазиграммему со значением «фамильярное побуждение». Б. Тошович выделяет у частицы *-ка* значение «непринужденного, смягченного приказа, близости отношений [...] иронии» [9. С. 255]. В целом можно заметить, что частица *-ка* у форм императива и у форм со значением побуждения имеет значение «сокращения дистанции», причем дистанция может быть социальной – между говорящим и адресатом, может быть временной («непосредственное свершение действия»). Но дистанция также может быть коммуникативной – между иллюкутивным показателем (императив или форма побуждения

к действию) и иллокутивной целью (например, иронией), а этом случае частица *-ка* маркирует не сокращение дистанции, а ее наличие.

Уважаемый ТС, загляни-ка, пожалуйста, под кровать или в кладовку (не знаю, где ты ствол орудия сберегаешь) и выдай-ка нам, для облегчения дискуссии, калибр данного ствола.

– *Мам, пойдуй-ка я прохожих постреляю.* – *Хорошо, сынок, только в церкви не танцуй.*

В.Ю. Гусев [4. С. 253] описывает высказывания 1-го л. ед. ч. с *-ка* формами как имеющие значение намерения и подразумевающие отсутствие препятствий для его осуществления, а также оставляющие для говорящего возможность выбора – осуществлять намерение или нет, что в целом подразумевает контроль говорящего над ситуацией.

Отметим также, что Р.О. Якобсон предлагал различать повелительное и побудительное наклонения, а формы с частицей *-ка* относил к побудительному наклонению, значение которого, согласно мнению автора, выражает повеление с элементом увещевания [10].

Аналитические формы типа дай(-те), (-ка), давай(-те), (-ка) + 1-е л. ед.ч. наст.будущ. СВ/ инфинитив НСВ

Давай я поищу в Google за тебя (давай + СВ)

Давай я буду приходить к тебе кленовым соком (давай + НСВ)

Народ, давайте я вам помогу найти какие-нибудь картинки в любом стиле.

А давайте-ка я вам про вкуснющие шампильончики напишу!

Дай, красавица, я тебе погадаю.

Дай-ка скину я бушлат да пушусь я плясать!

Дайте я вам покажу, как надо!

Дайте-ка я примерю эту чудо-каску!

В «Русской грамматике» [11. Т. 1. С. 622] частица *давай(те)* рассматривается только в составе форм совместного действия. Формы с *дай(те)* упоминаются в качестве средства выражения волевых проявлений со значением призыва к согласию [11. Т. 2. С. 224].

А.В. Исаченко [12] выделяет в конструкциях с частицей *дай* усиление апеллятивного значения, но обращение в этих формах адресовано самому говорящему. Формы с *дай(-ка)*, а также формы с частицей *-ка* рассматриваются им как разновидность особой побудительной формы (но не особого наклонения), которую он называет «горгатив».

Согласно исследованиям А. Барентсена, который также выделяет в высказываниях с частицами *дай(те)* и *давай(те)* особую важность адресата, призыв к адресату не относится к совершению действия (в отличие от императивных форм). *Дай(те)* выражает значение «не мешайте» (*Дайте я взорву этот мост в конце-то концов!*) *Давай(те)* выражает готовность говорящего совершить действие в интересах адресата.

Отметим, что частица *дай* используется не для побуждения 1-го л., а для каузации 2-го л. Значение 1-го л. ед. ч. устраняется без семантических потерь при замене глагольной формы инфинитивом – *дайте-ка примерить, дай скинуть, дай прижать тебя к сердцу*. Однако подобная трансформация невозможна для конструкции с частицей *давай* – *давайте помогу* и *давайте помогать* отличаются адресатами: в первом случае говорящий не включен в группу адресатов, во втором – включен. Особенно заметна каузация в конструкции с частицей *дай* в высказываниях с глаголами речи: *дай(те) (мне) сказать, дайте договору; Дай-ка, дружок, расскажу я тебе, / О том что творится на этой земле*. Очевидно, что значение у подобных конструкций – «каузирую Р», т.е. «слушай». Схожую ситуацию можно отметить для глагола «показать/показывать». *Дай покажу тебе, от чего ты отказываешься*. Опять же в значении выделяется прямая каузация 2-го л. – «смотри/посмотри». От высказываний с *позвольте/разрешите* (*позволь, я покажу/*

расскажу тебе), примеры с частицей *дай* отличаются большей категоричностью и авторитарностью говорящего, меньшей заинтересованностью в согласии адресата и санкционировании действия. Частица *давай(те)* имеет значение «предложения», запроса на санкционирование, она маркирует категорию вежливости.

Отдельное место занимают случаи употребления частицы *дай* в составе конструкции *дай + думаю + 1-е л. наст.-будущ. вр. СВ*. В них нет ни императивного, ни побудительного значения.

Ехал я в субботу поздним вечером по Пятницкой в центр, да дай, думаю, заеду в один клуб.

На днях поставил себе выхлоп, спойлер, накладку на бампер, помыл машину и дай, думаю, прокачусь.

Еду мимо банка и не могу вспомнить, положил я в этом месяце деньги или нет? Дай, думаю, заеду, вдруг не положил.

Эта конструкция используется исключительно в повествовательном контексте, в однородном ряду с формами прошедшего времени или настоящего исторического. На мой взгляд, эти конструкции схожи с конструкцией *возьми, да и (А он возьми, да и спаси из огня дочку влиятельного вельможи Лопухина)*, которая имеет значение неожиданного действия и является маркером категории экспрессивности.

Аналитические формы с *пусть/пускай + 1-е л. ед. ч. наст. вр. НСВ (наст.-будущ. вр. СВ)*

Пусть я кого-нибудь люблю: / Любовь не красит жизнь мою.

Пусть опять я горько ошибусь, / Пусть опять ни с чем я возвращусь, / Только без глаз твоих / Еще грустнее грусть.

Пусть я не узнаю, не верю, / Что любви твоей простыл и след.

И если я завтра воскресну, пускай я сегодня умру.

В «Русской грамматике» [11. Т. 1. С. 625] формы с частицей *пусть/пускай* перечисляются среди способов выражения побуждения 1-го л. ед. ч., хотя отмечается, что такие сочетания редки, значение побуждения в них сочетается со значением «желания, допущения, принятия». На мой взгляд, значение побуждения у данных конструкций отсутствует, значение же их колеблется от concessiva до optativa.

Формы чтобы + прошед. вр. (чтобы я тебя больше не видел!)

Несмотря на ярко выраженную каузативную семантику (говорящий своим высказыванием пытается каузировать Р, где Р = прекращение общения), данная конструкция является, скорее, optativом, поскольку ситуация расценивается говорящим как неконтролируемая. То же самое значение может быть выражено без эксплицитных форм 1-го л. (*Чтоб ноги твои больше здесь не было! Чтоб духом твоим здесь не пахло! Так и быть, переночевать сегодня переночуй, но завтра чтоб тобой здесь и не пахло!*). От optativa (например, *Чтоб жила ты до ста лет, горести не зная*) рассматриваемые случаи отличает наличие явной прескрипции, у которой есть получатель и исполнитель. Возможно, подобные конструкции следует рассматривать в качестве промежуточных между императивом и optativом. Отметим, что ряд исследователей выделяют фактитивный optativ, описываемый как промежуточное значение между optativом и императивом. Термин фактитивный optativ был предложен в работе Н.Р. Добрушиной [13] для значения разного рода благословений и проклятий. У фактитивного optativa отмечается наличие каузации, но отсутствует исполнитель каузируемого действия. Добрушина работает в основном с кавказскими языками, для русского языка подобрать пример затруднительно, поскольку речевые формулы проклятий и пожеланий не мыслятся носителями русского языка как способные вызвать к жизни соответствующую ситуацию. Тем не менее, наиболее близкими к фактитивному optativу в русском языке можно считать примеры типа: *Чтоб я сдох! Чтоб я так жил! Лопни моя селезенка!* Выражения *Чтоб я так жил!* отличаются от выражений типа *Чтобы я тебя больше не видел!* тем, что во втором случае имеется исполнитель действия, но выражен он

не грамматически (как в императиве), а лексически (местоимением). В императиве разница между каузацией 2-го л. и непрямой каузацией 3-го л. выражается разницей в форме (*Уходи! Пусть уходит!*) В конструкциях *чтобы + прошедш. вр.* эта разница выражена лексически (*Чтоб я тебя больше не видел! Чтоб я его больше не видел!*)

Формы выражения автопобуждения в сербском языке

В «Синтаксисе современного сербского языка» [14. С. 660] отмечается, что высказывания с автопобуждением довольно редки, но тем не менее они рассматриваются как члены категории императивности.

Как и в русском, в сербском языке нет синтетических форм, выражающих побуждение 1-го л. ед. ч. Мы не считаем целесообразным рассматривать формы автопобуждения в сербском языке в качестве равноправных членов императивной парадигмы и категории императивности, однако считаем интересным рассмотреть автопобуждение как смежное с императивностью языковое явление.

Особенностью сербского языка является наличие полифункциональной и полисемичной конструкции *da + present*, которая охватывает целый спектр значений, включая желательность и побудительность.

Конструкция *da + present*

Da otvorim novu temu onda. (Открою-ка я тогда новую тему.)

Evo da vam, drage moje i dragi moji, ispričam jednu svoju istinitu priču koja se davno, davno dogodila... (А вот расскажу-ка я вам, дорогие мои, одну правдивую историю, которая случилась очень-очень давно...)

Da ti ja ispričam nešto iz mog života da bi te lakše razumeo. (Давай я расскажу тебе кое-что из моей жизни, чтобы тебе было легче меня понять.)

Da nađem žrtvu da mi opere sudove. (Найду-ка я жертву, чтобы мне посуду помыла.)

Da pomognem nekima da se odluče da prestanu da puše. (Давайте я помогу кое-кому решиться бросить курить.)

Vojo, da ti objasnim kako najlakše sliku da postaviš. Tako ja radim. (Воя, давай я тебе объясню, как легче всего залить картинку. Я сам так делаю.)

В [14. С. 1027–1028] конструкция *da + present 2-го л.* рассматривается как редуцированный вариант эксплицитной перформативной формулы с модальным глаголом. Конструкция *da + present 1-го л.* рассматривается только в вопросительных предложениях (*Da idem?*), в которых конструкция с *da* рассматривается как носитель дополнительного иллокутивного аспекта неуверенности, что сближает рассматриваемую конструкцию с потенциалом. С нашей точки зрения аспект неуверенности (для выявления которого изолированного высказывания недостаточно, а требуется более широкий контекст) может быть привнесен вопросительной формой, в то время как конструкция *da + present* может выражать намерение совершить действие. Как и в русском языке, здесь отсутствует значение каузации и императивности, хотя выделяются желательность и контролируемость. В отличие от русского языка, именно эта форма употребляется в сложносочиненных императивных предложениях (*Вы идите, а я останусь. Idite vi, a ja da ostanem.*)

Разновидностью конструкции *da + present* является конструкция с побудительной частицей *hajde da + present*:

'Ajde da pokušam da ti objasnim, pa ćeš valjda skontati, mada za to ne treba puno inteligencije. (Попробую-ка я тебе объяснить, тогда, может быть, ты поймешь, хотя для этого большого ума не надо.)

Hajde da prelistam engleski na brzinu i da spavam. (Просмотрю-ка я быстренько английский и спать.)

Ajde da vam i ja pokažem što sve imam od šminke. (Давайте-ка я вам покажу, что у меня есть из косметики.)

Значительной модификации значения частица *hajde* не вводит, но лишь усиливает значение побуждения. Однозначного соответствия в русском языке нет,

все вышеприведенные примеры можно перевести как с частицей *давай(-ка)*, так и с частицей *-ка*. Можем предположить, что, как и аналогичные высказывания в русском, данные побудительные высказывания не имеют семы каузации, но имеют сему контролируемости действия.

Конструкция *daj(te) da + prezent*

Еще одной побудительной частицей, усиливающей побуждение и образующей аналитическую побудительную конструкцию, является частица *daj(te)*.

Јој, комшинице, дајте да вам помогнем. (Ой, соседюшка, давайте я вам помогу.)

Дај да те испланирам, баš да видим како ћеш ти испати. (Дай я тебе все спланирую, как раз посмотрю, что из тебя выйдет.)

Немој ми те клишее као санјачу те, бићеш ми у сновима и сл, дај да ти будем на јави. (Не надо мне этих клише, типа я буду видеть тебя в снах, и т.д., пусть я у тебя буду наяву.)

Частица *daj(te)*, по-видимому, усиливает апеллятивный компонент высказывания. Можно провести аналогию с русской частицей *дай* и ее значением «не мешайте».

Детальное описание значений сербских частиц лингвистам еще предстоит, а нам бы хотелось обратить внимание на такую особенность сербского языка, как большая частотность и широкая употребительность конструкций автопобуждения с глаголами восприятия, которые, по сути, являются побуждением 2-го л.

Автопобуждение с глаголами восприятия

Кажу да је Македонија највише напредовала па да видим како стоје ствари. (Говорят, что Македония добилась наилучших результатов, ну, посмотрим, как дело обстоит.)

Да видим линк у које то време Будимпешта била српска. (А ну-ка, покажи ссылку, когда это Будапешт был сербским.)

Ајмо, војвођани, да видим колико вас је. (А ну-ка, жители Воеводины, покажите, сколько вас.)

Да чујем шта каже онај ко тамо живи. (Послушаем-ка, что скажет тот, кто там живет.)

Девојке, да чујем ваше мишљење. (Девушки, скажите, что вы думаете.)

Да чујем мало критике, тоже и која похвала. (Покритикуйте немного, а можете и слегка похвалить.)

Videti и *čuti* (видеть и слышать) относятся к статическим глаголам, которые выражают состояние и имеют ограничения при образовании императива и выражении побуждения. В сербском языке конструкции *da vidim*, *da чујем* идиоматизировались и выражают каузацию 2-го л. Варианты перевода на русский язык могут быть различными, в том числе и императивом 2-го л.: *раскажи, покажи*. Также рассматриваемые два глагола имеют синтетические формы императива 2-го л. (*vidi ga!* – *посмотри-ка на него!*) и употребляется в оптативном значении в конструкции *da + prezent*: *Da видиш/видим још Кубу!* (Вот бы (тебе/мне) еще Кубу посмотреть!) Граница между оптативом и побуждением в данных случаях целиком зависит от контекста. Как для побуждения, так и для императива обязательным условием является то, что говорящий/прескриптор полагает, что адресат/получатель прескрипции в состоянии выполнить требуемое каузируемое действие. Если действие посилено адресату и его выполнение зависит от адресата, то мы имеем дело с прескрипцией – *da vidim линк (покажи-ка ссылку)*, если выполнение желаемого действия напрямую от адресата не зависит, то значение высказывания становится оптативным – *da vidim Кубу (увидеть бы/посмотреть бы Кубу)*. В контексте просмотра рисунков (при использовании метонимии) *da vidim Кубу* приобретает прескриптивное значение (*покажи-ка Кубу*).

Также конструкция *da + prezent глаголов восприятия* может употребляться в 1-м л. мн. ч., а это не подразумевает, что у каузируемого действия будет несколько исполнителей (в отличие от побуждения к совместному действию (*da idemo*),

но означает, что у каузируемого действия будет несколько бенефактивов (*da vidim* – покажи мне, *da vidimo* – покажи нам).

Большую роль для выяснения точного значения конструкции и наличия/отсутствия каузации играет экстралингвистический контекст. В высказывании *Da vidim gde sam ostavio mobilni*, скорее всего, нет призыва к совершению действия (русским эквивалентом будет *Посмотрим-ка, где я оставил телефон*, а не *Покажи, где...*) Минимальные контексты зачастую бывают недостаточными и неоднозначными – *Hajde baš da vidim tekst* (*покажи, дай посмотреть*).

Формы так называемого автопобуждения (1-го л.) не входят в категорию императивности, однако некоторые формы, традиционно причисляемые к «автопобуждению» (*daj* *примерю*, *daj da vidim*), не имеют значения побуждения 1-го л., а имеют значение побуждения 2-го л. Их статус остается спорным. Также некоторые формы, традиционно не рассматривающиеся в качестве императивных (типа *чтоб я тебя больше не видел* или *hajde, da vidim to čudo*), вполне могут считаться грамматической периферией категории императивности (в силу наличия значения каузации), в отличие от форм, часто рассматривающихся как относящиеся к императивным средствам (типа *съем-ка*, в которых значение каузации отсутствует).

Кроме того, можно отметить, что русский язык обладает средствами усиления апеллятивности (*дай/давай*), которые интерпретируются иногда как показатели побуждения или императивности. Частица *давай* призывает адресата санкционировать действие, а частица *дай* каузирует невмешательство адресата в действие, поэтому формально схожие частицы формируют разные конструкции, которые по-разному относятся к категории императивности: побуждение с *давай* может быть рассмотрено как смежное с императивностью, побуждение с *дай* (которое практически всегда может быть переформулировано с использованием грамматической формы императива 2-го л.) может считаться периферийным способом выражения семантической категории императивности. В сербском языке имеется форма с *daj* с аналогичным значением, в остальных же формах побуждения 1-го л. ед. ч. наблюдается омонимия форм опатива и императива и разграничение двух категорий возможно только в контексте. В целом бы хотелось отметить необходимость терминологически разграничить понятия «императивности» (повелительности), как понятия более узкого, включающего обязательный компонент значения «речевая каузация», и «побуждения» как понятия более широкого, обозначающего желательность действия для говорящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вержбицка А.* Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика.
2. *Бирюлин Л.А., Храковский В.С.* Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций. СПб., 1992.
3. *Барентсен А.* О побудительных конструкциях с исполнителем 1-го лица // Dutch contribution to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam; New York, 2003.
4. *Гусев В.Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс на соиск... канд. филол. наук. М., 2005.
5. *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1970.
6. *Južnoslovenski jezici: gramatičke strukture i funkcije.* Beograd, 2009.
7. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива Русский императив. Л., 1986.
8. *Перцов Н.В.* Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
9. *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М., 2006.
10. *Якобсон Р.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
11. *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1, 2.
12. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава, 1960. Ч. 2.
13. *Добрущина Н.Р.* К типологии опатива // Исследования по теории грамматики. М., 2001. Вып. 1: Глагольные категории.
14. *Sintaksa savremenoga srpskog jezika.* Beograd, 2005.

Voisinages fragiles. Les relations interconfessionnelles dans le Sud-Est européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: contraintes locales et enjeux internationaux / Éd. par A. Anastassiadis (École Française d'Athènes. Mondes Méditerranéens et Balkaniques 5). Athènes, 2013. 335 p.

Хрупкое добрососедство. Межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Европе и в Восточном Средиземноморье. 1854–1923: местные противоречия и международные вопросы / Ред. А. Анастасиадис (Французская школа в Афинах. Средиземноморский и балканский миры, 5)

Сборник статей является публикацией материалов коллоквиума, проходившего 26–28 сентября 2007 г. в Афинском французском институте. 18 статей сборника охватывают период от начала Крымской войны до Малоазийской катастрофы 1922 г. Участников объединила тема Восточного вопроса и судьбы Балкан и Восточного Средиземноморья во второй половине XIX – начале XX в.

Столкновение этнополитических интересов восточнохристианских народов, колониальные амбиции великих держав, боровшихся за сферы влияния – все это делало ситуацию в Восточном Средиземноморье крайне нестабильной, что нашло отражение в удачно выбранном названии сборника. Роль конфессионального фактора в этой борьбе уже неоднократно подчеркивалась, однако вопрос и по сей день нельзя считать достаточно изученным.

После общего вступления (А. Анастасиадис), следуют тексты статей, которые тематически делятся на четыре части. Первая из них посвящена Балканам в свете Танзимата – реформ в Османской империи XIX в. Во введении (К. Костис) показывается динамика процессов на Балканах в течение XIX в. в контексте европейской истории. Открывает раздел статья Ш. Вердейля «Маронитский бунт против иезуитов? Конфликт, переговоры и защита по поводу

раздела воды в Ливанских горах в 1864 г.». На примере одного небольшого эпизода из маронитско-иезуитского противостояния, борьбы за источник воды в Газире, автор дает широкую картину постоянного напряжения между местными христианами и иезуитами, которые являлись главным проводником французской политики в Сирии с 1843 г. После резни христиан в 1860 г. Наполеон III отправил отряд для их защиты, а консул в Бейруте воспользовался ситуацией, чтобы провести «образцовый» процесс в защиту своих протекже. Французское правительство учредило стипендии для учеников католических школ с целью обеспечить себе надежных людей из маронитов. Все эти меры, однако, как показывает небольшой сюжет, рассматриваемый автором, не могли гарантировать мирного и доброжелательного отношения к французским миссионерам со стороны местного христианского населения.

Статья А. Либратоса «Не только католики, но даже цыгане. Эпизод из болгарского униатского движения» переносит нас на Балканский полуостров. Автор исследует историю обращения в унию значительной части населения Малко Тырново в 1861–1862 гг. Для работы среди болгар папа Пий IX использовал две конгрегации французских католических миссионеров – ассомпциониста Эммануэля д'Алзона и польских

эмигрантов. С целью нейтрализации агитаторов Константинополь командировал митрополита Анфима Преславского (будущего экзарха Болгарского). Как показывает А. Либератос, обращение жителей в унию не было результатом предварительной миссионерской работы, или организации школьного образования – эти методы использовались позднее. В данном случае католики воспользовались недовольством населения эксплуатацией во время Крымской войны. В результате миссии Анфима к июню 1862 г. из 1000 униатских семей в Малко Тырново остались только 270, а к концу года всего 60. Автор полемизирует с традиционной трактовкой принятия унии болгарскими как этапа национально-политической борьбы против фанариотов. Успех унии был основан на болгарском протонационализме, она была актом национальной идентификации. «Греческое» и «болгарское» в то время, говорит автор, не объективная данность, а результат политического противостояния, сложный социально-идеологический процесс.

Западнобалканскому региону посвящена следующая статья «Интерконфессиональные отношения и этничность в позднеоттоманском Косово (1870–1913)» (Е.А. Франк). Автор не считает возможным говорить о национальной вражде между сербами и албанцами в позднеоттоманское время. До Первой балканской войны религия была доминирующим фактором в балканской политике. Е. Франк поднимает проблему наличия этнического конфликта в конце XIX в. Страх христианского населения перед мусульманами, по наблюдениям автора, отчасти подогревался докладами сербских и русских консулов. Статья основана на сербской прессе; сербские и русские дипломатические архивные документы автора не привлекались.

Исследование М. Методиевой «Движение за реформы и дебаты между мусульманами в Болгарии, 1895–1908» по-новому освещает жизнь болгарских мусульман. Автор не согласна с традиционной точкой зрения на болгарские мусульманские общины, согласно которой они были только жертвами и страдали. На основе материалов прессы и архивов показано, как среди малограмотного мусульманского населения (на 1900 г. они составляли 17 % от общего населения Болгарии, и грамотных среди них было 4 %), постепенно формируется новая мусульманская интеллигенция. После ухода С. Стамболова с политической

арены, с середины 1890-х годов началась эпоха большей свободы для мусульман, стали издаваться мусульманские газеты. Следующим толчком явилось младотурецкое движение, была предпринята попытка реформ образования, основан союз учителей-мусульман.

Вторая часть сборника имеет заголовок «Иностранные миссии и политико-религиозная жизнь глазами иностранцев». Во введении (П. Кабанель) говорится о французских миссиях на Востоке и доминировании французов в католических миссиях. Во французской литературе Франция отождествлялась с католицизмом, в то время как Германия с протестантизмом.

Статья Д. Тримбура «Немецкие католики и Палестина. Призвание католическое, призвание политическое» сразу разрушает этот стереотип и показывает широкую картину активности немцев-католиков. Немецкая католическая организация в Палестине сформировалась в 1895 г. путем слияния двух более ранних организаций. В 1879 г. был основан Палестинский комитет, в 1885 г. – Палестинское общество немецких католиков, которое насчитывало 20 000 членов, а к 1890 г. – 30 000. В отличие от немецких протестантов, немецкие католики не должны были противостоять французским католикам. В 1892 г. немецкие лазаристы в Иерусалиме встретились с угрозой замещения лазаристами французскими, однако Париж не пожелал вступить в столкновение с рейхом. Немцы осуществляли свою пропаганду в рамках Kulturkampf: усиление национализма наблюдается особенно после 1895 г. В 1898 г., во время большого путешествия кайзера Вильгельма по Востоку, Берлин настаивал, чтобы Пиави, прогерманский латинский патриарх Иерусалима, оставался на своем посту, вопреки французскому натиску. В результате место Успения на Сионе было отдано султаном кайзеру для немецких католиков. Таким образом, делает вывод автор, немецкий протекторат de facto использовал те же инструменты, что и французский.

Императорскому православному палестинскому обществу посвящена статья Е. Астафьевой. Автор рассматривает научную деятельность общества в период 1882–1917 гг., деятельность В.Н. Хитрово, Б.П. Мансурова, П.И. Рязского, проекты русского археологического института в Палестине. Интересным представляются обосновываемый автором тезис о реконфессионализации русской науки в конце

XIX в. Изложение основано на материалах АВПРИ и периодической печати; российские исследования последних 20 лет, к сожалению, в статье не учитываются.

Конец преобладания Франции в ближневосточных миссиях является предметом статьи Ж. Боке «На службе религии и цивилизации. Политические и религиозные стратегии миссионерских обществ и ограничение общественной деятельности Франции в Леванте (1900–1925)». Французская миссия уделяла большое внимание влиянию школ и пропаганде французского языка, что было залогом экономического успеха. Западной пропаганде противостояла Россия, осуществлявшая протекторат над православным населением. Автор ставит вопрос, была ли политика Третьей республики имперской или колониальной. Сложная обстановка противостояния британских амбиций, американских филантропов, соперничества католических стран – Германии, Франции, Италии, Австро-Венгрии. В начале XX в. все большую роль играют местные религиозные движения. В период британского мандата в Палестине наблюдалось свертывание миссионерства; христианские конгрегации арабизовывались, в то же время усиливался протестантизм, распространялся английский язык.

Статья Н. Дановой «Протестантские миссии в Болгарии в XIX в. и модернизация болгарского общества» имеет целью показать широкую картину деятельности протестантов в Болгарии. Начало пропаганды было положено в первых десятилетиях XIX в. библейскими обществами. Особенно активной была миссия в Пловдиве. Борьбу против миссии предпринял русский консул в Пловдиве Н. Геров. Другими очагами протестантского миссионерства стали Стара Загора и Велико Тырново. Автор уделяет внимание деятельности П. Славейкова и изданию пропротестантской газеты «Зорница», а также активизации миссии при А. Батенберге.

Третья часть охватывает проблемы прямой активности миссий на христианском Востоке и деятельности европейских держав на Балканах и в Восточном Средиземноморье.

В статье С. Анагностопулу «Христиане, мусульмане и приход английского льва. Религиозные власти Кипра перед лицом британской колониальной власти (1878–1884)» рассматриваются последствия Танзимата на Кипре и столкновение османского прошлого с британским колониальным

владычеством. После Берлинского конгресса 1878 г. и принятия конвенции 4 июня 1878 г. Кипр стал сначала полуколонией, а затем окончательно колонией Великобритании. Прибытие британского комиссара воспринималось так же, как и турецкого вали. Автор рассматривает обращение к комиссару Кипрского архиепископа, как главе миллета, в котором проводится византийская идея «закон есть царь», что согласно и с османской логикой «царь есть закон». На первом этапе британского владычества существовала опасность отделения религиозной власти от политической, и тогда религиозные главы теряли бы политическую власть, столь важную для них в османский период. Британские власти следовали принципу разделения властей и дистанцировались от местных религиозных глав. Принцип миллетов нейтрализовал модернизацию, т.е. гражданскую организацию общества. Духовенство Кипра возглавило борьбу за объединение острова с Грецией. Мусульманские же власти играли между сопротивлением колониационным властям и сотрудничеством с ними.

Сложная этнополитическая ситуация была в исследуемый период и на Крите, что показано в статье Н. Андриотиса «Этнорелигиозные противоречия на Крите и вмешательство европейских держав (2-я половина XIX в.)». Автор концентрирует внимание на динамике конфессиональной ситуации на острове во второй половине XIX – начале XX в. Крит подвергся сильной исламизации еще начиная с войны 1645–1669 гг. В городах мусульмане составляли 70% населения, в деревнях 18%. Несмотря на некоторое количество криптохристиан, после хатт-и-хумаюна 1856 г. небольшая часть мусульман объявили себя христианами. После восстания 1866–1869 гг. и войны 1877–1878 гг. многие греки уехали в греческое королевство, и их место в городах заняли мусульмане. После событий 1896–1898 гг. произошло резкое сокращение числа мусульман, особенно в сельской местности. Многие села опустели, и уже после Малоазийской катастрофы в них поселились греки-беженцы из Малой Азии. Хотя мусульманам были гарантированы права, но они подвергались нападениям со стороны вооруженных христиан. Последние мусульмане покинули Крит по Лозаннскому договору в 1923–1924 гг.

Завершает раздел статья И. Саботич «Иво Пилар, хорватская национальная община и национально-религиозная идентичность

в Боснии и Герцеговине в начале XX в.». Пилар, хорватский политик и просветитель, получил образование в Вене; дальнейшая его деятельность была связана с Боснией, территорией с пестрым конфессиональным составом (43% православных, 38% мусульман и 18% католиков). Пилар участвовал в создании хорватской культурной ассоциации католиков в Боснии и Герцеговине (1906). Между руководителями хорватской католической организации возникло разногласие, придавать ли организации характер чисто католический, или национальный. Если для епископа Стадлера религиозный и национальный принципы были равны, то для Пилара национальность стояла на первом месте. Весьма оригинальными были богословские воззрения Пилара: он считал, что хорваты должны вернуться к богомилству, чтобы освободиться от православия и католичества. Богомилство, считал он, было позднее успешно воплощено в англиканстве. Некоторые мусульмане также являются потомками богомилов, утверждал Пилар. Неудивительно, что утопические теории И. Пилара не имели широкого резонанса в южнославянских землях. Пилар и Стадлер были противниками югославизма, и после Первой мировой войны идеям Пилара уже не было места в объединенной Югославии.

Четвертый раздел «Церкви и религиозные действующие лица перед лицом империй и местных реалий: централизм и/или приспособление» представляет еще один поворот темы сборника. Как показывает во введении К. Прюдон, старые методы французского миссионерства XVI–XVII вв. после Французской революции были реинтерпретированы в свете роста национализма и секуляризации общества. К концу XIX в. они еще раз подверглись переосмыслению, и папа Лев XIII (1878–1903) выдвинул католическую модель вселенской организации. Этим идеям противостояли русские проекты вселенского православия накануне Первой мировой войны. Греческие же церковные политики (Мелетий Метаксакис, Хризостом Пападопулос), опасаясь конкуренции России в деле восстановления православного царства, надеялись на помощь Англии.

Статья Н. Клайер «Иезуитские миссионеры и их адаптация в мусульманском окружении в оттоманской Албании» представляет картину католической миссии в Албании. Успеха среди мусульман иезуиты практически не имели; в католичество переходили

только представители православного населения. Интересными были методы иезуитских проповедников в мусульманской среде – для борьбы с магией они пользовались похожими средствами: распространяли воду Св. Игнатия, медалыоны и крестики, и даже выдавали обереги в противовес оберегам мусульманским. Среди местных христиан практиковались многие мусульманские обычаи, например, празднование Рамазана, выдача дочерей замуж за мусульман; бывали случаи перехода в ислам. Наряду с этими особенностями миссии в Албании, католики действовали и традиционными методами – открыли семинарию (1862), коллегиум (1877), типографию, издавали журнал, помогали бедным и проч. Деятельность финансировалась главным образом Австро-Венгрией, имевшей особые политические виды на этот регион.

Попытке экуменического диалога между католиками и православными посвящена статья Л. Петтинарели, рассматривавшего акцию папского престола среди беженцев из России в Константинополе в 1917–1923 гг. Русским эмигрантам (их было по разным подсчетам от 24 до 40 тыс. человек) была организована помощь апостольским делегатом Дольчи. Апостольская делегация рассматривалась Ватиканом как стратегически важная для установления контактов с «отделившимися церквями». 1 апреля 1922 г. был открыт пансион Св. Георгия для русских мальчиков, который просуществовал там до 1923 г., а затем был перемещен в Париж, и далее в Медон. Успеха в деле обращения русских эмигрантов в католичество эта миссия не имела. Митр. Анастасий (Грибановский) специально просил Дольчи допускать русских священников к русским детям в католических школах. Аналогичная миссия действовала на Кавказе среди армян, грузин и русских.

Тему англикано-православного диалога продолжает А. Анастасиадис в статье ««Англикано-православный Ватикан» в Константинополе? Межконфессиональные отношения, имперские мечты и игры власти в Восточном Средиземноморье в конце Великой войны». Утопические планы создания православного анти-Ватикана, англикано-православной ойкумены, Нового Рима, простирающегося от Калифорнии до Сибири, включая Англию, Средиземноморье, Балканы и Ближний Восток – таковы были идеи, вынашивавшиеся Мелетием Метаксакисом и Хризостомом Пападопулосом. Предполагалось сближение православия

с англиканством на базе общей нелюбви к католицизму и создание «Сообщества церквей» наподобие Лиги наций. Центром будущего объединения должен был стать Фанар, анти-Ватикан.

Наконец, завершает сборник статья Дж. Кроче «Греция и Ватикан от 1918 до начала 30-х годов. Проекты конкордата и межконфессиональной полемики». Католический «микромир» Греции, который до начала XX в. сосредотачивался главным образом на островах Архипелага, должен был претерпеть большие испытания в XX в. В 1912 г. архиепископом Афинским становится Луи Пети, знаменитый ученый-византист. В целом католическое духовенство встретило дружелюбное отношение со стороны греческого правительства и его премьер-министра Э. Венизелоса, который надеялся на помощь Франции в осуществлении своих планов реализации Великой идеи. В декабре 1921 г. Ватиканом был выдвинут проект конкордата с Греческой церковью. Малоазиатская катастрофа имела, однако, неблагоприятные последствия для диалога православных с католиками, и переговоры постепенно сошли на нет.

Данный сборник является еще одним важным шагом в комплексной разработке сложнейшей и многогранной проблемы

религиозно-политической борьбы в Восточном Средиземноморье во второй половине XIX – первой половине XX в. Статьи сборника новаторские и основаны на широком круге архивных материалов. Конечно, не со всеми выводами авторов можно согласиться, но очевидно, что только неангажированный и разносторонний подход к вопросам национальной, конфессиональной и политической борьбы в регионе дает возможность избежать однобокости и предвзятости в освещении ситуации на Балканах и Ближнем Востоке в данный период. Нельзя правильно оценить роль важного для нас русского фактора в церковно-политической жизни Ближнего Востока без глубокого изучения деятельности католических и протестантских миссий и политики стоящих за ними держав. Несомненно, что именно в XIX – начале XX в. сформировались основы тех отношений в регионе, которые действуют и по сей день; актуальность подобных исследований очевидна. В заключение хотелось бы пожелать организаторам коллоквиума и инициаторам публикации его материалов дальнейших успехов и вовлечения в свою работу более широкого круга специалистов.

© 2015 г. Л.А. Герд

Славяноведение, № 1

Й. ГЕШЕВА. Консерваторите, партията, личностите и изграждане на българската държава 1879–1886 гг. София, 2013. 404 с.

Й. ГЕШЕВА. Консерваторы, партия, личности и строительство болгарского государства 1879–1886 гг.

Пожалуй, редко, когда заглавие столь объемно раскрывает содержание книги, посвященной консерваторам – этим «непрерывным» участникам политической жизни любого государства. Книга составлена из ряда вышедших в разное время и в различных изданиях переработанных статей, числом семнадцать, в которых представлена теория и практика консерваторов в государственном строительстве с обрисовкой портретов их выдающихся представителей.

Если говорить о штампе под названием «новизна», то она определяется, прежде всего, тематикой и задачами работы по созданию первого комплексного исследования феномена болгарского консерватизма

в контексте общественно-государственной и политической мысли Болгарии.

По сути, сложнейшая проблематика, поставленная автором, не канула в Лету и не потеряла своего значения в современности, когда сама политическая жизнь в Болгарии напоминает «горную реку».

Хронологическое пространство книги вполне обосновано, охватывая период от возрождения болгарской государственности с соответствующим набором партийных институций до распада консервативной партии к 1886 г. и детронации ее первого князя Александра I Баттенберга.

Выдвинутая автором цель – «показать политические принципы, идеи, мироощущение и предпочтения болгарских

консерваторов, начиная от ранней эпохи, наступившей после Освобождения. В частности, сопоставить их с консервативными ценностями тогдашних европейских экономистов, и, прежде всего, – отграничить консерватизм от либерализма, от либеральных представлений и доктрин по устройству и управлению государством, в сферах народного хозяйства и развития земледелия, и промышленности, отношения к людям, к главе государства, к проблемам общества и к законам, к ценностям и свободе мысли» (с. 5) – все это достигается через освещение и исследование соответствующего набора задач.

Одна из существенных характеристик представленного труда заключается в его основательности: работы предшественников и современных историков органично входят в ткань собственно авторского текста и, как результат, сюжетная линия приобретают новые краски, иное звучание.

Имея определенную информацию о политической жизни в княжестве, могу сказать, что моя болгарская коллега внесла свой, значительный, вклад в знание о предмете исследования, феномене болгарского консерватизма, именно болгарского, когда некоторые консерваторы то именовали себя конституционалистами, то «чистосердечными» консерваторами, то вдруг пытались создать партию в основном из интеллигентов, то называли себя «народной». Можно даже сказать, что они все время были в поиске себя, и, одновременно, в утверждении себя своеобразными спасителями отечества. Впрочем, эта миссия была свойственна всем политическим партиям.

Для меня история больше всего раскрывается в тех, кто в ней участвует, творит ее, через лидеров, вождей, через людей, для которых власть есть средство не только для реализации собственных амбиций, планов, но и возможность строить государство. Для Болгарии – это была даже не «возможность», а необходимость, связанная с возрождением болгарской государственности при непосредственной помощи, военной и дипломатической, России, представители которой часто участвовали в управлении страной. Именно персонафицированная власть стала главной, по моему мнению, темой ряда авторских статей. Гешевой прорисованы политические портреты таких деятелей, как Константин Стоилов, Димитр Греков, Тодор Бурмов, епископ Климент Браницкий и, конечно, Александр I Баттенберг.

Все они в разных ракурсах были представлены неоднократно, достаточно вспомнить Симеона Радева и его капитальный труд «Строителите на съвременна България». Однако сам процесс возрождения болгарской государственности настолько сложен и извилист, что эта тема будет всегда привлекать внимание исследователей: иными словами она вечна.

Так и Й. Гешева рисует свои портреты болгарских деятелей консервативной партии. В портрете Стоилова обращают на себя внимание его суждения о политических правах граждан, которые представляют собой один из видов «роскоши общественной жизни», причем в некоторых ситуациях, находящихся под контролем властей (с. 61–62). Такого рода мысли и сейчас современны, создавая головную боль для разного рода властей во многих странах.

Чтение страниц о Димитре Грекове, адвокате, депутате, министре, премьер-министре, «одной из самых интереснейших личностей в болгарской истории», позволяет воссоздать начальную картину политической жизни болгарского народа, деятельности Учредительного собрания и, одновременно, показать на его фоне портрет самого Грекова. Он предстает как поборник объединения болгарского народа, яростный противник упоминания в конституции слов о вассалитете княжества и, например, мало кто знает, как противник наследования престола представительницами женского пола, так как, по его мнению, на престоле нужна «сильная рука» (с. 79). На основе привлекаемых многочисленных свидетельств, исследований Й. Гешева рисует портрет Димитра Грекова с разных ракурсов. Это и человек слова, который считал, что давший обещание депутат не может его изменить. (Как это непохоже на нынешнюю элиту.) И картежник и «язва», и гуляка, приятель Стамболова, и в то же время Греков с его «эпикурейской натурой» был самым даровитым и умнейшим в кабинете Константина Стоилова на посту министра правосудия (с. 86–87).

Эти две статьи интересны еще и тем, что в них воссоздается чрезвычайно яркая атмосфера Учредительного собрания по выработке первой конституции: споры, размышления, разногласия мнений, стычки характеров и пр. и пр.

В книге есть еще два «консервативных» портрета: Тодор Бурмов и митрополит Климент, занимавшие посты премьер-министров. Вместе с ними обрисованы и их коллеги

по кабинету министров. Без имен этих первых государственных деятелей не обходится ни одна история, связанная с возрождением болгарской государственности. И мне было чрезвычайно интересно узнать, что примет автор для обрисовки традиционных портретов. Надо сказать, Й. Гешева здесь пошла проверенным путем, сделав ставку на привлечение самых различных материалов – старых и новых – для того, чтобы обогатить устоявшуюся сумму сведений. Здесь можно и нужно говорить о своеобразном расцветивании автором текста с помощью коротких вставок, свидетельствующих о различных сторонах характера, о знакомствах, о впечатлениях иных лиц о героях авторских штудий, вплоть до обрисовки физических черт. Именно это придает тексту определенную живость, простоту, которая бывает так необходима во многих чересчур засушенных ученых трудах. Конечно, были и новые моменты, прямо относящиеся к государственной деятельности персоналий, и самому управлению, например, в сфере таможенной политики, в области помощи беженцам из Македонии и Траки (с. 221), позволяющие говорить о приращении исторического знания о том периоде, который, казалось, изучен вдоль и поперек. Иными словами, прошу прощения за трюизм, история неисчерпаема как атом.

Теперь об отношении консерваторов к своему князю и о монархической идее. Сначала у меня мелькнула мысль: «А, зачем? Все и так хорошо известно». Однако по мере чтения я изменил свое мнение, прежде всего, по соотношению консерваторы – князь. Тексты обеих статей написаны плотно, хотя не премину заметить, что можно было бы не включать в текст некоторые общеизвестные факты. Но, я понимаю автора: тогда пострадала бы целостность картины. Именно целостность, разнообразие источников, комбинация информации – все это привело к обогащению исторического знания о, казалось бы, простеньком сюжете о «любви» консерваторов к Александру I Баттенбергу, к размышлениям, что не часто бывает при чтении текстов, о природе власти и ее носителях в судьбоносное время для возрождающегося болгарского государства.

Именно стремлением автора представить по возможности полную картину, посвященную монархической идее, обуславливается соответствующий материал в книге. Конечно, главное здесь опять-таки отнюдь не новизна факта, хотя и она есть, а само прочтение прелюбопытной идеи

болгарского монархизма при тогдашнем состоянии настроений в болгарских «низах» и «верхах» с их консерваторами, радикалами, либералами и прочими конституционалистами. Текст заставляет думать – это основное.

По сути, книга представляет собой историю консерваторов, активных участников строительства болгарского государства, поэтому, естественно, в нее включены тексты по режиму полномочий, отношениям с либералами, по теме объединения болгарского народа. Если говорить в общем, то, как и прежде, авторские строки отличает органичность, разнообразие источников, стремление к созданию целостной картины тогдашней бурной политической жизни княжества. Все это, разумеется, надо воспринимать с поправкой на консервативный акцент при освещении тех или иных событий.

Достаточно емко обрисованы положительные меры, предпринятые властью, в разных сферах жизни княжества. Не забыта, в частности, поддержка болгарских школ в Македонии (с. 241–242). В то же время есть и места, требующие большего авторского внимания. Прежде всего, это относится к деятельности в правительстве русских генералов Л.Н. Соболева и А.В. Каульбарса, искавших союза с либералами, выступавших против консерваторов, видевших в них некое австрийское орудие влияния.

Именно России в политике консервативной партии посвящен отдельный текст, построенный с привлечением различных, в том числе архивных, материалов. Обрисованы лица, факты, различные сюжеты, связанные с позитивом и негативом отношений консерваторов к политике русских представителей в княжестве, да и к самой России. Автором подчеркнута мысль К. Стоилова, что Болгарии необходимо поддерживать хорошие отношения со всеми великими державами, вести самостоятельную политику, в которую не будет вмешиваться ни Россия, ни другие державы (с. 385).

И, разумеется, в книге имеется блок текстов, связанных с идеологией, программой консервативной партии, ее социальной структурой и составом, с участием в строительстве «новой Болгарии». Здесь достаточно большое место уделено самому феномену консерватизма в Европе, его зарождению и развитию на болгарских землях, особенностям и принципам консерватизма, в том числе и в болгарском варианте. Подчеркнуты черты, как сближающие

болгарский консерватизм с классическим, так и отличные от него. На идеологии и программах консерваторов я не буду останавливаться, могу лишь отметить, что эти сюжеты выстроены на большом количестве разнообразных источников, обогащают знание о предметах исследования, что особенно ценно.

Именно целостность, комплексность присущи сюжетам, связанным с социальной структурой консерваторов. Привычная схема, привязанная к богатству как одному из основных черт болгарского консерватора, у автора отсутствует. Она подчеркивает, что в результате длительного труда удалось собрать материалы, связанные с социально-бытовой, нравственной и психологической характеристиками консервативной партии,

позволившие ей провести соответствующий анализ (с. 133). Пожалуй, это самые интересные тексты, в которых, в частности, освещаются пути вхождения в консервативную партию, их имущественное положение, образование, профессия или занятие, степень участия в партийной жизни, в строительстве болгарского государства.

В целом, все у автора выстроено органично. Перед нами талантливо написанная книга, в которой освещена многогранная деятельность выдающихся участников строительства болгарской государственности – консерваторов. И повторю еще раз: прочитанное заставляет думать, вновь обращаться к истории.

© 2015 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 1

Г.И. ШЕВЦОВА. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913). М., 2012. 240 с.

Именно этими словами первый секретарь российской императорской миссии в Белграде В.Н. Штрандмана обозначил процесс оказания помощи больным и раненым сербским воинам и населению Сербии в 1912–1913 гг. Они вынесены в заглавие указанной книги, ставшей весьма заметным явлением в отечественном славяноведении, отечественной истории вообще. Актуальность данного труда определяется как необходимостью логического осмысления конкретных фактов оказания гуманитарной помощи Сербии со стороны России в годы Балканских войн, столетие со дня окончания которых отмечалось недавно, так и возможностью переосмысления, в широком смысле, политико-идеологических клише, сотворенных как в начале XX в., так и в более поздние времена. Необходимо также отметить и неослабевающий интерес к балканской проблематике со стороны широких кругов политиков, ученых, общественных деятелей, занимающихся вопросами формирования национально-государственной идеологии, в которой сербская историческая «составляющая» занимает по-прежнему чрезвычайно значимое место.

Не подлежит сомнению и научная новизна представленной работы, заключающаяся не только в раскрытии конкретных

аспектов оказания гуманитарной помощи, но и рассмотрении широкого спектра сопутствующих этому процессу идеологием, сформированных как на уровне правительственно-чиновного аппарата, так и в общественном сознании дореволюционной России. Весьма обширен, и, в целом, отвечает целям и задачам исследования представленный автором источниковый комплекс (автором дается обоснованная, хотя и небесспорная, его классификация), основу которого составляют материалы официального делопроизводства из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА Москвы), Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Архива музея Сербского общества врачей (Белград, Сербия) и прочих фондов отечественных и зарубежных архивов. Следует отметить и использованные автором источники личного происхождения: опубликованные (воспоминания В.Н. Штрандмана, Д. Поповича, С.Д. Сазонова и др.), неопубликованные (переписка А.П. Гартви́г – супруги российского императорского посланника в Сербии – с А.И. Гучковым, П.А. Тыртовым и др.); многочисленные

материалы периодической печати (статьи и заметки военных корреспондентов, политических и общественных деятелей).

Исходя из целей и задач работы, вполне весомо представлена и историография, посвященная, в основном, рассмотрению следующих частных проблем: гуманитарной помощи балканским славянам; развитию и особенностям благотворительной традиции в Российской империи в начале XX в.; практической деятельности Российского общества Красного Креста и прочих гуманитарно-благотворительных организаций в начале XX в. Весьма удачно выглядит и представленная автором «количественно-качественная» характеристика классифицируемых историографических произведений.

Монография включает в себя четыре главы, освещающих различные аспекты оказания гуманитарной помощи Сербии со стороны России в 1912–1913 гг. Первая глава книги посвящена проблеме формирования общественного мнения в России по вопросу помощи славянским народам, обоснованно в российской печати широкого спектра политизированных суждений по этому поводу. Не была обойдена вниманием автора и тема материальной помощи турецким военнопленным, которая не только была неоднозначно и крайне поляризованно освещена в печати и воспринята общественностью, но и, в широком смысле, высвечивала глубокие противоречия в духовно-нравственных приоритетах различных групп и слоев российского общества. Углубление «культурного шока» общества произошло и во Вторую балканскую войну, воспринятой многими как событие, приведшее к окончательному краху идею славянской культурно-исторической общности и смещению политических акцентов и спектра личностных симпатий/антипатий в сторону конкретных национально-государственных славянских/балканских образований.

Вторая глава монографии повествует о деятельности многочисленных общественных организаций России по оказанию гуманитарной помощи Сербии в 1912–1913 гг., что является несомненной заслугой автора, кропотливо извлекавшего из архивохранилищ и печатных изданий той эпохи крупицы сведений, которые можно было хоть как-то объединить для связного

и логического повествования, которое, в общем, удалось, но, в основном, в виде своеобразного справочно-статистического материала, превратившегося в серию мини-очерков о конкретных сообществах и их деятельности, как, порой, парадно-показушной, так и реальной, действенной. Автор вполне справедливо выделяет среди многочисленных «активистов» в деле помощи славянам на Балканах такие организации, как Российское общество Красного Креста (РОКК) и Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество, на плечи которых легла, после начала Второй балканской войны и сворачивания деятельности многих благотворительных сообществ, основная тяжесть всего комплекса мероприятий по организации гуманитарной помощи.

Третья глава исследования представляет масштабную картину конкретных мероприятий по оказанию врачебно-санитарной помощи Сербии в 1912–1913 гг. со стороны многочисленных отрядов РОКК, состоявших из добровольцев и действовавших, порой, на свой страх и риск, в неизменно тяжелых военных условиях. Автор убедительно доказывает, что заслуга РОКК заключалась не только в спасении многих тысяч жизней в дружественной Сербии, но также, по большому счету, в дополнительном утверждении международного авторитета России как в Сербии, так и в Европе в общем контексте целой серии как гуманитарных, так и военно-политических инициатив начала XX в.

Четвертая глава исследования, которую, во всяком случае, по ограниченному ее объему, следовало бы сделать не главой, а параграфом, повествует о благотворительной деятельности в Сербии супруги российского императорского посланника в Сербии А.П. Гартвиг, проделавшей, без преувеличения, огромный объем гуманитарно-благотворительных мероприятий, также способствовавших укреплению российских позиций на Балканах.

Исследуя способы, формы и следствия широкого гуманитарного «вмешательства» России в балканские дела, автор, что отчасти, не обходит вниманием проблему синтеза (либо отсутствия такового) комплекса историко-политических идей и общественных настроений, неизбежно проявившихся

в многонациональном и мультикультурном государстве (Российской Империи) при реализации таких масштабных интернациональных проектов, как «гуманитарный проект» 1912–1913 гг., хотя авторские рассуждения, особенно в вопросах «сотворения», либо «развенчания» мифов требуют привлечения дополнительного исторического материала для более убедительного отстаивания собственных творческих позиций. Автором осуществлен комплексный анализ ряда исторических источников, который позволил выявить наиболее значимые проблемы в решении гуманитарных задач, увидеть, помимо конкретных

многочисленных фактов «гуманитарного подвига», без преувеличения, имеющий право называться именно так, особый срез общественных настроений в России, приведший через несколько лет страну к масштабным социальным потрясениям. В заключение хотелось бы отметить, что отдельные, высказанные в контексте общего анализа работы Г.М. Шевцовой, критические замечания, не снижают позитивного, в целом, впечатления от представленного труда, который вносит значительный вклад в изучение славяноведения и балканистики.

© 2015 г. Д.А. Николаев

Славяноведение, № 1

И.Э. ЛЕВИТ. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Тирасполь, 2012. 237 с.

Автор монографии Изяслав Эликович Левит является крупным специалистом по истории Молдавии, Румынии и международных отношений в межвоенный период и годы Второй мировой войны. Автор более 150-ти научных и научно-популярных работ. В 1990-е годы эмигрировал в США, где продолжает плодотворно трудиться. В своих исследованиях большое внимание он уделяет изучению бессарабского вопроса. По этой теме за последние пятнадцать лет им опубликован ряд новых монографий, таких как «Движение за автономию Бессарабии в 1917 г.» (Кишинёв, 1997), «Молдавская Демократическая Республика» (Кишинёв, 2000), «Год судьбоносный: от провозглашения Молдавской республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1917 – ноябрь 1918 г.)» (Кишинёв, 2000) и др. В последнее время он активно включился в исследование истории Холокоста в Румынии и на оккупированных ею в годы Второй мировой войны территориях Советского Союза.

Рецензируемая монография посвящена анализу международных отношений в годы Первой мировой войны в период оккупации войсками Четверного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) большей части территории Румынии и после его поражения в октябре – ноябре 1918 года.

В работе подробно рассмотрены проблемы, связанные с обсуждением бессарабского вопроса на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг., и советско-румынские отношения.

В исследовании автор опирается на широкий круг источников: опубликованных и архивных материалов, ранее не известных документов, широко использует прессу того времени. Это позволило ему глубоко проанализировать исторические события и процессы, ввести в научный оборот малоизвестные факты, сделать обоснованные выводы, что в условиях весьма односторонних оценок со стороны румынских историков, обоснования ими прав Румынии на Бессарабию (часть территории бывшей российской империи, входившей в состав России более ста лет) представляет для историографии и общественного мнения особый интерес.

Первая глава книги посвящена предисловию Парижской мирной конференции. Автор подчеркивает, что на ход обсуждения державами Антанты на Парижской мирной конференции вопроса о Бессарабии негативное влияние оказывал тот факт, что Румыния, вступившая в войну в августе 1916 г. на стороне Антанты, 24 апреля (7 мая) 1918 г. заключила сепаратный мирный

договор с Четверным союзом, нарушив тем самым союзный договор с Великобританией, Францией и Россией. Более того в декабре 1917 г. – январе 1918 г. она ввела свои войска на территорию Бессарабии, а позднее и на территорию Буковины, по сути, оккупировав эти земли, хотя договором 1916 г. не была предусмотрена передача ей ни Бессарабии, ни Буковины. Чтобы расположить к себе Союзные державы, Румыния объясняла эту акцию «необходимостью борьбы с большевизмом» (с. 12–13, 25). И союзники впоследствии по достоинству оценили «вклад» Румынии в борьбу с Советской Россией.

И.Э. Левит рассматривает в тесной взаимосвязи события, происходившие в Бессарабии и Буковине. Анализируя национально-территориальный вопрос, он подчеркивает, что сложность этносоциальной структуры населения, как в Бессарабии, так и в Буковине влияла на политическую ориентацию партий и движений и выбор ими будущего государственного статуса этих земель. Неоднородное по национальному составу население Буковины разделилось после поражения в войне Австро-Венгрии, в состав которой Буковина входила вплоть до 1918 г., на два лагеря: украинцы Северной Буковины тяготели к Украине, а румынское население, преобладающее в Южной Буковине, стремилось к объединению с Румынией. Поэтому там появилось несколько политических движений, каждое из которых предлагало свой вариант решения территориального вопроса: от присоединения к Украине или Румынии до создания совместно с Трансильванией единой автономной области в составе федеративной Австрийской монархии (с. 11–12). Однако 15(28) ноября 1918 г. в обстановке осадного положения, объявленного в связи с вступлением румынских войск на территорию Буковины, Генеральный конгресс, собравшийся по инициативе «Румынского национального совета», провозгласил присоединение Буковины к Румынии (с. 14).

Еще более сложная обстановка, как показывает автор, складывалась в Бессарабии. Российско-румынское соглашение от 5–9 марта 1918 г., подписанное главой румынского правительства А. Авереску, по которому Румыния обязывалась вывести

свои войска в двухмесячный срок с территории Бессарабии, было сорвано Румынией, и румынские войска продолжали оставаться в этом крае. 27 марта (9 апреля) 1918 г. «Сфатул Цэрий» (Совет страны) объявил о вхождении Бессарабии в состав Румынии на правах автономии, а 27 ноября (10 декабря) – без всяких условий. Однако часть членов «Сфатул Цэрий» выступила против этого акта. Левит ссылается на протест десяти его членов против этого решения. В акте-протесте они писали о том, что решение «Сфатул Цэрий» от 27 ноября принималось в условиях «невиданного и недопустимого политического шантажа, насилия и фальсификации» (с. 22). На самом заседании не было кворума (присутствовали 48 из 162 членов), и резолюция о присоединении Бессарабии к Румынии принималась, когда в зале находилось всего 46 человек. До этого из состава Совета под нажимом румынских властей выбыло 18 его членов, главным образом, из крестьянской партии и фракции национальных меньшинств, которые выступали против вхождения Бессарабии в состав Румынии, а вместо них были кооптированы «надежные люди»; ряд членов «Сфатул Цэрий», такие как В. Рудьев, Т. Которос, В. Прахницкий, В. Чумаченко, которые на Третьем крестьянском съезде Бессарабии высказались против оккупации румынскими войсками Бессарабии, были расстреляны (с. 22). Левит показывает широкое движение среди различных слоев населения против политики румынских властей в Бессарабии, в том числе и в связи с присоединением Бессарабии к Румынии. Он опровергает утверждение румынских и кишиневских историков (В.Ф. Добринеску, О. Цыку) о том, что вышеназванные решения, обосновывающие правомерность присоединения Бессарабии к Румынии, можно считать «плебисцитарными», «спонтанными плебисцитами». В подтверждение своих выводов автор монографии цитирует письмо известного политического деятеля Румынии Н. Титулеску, направленное в начале Второй мировой войны румынскому королю Каролу II, в котором отмечается, что плебисциты для того, чтобы они приобрели силу международного права, должны проводиться в условиях свободы, а не применения военной силы (с. 24–25).

Кроме того автор подробно анализирует неизвестную ранее «Записку-меморандум» Комитета (Союза) освобождения Бессарабии, который из-за преследования румынских властей перебрался в Одессу. Записка была подготовлена к 1 января 1919 г. для предоставления ее Союзным державам (с представителями которых члены комитета поддерживали связи) и делегатам будущей международной конференции. Содержание записки сводилось к тому, чтобы доказать несостоятельность исторических, национальных и формальных мотивов, которые Румыния выставляла в качестве аргументов, чтобы обосновать свои притязания на Бессарабию (с. 35). В документе отмечалось, что в состав комитета входят общественные и политические деятели без различия партий, «тесно связанные с Бессарабией и болеющие за ее нужды» (с. 71). Этот документ также лег в основу выступлений деятелей российской белой эмиграции, участвовавшей в обсуждении бессарабского вопроса на Парижской мирной конференции. Заметим, в связи с этим, что официальные представители Советской России не были допущены на конференцию. Однако, чтобы подкрепить позицию Румынии, в Париж прибыла делегация распущенного ранее «Сфатул Цэрий», добивавшаяся «безусловного» присоединения Бессарабии к Румынии.

Во второй главе монографии И.Э. Левит рассматривает международные и внутривнутриполитические условия, в которых находилась Румыния в дни работы Парижской мирной конференции. Правительства западных стран, напуганные ростом революционных выступлений в Западной Европе, прилагали все усилия, чтобы ликвидировать власть большевиков и расчленив территорию Советской России. С этой целью в борьбу с Советской Россией активно подключались Румыния и Польша. В самой Бессарабии разгул террора и насилия румынских властей привел к крупному Хотинскому восстанию, жестоко подавленному силами румынской армии. Бессарабская политическая эмиграция, находившаяся в Одессе и ориентирующаяся в основном на Францию, поставила вопрос о проведении плебисцита в Бессарабии под контролем западных держав и призвала их не признавать

присоединение Бессарабии к Румынии. Не собиралось отказываться от Бессарабии и советское правительство, особенно в связи с революцией в Венгрии, которая крайне нуждалась в реальной помощи со стороны Советской России. Однако сложные международные условия, совместные усилия Румынии и западных держав в борьбе против Советской России, резкое ухудшение положения на фронтах Гражданской войны в самой России, интервенция на юге России и Украине не позволили советскому правительству предпринять конкретные меры для выполнения этих задач.

Румынские правящие круги и особенно премьер-министр Брэтиану проявили чрезвычайную активность, чтобы убедить представителей западных держав поддержать претензии Румынии на Бессарабию. Румынская делегация особый упор делала, как и прежде, на том, что «Румынии суждено оставаться точкой объединения против большевиков» с тем, чтобы она была в состоянии справиться с большевистской опасностью, «исходя не только из своих интересов, но и в интересах всей Европы и даже всей цивилизации» (с. 71).

Однако на самой конференции отношение союзников было весьма сдержанным. В работе Левита рассматриваются причины, по которым решения по территориальным вопросам затягивались: это и упоминавшийся выше сепаратный договор с Германией, аннулировавший союзный договор со странами Антанты, это и надежды на победу белогвардейцев в России, выступавших за единую и неделимую Россию, это и затягивание со стороны Румынии принятия гарантий в отношении прав национальных меньшинств и требований Союзных держав вывести румынские войска с венгерских территорий.

В третьей главе монографии подробно рассматривается ход обсуждения бессарабского вопроса на Парижской мирной конференции, анализируются позиции Союзных держав по бессарабскому вопросу, различия в точках зрения делегаций. Так, если Франция активно поддерживала Румынию, позиция США в лице министра иностранных дел Р. Лансинга была не однозначна. Лансинг считал, что обсуждение вопроса о территориальной принадлежности Бессарабии

в отсутствие делегатов от России не приемлемо (имея в виду представителей Белого движения). Но, как известно, российская эмиграция и руководители Белой гвардии выступали против присоединения Бессарабии к Румынии. Лансинг также предложил провести в Бессарабии плебисцит, на что Брэтриану ответил категорическим отказом (с. 100–105, 118, 168). 19 июня 1920 г. США объявили об отказе участвовать в работе конференции. Необходимо учитывать, что деловые круги Великобритании были заинтересованы в развитии экономических связей с Советской Россией (с. 144, 145). Поэтому английская делегация предложила отложить решение вопроса о Бессарабии. Разногласия между Союзными державами привели к тому, что вплоть до конца 1919 г. вопрос об окончательном определении и признании державами-победительницами послевоенных границ Румынии не был решен.

И.Э. Левит отмечает, что вопрос о послевоенных границах Румынии, который решался на Парижской мирной конференции, был гораздо более широким, чем вопрос о Бессарабии, и касался неурегулированности территориальных проблем с другими соседними государствами. Поэтому вопрос о национальных границах Румынии должен был решаться Союзными державами в комплексе с определением границ других государств. Как показал в своей работе Левит, на решение вопроса о Бессарабии оказывало влияние и развитие российско-румынских отношений, которые подробно анализируются автором. В обстановке контрастности польских войск и угрозы удара с юга армии П.Н. Врангеля Москва стремилась нейтрализовать Румынию, усадив ее за стол переговоров. Но Румыния всячески уклонялась от мирных предложений советского правительства и занимала в целом враждебную Советской России позицию (с. 172, 174, 177–183, 187). В этих условиях 28 октября 1920 г. был подписан документ, получивший название Парижский (Бессарабский) протокол о присоединении Бессарабии к Румынии. Документ подписали представители правительств Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии. Среди подписавших государств отсутствовала подпись представителя США.

Автор подробно анализирует Парижский протокол и обращает внимание, например, на ст. 7, согласно которой стороны признавали, что «устье Дуная, именуемое Килийским рукавом, должно перейти в юрисдикцию Европейской Дунайской комиссии, в чем естественно, были заинтересованы Англия и Франция (с. 188–189). Левит отмечает, что Парижский протокол от 28 октября подлежал ратификации парламентами государств, подписавших его, и только после этого он считался вступившим в силу. Однако Япония Парижский протокол не ратифицировала и, следовательно, он не вступил в силу (с. 190).

Подписание Парижского (Бессарабского) протокола вызвало протест РСФСР и УССР. В ноте, направленной ими Великобритании, Франции, Италии и Румынии, они заявили о том, что «они не могут признать имеющим какую-либо силу соглашение, касающееся Бессарабии, состоявшееся без их участия, и что они никоим образом не считают себя связанными договором, заключенным по этому предмету другими правительствами» (с. 190).

К сожалению, в монографии отсутствует заключение, и нет выводов, вытекающих из анализа всей этой весьма сложной проблемы в целом. Сомнительным, на мой взгляд, кажется утверждение, цитируемое Левитом, американского исследователя Ш.Д. Спектора о том, что «территориально своему увеличению Румыния обязана в одинаковой мере Ленину, а также французам и американцам» (с. 191). Напротив, на протяжении всего межвоенного периода советское правительство не признавало захват Румынией Бессарабии. Вероятно, а это можно лишь предположить, американский ученый считает, что, если бы не приход большевиков к власти в России, то по итогам Первой мировой войны Бессарабия осталась бы в составе российского государства. Однако история не знает сослегательного наклонения. Да и содержание самой работы Левита опровергает этот вывод, так как автор показывает, какие огромные усилия прилагало советское правительство для сохранения Бессарабии в составе России. В работе И.Э. Левит не приводит ни одного факта или документа, свидетельствующего о согласии Советской России на

передачу Бессарабии в состав Румынии. Однако неблагоприятные международные условия, объединенные усилия западных держав и Румынии позволили решить бес-

сарабский вопрос на данном этапе в пользу Румынии.

© 2015 г. Т.А. Покивайлова

Славяноведение, № 1

Semantyka Rosji na Balkanach. Warszawa, 2011. (Colloquia Balkanica. T. 1). 204 s.

Семантика России на Балканах

Книга «Семантика России на Балканах» открывает новую серию факультета «Artes Liberales» Варшавского университета (бывшего Института междисциплинарных исследований «Artes Liberales») под названием «Colloquia Balkanica». Как пишет Йоланта Суецка в предисловии к книге, серия «призвана стать форумом, на котором будут представлены результаты балканистических исследований, благодаря которым мы поймем особенности культурно-исторического объединения, возникшего в этом регионе. Для этого важны также национально окрашенные точки зрения, которые мы будем представлять, не пытаясь их истолковать каким бы то ни было “политически корректным” способом» (s. 7). Действительно, среди авторов первой книги – исследователи из Польши, Македонии, Болгарии, Албании, Греции. Образ России на Балканах ожидаемым образом оказался глубокой темой: после выхода рецензируемой книги ему была посвящена конференция, организованная Польской комиссией по балканской культуре и истории – отделением Международной ассоциации исследователей Юго-Западной Европы (МАЮВЕ/AIESEE) и факультетом «Artes Liberales» (см. подробнее: *Макарец М.М.* Конференция «Образ России на Балканах» // Славяноведение. 2012. № 5), а по материалам этой конференции ожидается выход в свет сборника статей (см. также издание со статьями российской делегации: *Образ России на Балканах*. Мифологемы, идеологемы, политические и культурные связи. Доклады российской делегации к международному коллоквиуму (Варшава, 7–9 ноября). М., 2011).

Первый раздел, озаглавленный «Исторические условия», открывает статья

Й. Суецкой «Образ соседства в кругу Slavia Orthodoxa на Балканах в XVIII в.». Материал статьи – работы балкано-славянских историографов Нового времени: Паисия Хилендарского, Йована Раича и Георгия Пулевского. Эти историографии объединяет не только исторический контекст, но и используемые источники, а также близость (во всяком случае, взаимопонятность) используемых языков по отношению друг к другу и к русскому языку. Через российские издания балканским народам становятся доступны произведения древних авторов, в которых ищутся исторические основания для национальной идентичности в новую эпоху. Название статьи Казимира Юрчака говорит само за себя: «Религиозно близкие, этнически чужие, культурно непонятные. Россия и русские в румынском восприятии с конца XVIII до начала XX в.». Значительное место в статье уделяется антироссийским взглядам румынской интеллигенции (Б.П. Хашдеу и др.). Валентина Миронская-Христовская в статье «Роль России в публикации сборника народных песен братьев Миладиновых» говорит о политическом и общественном контексте публикации «Сборника болгарских народных песен» К. и М. Миладиновых и о политике России в отношении македонского вопроса в этот период.

Второй раздел – «Миф. Общность по крови. Идеология» – также включает три статьи. Первая из них, «Создание мифа о России: Райна, княгиня болгарская» Николая Аретова, рассматривает миф о княгине Райне наряду со второй болгарской мифологемой России – «дедушкой Иваном» (*Дядо Иван*). Примечательно, что обе связанные с Россией мифологемы внушают скорее негативный образ болгар, но при

этом воспринимаются в Болгарии как свои и исконные. Мачей Фальский в статье «Общность крови, разная вера. Россия как знак в хорватских историософских нарративах до 1914 г.» описывает ситуацию, почти зеркально противоположную тому, что мы видим в Румынии: для хорватов русские этнически близки, но чужды конфессионально. Интерес к России обусловлен именно этнической близостью. На этом было основано распространение в хорватских землях в XIX в. убеждение, что Россия – государство, покровительствующее хорватам, их патрон, а иногда и защитница их интересов (s. 102). Ригельс Халили в статье «Далеко и близко – несколько замечаний об образе России в албанском культурном сознании» описывает совершенно иной случай: когда при отсутствующей этнической или религиозной общности основанием для связи с Россией (в данном случае – СССР) становится политическая аффилиация в середине XX в. Автор рассказывает об особенностях развития албанско-советских отношений вплоть до их разрыва в октябре–декабре 1961 г. Это наслаивается на традиционный образ славян как врагов, усиленный в XIX в. в связи с пропагандой панславизма и поддержкой Россией сербского государства в XIX–XX вв.

Третий раздел – «Россия путешественников. Россия левых. Византийская Россия» – также включает в себя три статьи, тематика которых отражена в названии раздела. Александра Иоанниду в статье «Путевые записки: греческие интеллектуалы в Советском Союзе» разграничивает две ипостаси путешественника – «западного путешественника-“гегемона”, который [...] стремится к доминированию и подчинению “дикого”, “нецивилизованного” туземца» (s. 129) и «политического паломника», левого интеллектуала, который отправляется посмотреть на ход политического эксперимента в Советской России. В центре внимания А. Иоанниду – четыре таких «паломника»: Никос Казандзакис, Темос Корнарос, Йоргос Теотокас и Элиас Венезис, посетившие СССР в разное время с середины 1920-х до начала 1960-х годов. Основные темы, к которым обращаются «политические паломники» – связь между Грецией и Россией (возводимые еще к византийскому периоду), фигуры советских

политических деятелей (Ленина, Сталина, Троцкого, позже – Хрущева), социальные условия и литературная жизнь в СССР. Общим для всех четырех путешественников оказывается предрасположенность к тем или иным оценкам: они едут в СССР с тем, чтобы подтвердить уже имеющиеся у них представления о жизни в этой стране.

Адам Кола подготовил статью под названием «Образ России в письмах югославских левых межвоенного периода. Мирослав Крлежа и Август Цесарец», что тематически продолжает как статью М. Фальского (речь идет о хорватах, но в другую историческую эпоху), так и статью А. Иоанниду, поскольку речь идет о восприятии СССР левыми. Этим обусловлены и некоторые схождения в исследуемом отношении к России: так, для хорватских левых было характерно восхищение Советской Россией («fascynasja Rosjā» – s. 151), но, посещая Кремль, они помнили и о деятельности Ю. Крижанича (s. 160). Конечно, это сильно отличается от доминирующей парадигмы в хорватском дискурсе о России XX в. (особенно последнего его десятилетия), когда определяющей становится позиция России в отношении разных сторон в войнах на территории бывшей Югославии, в хорватском дискурсе определяемая негативно.

Завершает раздел статья М. Куглеровой «*Юродивый* и его вариации в прозе Йордана Радичкова». Под вариациями образа юродивого в продолжение идей Ю.М. Лотмана рассматриваются *дурак* и *сумасшедший*. Показано, как в текстах Радичкова русско-византийский образ юродивого меняется и приобретает балканско-византийский колорит.

Примечательно, что при множественности балканских точек зрения на образ России они на самом деле складываются в некоторый многомерный образ, в котором можно наблюдать точки пересечения в самых неожиданных местах. Такой мультиплицированный и комплексный подход, безусловно, имеет право на существование и полезен тем, что, помимо его приложимости к отдельным традициям, он дает возможность увидеть некоторую балканскую целостность в ее многообразии.

2015 г. М.М. Макарецев

КОНФЕРЕНЦИЯ
«КРУГ ЖИЗНИ В СЛАВЯНСКОЙ И ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ»

4–6 декабря 2013 г. в Институте славяноведения РАН прошла конференция «Круг жизни в славянской и еврейской культуре», ставшая уже семнадцатой в рамках многолетнего международного проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия», осуществляемого центром славяно-иудаики Института славяноведения. Материалы всех конференций опубликованы, полные тексты сборников выложены также на сайте http://www.sefer.ru/rus/publications/culture_conf_publications.php

На конференции был поднят широкий круг вопросов, связанных с жизнью человека в ее разнообразных проявлениях: обряды перехода, магия жизненного цикла, культурные концепты «жизнь»/«смерть», «судьба», «здоровье»/«болезнь», «живое»/«неживое», «человеческое»/«нечеловеческое». Эти проблемы обсуждались на материале устных и письменных текстов, отражающих различные этапы и события человеческой жизни, – памятников языка, фольклора, литературы, философии, музыкальной культуры, изобразительного искусства.

На открытии конференции состоялась презентация сборника «Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции» (М., 2013), в который вошли материалы конференции 2012 г.

Первый блок докладов, объединенных тематикой круга жизни в народной и книжной культурах, открыло сообщение *С.М. Толстой* (Москва) «Жизнь после смерти в славянской народной традиции», в котором были рассмотрены представления славян о метемпсихозе (в центре внимания докладчика оказались сюжеты из разных славянских традиций о переселении душ умерших в других людей, животных и растения, о «живых мертвецах», о кладбище как земном локусе потустороннего мира, о загробной жизни души).

Доклад *О.М. Запретовой* (Москва) «Учит меня внутренность моя (Пс. 15:7): Тора и духовные искания поздней античности» был посвящен сравнительному анализу поиска человеком путей обретения истины в еврейской и христианской традициях поздней античности, когда формирующиеся в контексте параллельного сосуществования христианство и иудаизм искали ответы на одни и те же вопросы, обращаясь к Священному Писанию. Одной из ключевых тем как для иудаизма, так и для христианства являлся вопрос обретения человеком истины – божественного озарения «светом света» (Филон Александрийский «О наградах и наказаниях»), которому в докладе было уделено особое внимание.

В докладе *Е.Я. Федотовой* (Москва) «Смех и игра в библейском мире» исследовалась роль смеховых и игровых сюжетов в библейском нарративе, включая Ветхий и Новый Завет.

Основное внимание в докладе *Е.М. Сморгуновой* (Москва) «Библейские темы в русских рисованных картинках» было уделено библейским сюжетам в народных картинках (лубке), относящихся ко второй половине XVII – началу XX в., из коллекций Государственного Исторического музея (собрания А.П. Бахрушина и П.И. Щукина), Государственного Литературного музея (собрание С.А. Клепикова) и Российской государственной библиотеки искусств.

Доклад *А.Б. Ковельмана* (Москва) и *У. Гершовича* (Иерусалим) «Священный брак в Мишне и Бавли Киддушин» представил свою версию толкования трактата Киддушин, который некоторые исследователи Талмуда считают вторичным и неудачным, а докладчики, напротив, видят в его сложной композиции «второе дно». Трактат, посвященный галахическим вопросам заключения брака с женщиной, приобретения имущества (скота, рабов и пр.) и заповедям об отношениях между отцом и сыном, мужем и женой, рассматривался докладчиками как мифопоэтическая комбинация метафор сакрального брака между мужем (Богом) и женой (Израилем) и отношений отца (Бога) и сына (Израиля).

Доклад *Е.Д. Зарубиной* (Москва) «Между сакральным и мирским: гадательная книга Соломона бен Шошана “Магид давар” (XVI в.)» был построен на материале источника, впервые вводимого в научный оборот. Помимо палеографического описания рукописи и некоторых особенностей композиции текста были затронуты вопросы о социальной среде, в которой рукопись находила применение, символике художественной составляющей рукописи. Зарубина закончила свое выступление эффектной практической реконструкцией механизма гадания по исследуемой рукописи.

В докладе *У. Гершовича* (Иерусалим) «От законов траура к символическому значению субботы и праздников: Мишна. Моэд катан, гл. 3» рассматривался комплекс осенних праздников еврейского календаря как единое целое. Праздник Рош а-Шана с этой точки зрения имеет два аспекта – универсальный (для народов мира) и партикулярный (для Израиля). Анализ трактата «Моэд катан» (3:5,6), показывая символическое значение субботы и «праздников восхождения», дает возможность выявить в комплексе осенних праздников две системы, соответствующие двум символическим субботним циклам, которые завершаются эсхатологически осмысленным восьмым днем – Ацерет. Таким образом, в рамках комплекса осенних праздников формируется понятие универсальной, предназначенной для народов мира Субботы, завершающейся Избавлением.

Л.Н. Бимбат (Москва) в докладе «Рождение как календарная метафора в иудаизме и христианстве» провел сравнение годичного круга еврейских праздников и памятных дат с жизненным циклом человека (Рош а-Шана = рождение, весенний праздник Песах = юность, Шавуот = свадьба, летние посты, связанные с воспоминанием о разрушении Храма, = смерть), опираясь на тексты, входящие в годичный цикл синагогальных чтений. Особое внимание было уделено метафоре перехода от смерти к жизни в еврейской литургии и проведены параллели с христианской литургией.

Доклад *М.В. Вогмана* (Москва) «Мистическая интерпретация круга жизни в апокрифической литературе» ставил своей целью показать, что именно в ветхозаветных апокрифах и псевдоэпиграфах возникает представление о полноте вселенной, состоящей из многих частей, которое отсутствовало в литературе Первого Храма, и происходит перенос акцента с Бога на человека, который познает круг жизни.

В докладе *М.М. Каспиной* (Москва) «Заговоры от Лилит на ашкеназских амулетах для роженицы и младенца XVIII–XX вв.» шла речь о магических формулах на еврейских амулетах, наиболее частотных сюжетах заговоров от Лилит, именах ангелов и демонов. Были рассмотрены амулеты из коллекции Музея истории евреев в России, а также ряда частных коллекций. Имена Лилит и других женских демонов являются центральной частью ашкеназских амулетов XVIII–XIX вв., пишутся с огласовками и сами по себе являются оберегом от нечистой силы.

Дискуссию вызвал ряд положений доклада *А.З. Шапиро* (Москва) «“Так начинают. Года в два От мамы рвутся в тьму мелодий”»: “маме-лошн” в еврейской и славянской культурно-исторических традициях».

Доклад *Е.В. Хаздан* (Санкт-Петербург) «Еврейская свадьба в диссертации И.М. Пульнера» был посвящен изучению материалов для так и не защищенной кандидатской диссертации известного собирателя еврейского фольклора и этнографии 1920–1930-х годов И.М. Пульнера, хранящихся в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург). Большой интерес современных исследователей еврейской свадьбы могут вызвать матери-

алы, собранные И.М. Пульнером в ходе экспедиций по еврейским местечкам Белоруссии, Молдавии и Украины.

Следующий блок докладов на конференции был посвящен тематике похоронно-поминального обряда, отражении концептов «живое»/«неживое» в литературе и фольклоре.

В докладе *О.Е. Фроловой* (Москва) «Рождение и смерть человека в русских паремиях» рассматривались начало и финал жизненного цикла в жанре загадки. С одной стороны, были проанализированы способы кодирования и признаки, эксплицированные при представлении денотата загадки, который не связан ни с рождением, ни со смертью. С другой стороны, рассматривались денотаты «рождение» и «смерть» и способы их загадывания. Обращение к жанру загадки позволяет выявить признаки рождения и смерти, отходящие на периферию в лексикографических толкованиях соответствующих слов, но опирающиеся на традиционные представления о начале и конце жизни и проявляющиеся в жанре загадки.

В докладе *И.А. Седяковой* (Москва) «Непрожитая жизнь: смерть и погребение ребенка в славянской традиционной культуре» исследовалась тема смерти крещеного ребенка у славян. Докладчик проанализировала (на основе фольклорных текстов с мотивами предсказания смерти в детстве и мотивами сбывшегося проклятия, специфики оповещения о смерти ребенка, включая современные некрологи на Балканах, а также этнографических особенностей в погребении и поминовении детей) две формы ритуального поведения, когда в центре обряда находится сам умерший ребенок или его родители.

Н.В. Петров (Москва) в докладе «Семья после смерти: сюжет о ходячем покойнике и его локальные варианты (на материале мифологических рассказов русско-белорусско-пограничья)» подробно остановился на распространенном сюжете быличек о возвращающемся покойнике, который имеет ряд существенных отличий от подобных сюжетов в фольклоре стран Северной Европы.

В.А. Дымищ (Санкт-Петербург) в докладе «Зачем евреи ходят в синагогу? Поминовение умерших как новый обряд перехода» поделился опытом изучения еврейских общин, сохранившихся в небольших городах Украины, показывая, что функционирование религиозных общин всецело связано с неукоснительно соблюдаемым обрядом поминовения умерших: чтением молитвы «Кадиш» в течение 11 месяцев после смерти одного из родителей и затем – в годовщину смерти (йорцайт). Докладчик показал, как не занимавшая значительного места в жизни традиционной общины траурная обрядность в настоящее время превратилась в новый обряд перехода (приобщение прихожан синагоги к новой статусной и возрастной группе).

Доклад *Э.А. Иоффе* (Москва) «“До ста двадцати”»: связь погребения и поминовения с другими обрядами в еврейской традиции» выявил элементы еврейского похоронного обряда в других обрядах еврейского жизненного цикла (в свадебном обряде, при имянаречении, в памятных датах еврейского календаря, связанных с поминовением родственников, исторических личностей древности, святых праведников и т. д.). Особенности взаимосвязи похоронного обряда с другими обрядами в еврейской традиции представляют интерес для понимания этой традиции как целостной системы верований.

В докладе *С.В. Грунтова* (Минск) «Кладбище в аренду: места погребения в иудео-христианских имущественных отношениях и этнических стереотипах в Белоруссии в XIX в.» были рассмотрены две группы примеров, когда еврейское кладбище становилось объектом активных иудео-славянских контактов, в спектре от конфликта до диалога: случаи аренды еврейской общиной места под кладбище у христиан, представленного как отдельными социальными группами (крестьянами, дворянами), так и организациями (католическим монастырем); сюда же примыкают случаи переноса еврейских кладбищ по санитарным или иным требованиям. Вторую группу составили случаи, вызванные соседством еврейской жилой или хозяйственной застройки с христианскими кладбищами, а также случаи застраивания территории, которая ранее являлась христианским кладбищем. Названные случаи помогают лучше понять механизмы иудео-христианского взаимодействия в Белоруссии в XIX в. на примере ситуаций, связанных со столь важным для каждой общины

объектом социальной топографии, каким является кладбище. Доклад был дополнен интересным комментарием В.А. Дымшица о тенденции роста местечек в XIX в. и связанной с этим фактом галахической проблемой нахождения еврейского кладбища внутри условной городской стены, где проживала еврейская община.

Доклад *П.Ф. Лимерова* (Сыктывкар) «Еда для умерших: поминальные трапезы в коми традиции» на основе богатого этнографического материала показал особую важность трапезы для поминального обрядового комплекса коми-зырян. Основная функция трапез – установление коммуникативных отношений как между общиной и миром умерших, так и между членами общины.

Следующий блок докладов конференции касался проблематики круга жизни отдельного человека, определенного сообщества людей или целого социума.

В докладе *Ю.В. Ключковой* (Екатеринбург) «Жизнь артиста русской провинции: Павел Орленев и Алла Назимова» освещались вехи творческой судьбы двух великих артистов (несколько совместных театральных сезонов в российской провинции в 1901–1904 гг., связанных профессиональными и личными узами. Это редкая и счастливая ситуация, когда «круг личной жизни» вписывается в «круг жизни творческой», составляя цельную биографию артиста.

О.В. Белова (Москва) в докладе «“Круг жизни” в народных этиологических легендах» рассмотрела сюжеты и мотивы славянских этиологических легенд, посвященных теме «жизненного круга» (первотворение людей и первое рождение, появление в социуме тех или иных обрядов – крещение, имянаречение, происхождение смерти и т.д.). Подобные тексты отражают, с одной стороны, универсальные мифологические мотивы, а с другой – национальные и региональные особенности обрядности и ритуальности.

В центре внимания доклада *Г.А. Элиасберг* (Москва) «“Выйти из круга”»: семейный конфликт и женские образы в произведениях еврейской и русско-еврейской драматургии 1880–1910-х годов» был мотив семейной драмы в пьесах А. Гольдфадена, А. Марека, И. Гроссмана, Ш. Аша, Я. Гордина, И. Тенеромо, С. Юшкевича и Бен-Израиля, отразивших столкновение еврейского уклада и традиционной системы ценностей с новыми бытовыми и мировоззренческими тенденциями рубежа XIX–XX вв. Особое внимание было уделено судьбам героинь пьес Я. Гордина и И. Тенеромо.

Большой интерес вызвал доклад *Е.А. Сабанцевой* (Санкт-Петербург) и *М.В. Вятчиной* (Тарту) «“365 дней без тебя”»: время как социообразующая категория на примере интернет-сообщества “ждушечек”, посвященный закрытому виртуальному сообществу женщин, ожидающих из армии мужчин (мужей, братьев, женихов и возлюбленных). На основе анализа материалов включенного наблюдения были рассмотрены темпоральная обусловленность статусов членов виртуального сообщества, динамика поведения в пространстве группы в зависимости от «стажа» участницы, ситуации прерывания легитимного пребывания в группе и завершение (легитимное и нелегитимное) пребывания в статусе «ждушечки», например, путем вхождения в следующий обряд перехода.

Г.С. Зеленина (Москва) в докладе «“Обыкновенная история, или Как мы строили коммунизм”»: “круги жизни” советского еврея и их еврейские элементы» рассматривала разные «круги жизни» советских евреев: «личный» круг жизни человека, где главной спецификой советского контекста становится появление новых обрядов жизненного цикла (получение паспорта, вступление в партию и др.), заменяющих традиционные религиозные обряды; круг жизни советского еврейства как субкультурной исторической общности с повторяющимися в еврейской истории событиями и процессами (катастрофа, гонения, ассимиляция, эмиграция); «тематический» круг жизни, состоящий из таких «секторов», как работа, личная жизнь, отдых, досуг, друзья и т.д., где еврейское оказывается вписанным в «сектор» досуга, что очевидно заметно отличается от подобного круга традиционного еврея, для которого еврейское не было областью факультативного интереса.

Последний блок докладов на конференции был связан темой соседства.

Доклад *В.В. Мочаловой* (Москва) «“Новый Иерусалим явился в Познани”»: жизнь вечная, страсти и чудеса» был посвящен произведению польского каноника Томаша Третьера

(1547–1610), многократно переиздававшемуся в последующие века и содержавшему легенду о чудесах трех гостей, злодейски похищенных из костела в Познани. Идеологический замысел Третера (как и последующих публикаторов, переводчиков и редакторов его текста, пополнявшегося новыми, но семантически однотипными сюжетами о чудесном воздействии гостей и исцелении больных) был связан с дидактическим стремлением укрепить верующих в идее почитания тела и крови Бога, скрытого в гостях. Но семантика текста шире этой проповеднической задачи: Третер и другие католические авторы дают «наглядные» примеры уподобления круга небесной и земной жизни, цикличной сакральной истории – и происходящего «здесь и теперь», Познани – и Иерусалима («Новый Иерусалим возник в Познани в 1399 г.»).

Доклад *Р. Слюжинскаса* (Клайпеда) «Воспоминания литовцев о евреях (в окрестностях Биржай 1920–1940-х годов: современный взгляд)» был основан на материалах, собранных в ходе школы-экспедиции по еврейской этнографии и эпиграфике центра славяно-иудаики летом 2013 г. в окрестностях г. Биржай (Литва). Докладчик подробно проанализировал собранные интервью с точки зрения взаимоотношений литовцев с евреями, восприятия литовскими соседями еврейских религиозных и семейных праздников (свадьба, рождение ребенка, похороны), обратив внимание на не единожды высказанное информантами ощущение потери полноценной самобытности литовских местечек без еврейского населения.

Доклад *Н.С. Петровой* (Москва) «Литовцы и их соседи: фольклорные модели в бытовых рассказах (по материалам экспедиции в г. Биржай)» был посвящен особенностям восприятия этнических соседей литовцами в довоенном полиэтничном (в Биржае жили литовцы, евреи, поляки, латыши, русские, немцы) и поликонфессиональном (католики, лютеране, реформаты, иудеи, православные, старообрядцы) городе. Границы конфессиональных и этнических групп часто не совпадали друг с другом. Ситуация осложнялась распространенной практикой межэтнических и межконфессиональных браков. В таких условиях оппозиция «свой – чужой» становится сложной и многоуровневой, так как набор «различительных» и «разграничительных» признаков «своих» и «чужих» общностей является индивидуальным практически для каждого жителя.

А.Б. Мороз (Москва) выступил с докладом «“Еврейский текст” города Велижа», посвященным бывшему еврейскому местечку – г. Велижу в Смоленской обл., население которого после Второй мировой войны почти полностью сменилось. Тем не менее немногие старожилы города сохранили в памяти представление о еврейском Велиже и истории о евреях-велижанях. Эти нарративы, основываясь на реальных воспоминаниях, выстраиваются с использованием традиционных фольклорных моделей, образов и формул, а зачастую собственно фольклорные сюжеты, будучи помещены в контекст устной истории еврейского населения города, обрастают конкретными фактами, именами, деталями, становясь текстами эгоистории. Так, из двух источников – личных воспоминаний и фольклорных нарративов формируется локальный «еврейский текст».

В докладе *Ю.С. Буйских* (Киев) «“Перед кінцем світу будуть “йоги” по селах ходити зі своїм Богом...”: опыт конфессионального соседства в текстах современной украинской крестьянской традиции» рассматривались представления православных украинцев о протестантских общинах (свидетелях Иеговы, баптистах, пятидесятниках). Доклад был основан на материалах, собранных в Западном (Волынская, Ровенская обл., 2008–2010, 2012 гг.) и Центральном (Житомирская обл., 2011 г.) Полесье и на Буковине (Черновицкая обл., 2012 г.).

Доклад *А.А. Васяновича* (Киев) «Мифологизация “еврейских кучек” в современных метеорологических представлениях украинцев» был посвящен региональным особенностям представлений об ухудшении погоды в определенные временные промежутки весной (юг Украины) и осенью (запад и север Украины), которые принято называть «еврейскими кучками» (временем, совпадающим в традиционных украинских верованиях с еврейскими праздниками Песах или Суккот) .

Доклад *Ю.А. Крашенинниковой* (Сыктывкар) и *С.Г. Низовцевой* (Сыктывкар) «О коллективных прозвищах сельских жителей Коми края (на архивных материалах первой

трети XX в.)» был посвящен одному из феноменов традиционной культуры – прозвищному фольклору в его региональном аспекте. Было рассмотрено несколько лексико-семантических групп локально-групповых прозвищ коми, зафиксированных в 1930-е годы (материалы из рукописного собрания Национального музея РК).

На закрытии конференции участники отметили, что это была одна из самых удачных конференций многолетнего международного академического проекта «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия». На общем голосовании среди участников конференции была выбрана тема следующей конференции цикла: она будет посвящена символике чисел и нумерологии в славянской и еврейской культурной традиции.

Важным дополнением к программе конференции 5 декабря стала экскурсия в Музей истории евреев в России, первый частный еврейский музей в России, обладающий богатой коллекцией предметов иудаики ашкеназской общины бывшей Российской империи.

Сборник статей по материалам конференции планируется издать в 2014 г.

© 2015 г. *И.В. Копченова*

К ЮБИЛЕЮ ЗОФИИ ЗЕЛИНЬСКОЙ

В 2014 г. научная общественность Польши отметила юбилей одного из наиболее выдающихся современных польских историков, профессора Варшавского университета Зофии Зелиньской. Ее научные интересы сконцентрированы на проблемах политической истории Польши XVIII в. во взаимосвязи внутренних и международных факторов истории Речи Посполитой эпохи упадка шляхетской республики и разделов Польско-Литовского государства, в частности на вопросах модернизации политического и общественного устройства шляхетской республики, истории борьбы магнатских группировок и политических лагерей, эволюции польской общественной мысли и политической культуры. Говоря о проблематике научных трудов З. Зелиньской, нельзя не указать на особое место в ее научном творчестве трагической фигуры последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, а также на изучение его польско-российских отношений и взаимоотношений в треугольнике между Петербургом, Берлином и Варшавой.

Зофия Зелиньска родилась во Львове за год до окончательного разгрома гитлеровского нацизма, однако и в ее судьбе Вторая мировая война и ее последствия оставили глубокий трагический след. Детство и молодые годы пришлось на время Польской Народной республики, которая открыла ей путь к высшему образованию и научной карьере. З. Зелиньска окончила в 1968 г. Варшавский университет, с которым она неразрывно связана и до сегодняшнего дня, в 1977 г. она защитила докторскую диссертацию. Первая ее монография «Борьба “фамилии” за реформу Речи Посполитой» увидела свет в 1983 г. Время личностного и профессионального становления З. Зелиньской связано с Народной Польшей, однако в научном творчестве, в ее педагогической практике, в мировоззрении, в общественных позициях, в стиле общения видно гораздо больше черт, присущих польской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., нежели большинству наших «прагматичных» современников. Может быть, этот внутренний настрой повлиял и на выбор З. Зелиньской исследовательской проблематики, заключавшей в себе так называемый «главный вопрос» польской историографии XIX века? Может быть, в этом выборе сыграли роль выдающиеся предшественники З. Зелиньской – Ежи Михальский и Эмануэль Ростворовский, о которых, как о своих учителях, она всегда говорила с высочайшим почтением? Оба они стали рецензентами хабилитационной работы Зелиньской «Республиканизм под знаком булавы. Публицистика Северына Ржевуского 1788–1790 годов», посвященной эпохе Четырехлетнего сейма, которая была издана в 1988 г. тиражом всего в 100 экземпляров. В следующем, 1989 г., З. Зелиньска успешно прошла хабилитацию, а в 2002 г. была удостоена звания профессора – высшего научного звания в Польше, которое присваивается указом президента республики.

Начиная с рубежа 1980–1990-х годов, увидели свет еще ряд фундаментальных монографий З. Зелиньской (последняя из них «Польша в оковах “Северной системы” 1763–1766» вышла из печати в 2012 г.), многочисленные статьи, подготовленные ею ценнейшие публикации исторических источников. Так, совершенная исследовательская методика, мастерское владение исследовательским инструментарием, глубочайшее знание изучаемой эпохи и ее действующих лиц, высочайшая источниковедческая культура, скрупулезность и высокая требовательность к себе были проявлены З. Зелиньской в комментариях к

«Жизнеописанию Марцина Матушевича» – ценнейшего источника по истории Речи Посполитой середины XVIII в.

Особое место в научной работе З. Зелиньской принадлежит архивным изысканиям. Сосредоточив внимание как исследователя на последней трети XVIII в., З. Зелиньская изучила относящиеся к этой эпохе не только польские архивы, но также архивы Пруссии, Саксонии, Австрии и, главное, России. О российских архивах она писала, что те позволяют ввести в научный оборот «новые факты, фундаментальным образом изменяющие прежние представления». Скрупулезное внимание и увлеченность З. Зелиньской архивными исследованиями в сочетании с детальным изучением корпуса опубликованных источников стали весьма существенной чертой ее исследовательской методике. З. Зелиньска, как правило, выбирает в качестве темы своих работ проблемы, заключенные в относительно узкие хронологические рамки. Это позволяет привлечь к исследованию и подробно изучить максимально широкий круг разнообразных источников, что в свою очередь дает возможность не только сделать новые наблюдения и выводы, уточнить и скорректировать высказанные в историографии суждения, но и (что принципиально важно) верифицировать собственные оценки и концепции в той мере, в какой они подтверждаются новыми группами и комплексами источников или противоречат им. Такого рода методика требует от исследователя принципиального и критического отношения к своему труду, а также к вкладу в историографию коллег по цеху. И З. Зелиньска в полной мере соответствует этим избранным для себя правилам.

Тематика научных исследований З. Зелиньской относится к времени, когда великие европейские державы, прежде всего Россия и Пруссия, осуществляли, используя определение К. Цернака, «негативную польскую политику». Естественно, что такая политика русского правительства встречала на страницах ее трудов осуждение, но оценки всегда оставались в рамках строго научного исторического подхода.

В представлениях о России она всегда стремилась к объективному и непредвзятому пониманию места нашей страны в мире и в отношениях с Польшей. З. Зелиньска всегда выступала против эмоциональных антироссийских настроений, беспочвенных претензий к соседу на востоке, на что не раз указывала своим студентам и ученикам. Говоря об отношении З. Зелиньской к России, нельзя не упомянуть о многолетней и искренней дружбе, которая связывает ее со многими людьми в нашей стране, дружбе, которая с ее стороны была подкреплена не только искренним доброжелательным общением, но и деятельным сочувствием и участием, оказанной в трудный момент помощью.

Наряду с научной работой важнейшее место в творческой биографии З. Зелиньской занимает научно-педагогическая деятельность. При этом трудно сказать, какой из этих сфер принадлежит главная роль. Не много найдется людей среди университетских профессоров, которые с такой заинтересованностью и с такой ответственностью посвящали бы столь много времени и сил своим студентам, как это делает З. Зелиньска. Особо хотелось бы отметить ее методику работы со студентами по изучению исторических источников. Занятия эти органически сочетают изучение конкретно-исторических проблем с освоением методики источниковедческой критики. Заслуживает упоминания и магистерский семинар под руководством З. Зелиньской. В Варшавском университете он пользуется известностью как объединение людей, особо заинтересованных и увлеченных наукой. Наверное, число магистров – ее выпускников – не больше, чем у других профессоров. Однако среди них гораздо больше людей, которые предпочли служение науке иным, в материальном смысле более выгодным, сферам деятельности. Уже сегодня ряд учеников З. Зелиньской получили высокие научные степени, а их научные достижения признаны не только в Польше, но и за ее пределами. Поэтому можно, без опасения впасть в преувеличение, утверждать, что в Варшавском университете сформировалась научная школа профессора Зофии Зелиньской, которая стала заметным явлением в истории университета и польской исторической науки. В работе своего семинара З. Зелиньска уделяет немало внимания и стажерам из России. В последние годы под ее руководством проходили стажировку также историки – сотрудники Института славяноведения РАН.

В многогранной деятельности З. Зелинской видное место принадлежит научно-просветительской работе. Во многих городах Польши и за ее рубежами она не раз выступала с публичными лекциями, посвященными польской истории XVIII ст., видным общественным деятелям, деятелям науки и культуры. Остановимся только на одном примере. В течение года (с октября 2010 – по декабрь 2011 г.) в Варшаве в Королевском замке З. Зелинской совместно с руководством музея был организован цикл публичных лекций, объединенных общей темой «Станислав Август и его Речь Посполитая. Драма государства и возрождение народа». В осуществлении этого проекта приняли участие видные польские и зарубежные историки, а по его итогам был издан специальный том трудов (2013).

В многогранной работе З. Зелинской нашлось место и научно-организационной деятельности, хотя она сама не раз говорила, что к этой области питает наименьшую склонность. В 1990–1993 гг. она как вице-директор руководила работой Исторического института Варшавского университета. Этот период становления Третьей Речи Посполитой непосредственно после «падения» Народной Польши стал временем существенной перестройки всех общественных отношений в стране, в том числе и в области высшего исторического образования. В рамках Исторического института З. Зелинска возглавляла Отдел истории Нового времени. В 2000-е годы в ответ на настоятельные просьбы ряда видных польских общественных деятелей она организовала работу по созданию Высшей школы им. Эдмунда Бояновского, будучи в период становления нового высшего учебного заведения ее ректором. В задачи Школы входила, прежде всего, подготовка специалистов гуманитарного профиля, воспитанных в духе высоких принципов развития и распространения традиционных польских общественных и семейных ценностей. Предложил З. Зелинской эту работу, основатели Школы исходили из того, что ее высокий научный и моральный авторитет станут залогом позитивного образа и эффективной работы нового высшего учебного заведения.

Говоря о научной и общественной деятельности З. Зелинской, нельзя не упомянуть ее работы в качестве редактора и члена авторского коллектива в Польском биографическом словаре. Словарь этот является уникальным изданием в мировой научной практике, поскольку каждая из его статей представляет собой по форме и содержанию небольшую монографию. Эта стратегия издания была заложена еще его основателем В. Конопчинским, а затем продолжена и развита многолетним главой редакционного коллектива – Е. Михальским.

Весьма сжатое описание деятельности Зофии Зелинской дает все основания для самой высокой оценки ее вклада в науку и в более широкую сферу польской общественной жизни. Ее заслуги признаны и высоко оценены не только научным сообществом и общественностью, но и Республикой Польшей, удостоившей З. Зелинскую в 2010 г. Кавалерским крестом Ордена Возрождения Польши. Заслуженным авторитетом и уважением пользуется она и в России среди коллег-историков, а также искренним сердечным расположением ее друзей.

2015 г. *Б.В. Носов, С.М. Фалькович.*

Славяноведение, № 1

К ЮБИЛЕЮ ГРИГОРИЯ КУПРИЯНОВИЧА ВЕНЕДИКТОВА

13 ноября 2014 г. выдающемуся российскому болгаристу, доктору филологических наук, главному научному сотруднику Института славяноведения РАН, иностранному члену Болгарской академии наук Григорию Куприяновичу Венедиктову исполнилось 85 лет. Многочисленные научные труды Григория Куприяновича, среди которых прежде всего следует упомянуть его книги «Из истории современного болгарского литературного языка» (София, 1981), «Болгарский литературный язык эпохи Возрождения» (М., 1990), «Българистични студии» (София, 1990), «Исследования по лингвистической болгаристике» (М., 2009), снискали ему известность и заслуженное признание в научных кругах,

особенно в славянских странах. Общий же список научных трудов Г.К. Венедиктова насчитывает около 300 позиций, при этом все его работы отличает глубина содержания и высочайший профессионализм. Лингвистические в своей основе, труды Г.К. Венедиктова реализуют широкий комплексный подход к рассматриваемой проблематике и во многих случаях созданы на стыке ряда гуманитарных дисциплин.

Научно-творческая биография Г.К. Венедиктова неразрывно связана с Институтом славяноведения РАН. Окончив университетский курс, включавший в себя учебную практику при Софийском университете, а затем и аспирантуру филологического факультета Ленинградского государственного университета, он переехал в 1956 г. в Москву и поступил на работу в Институт славяноведения РАН (тогда Институт славяноведения АН СССР) младшим научным сотрудником. С тех пор Григорий Куприянович посвятил всю свою жизнь разным видам научной деятельности – научно-исследовательской, научно-организационной, редакторской. Основной, конечно, всегда была научно-исследовательская работа. За многие десятилетия упорного труда Г.К. Венедиктовым был собран колоссального объема материал – языковой, исторический, культурно-исторический. Особую ценность представляют исследования Г.К. Венедиктова в отечественных и зарубежных архивах. Этот солидный «запас» обеспечивает книгам и статьям Г.К. Венедиктова замечательную фундированность, теоретические концепции возникают в них как бы сами собой, органично «вырастая» из кропотливого и непредвзятого анализа фактических данных. И именно эти свойства трудов Г.К. Венедиктова сообщают им непреходящую значимость.

Круг научных интересов Г.К. Венедиктова довольно широк. Основными же направлениями его изысканий являются история современного болгарского литературного языка, грамматика болгарского языка, болгарская диалектология, история болгарского книгопечатания, история лингвистической болгаристики, история славяноведения. Работы Г.К. Венедиктова по истории болгаристики и славяноведения немало способствовали выявлению истинного характера культурных связей и культурного взаимодействия русского и болгарского народов на протяжении их истории. Особо следует отметить важность изучения Г.К. Венедиктовым научного наследия и личности Ю.И. Венелина – русского ученого, командированного в 30-х годах XIX в. Российской академией на территорию нынешней Болгарии, фактически открывшего для тогдашней европейской науки само существование болгарского языка, автора первой болгарской «Грамматики». Рукопись «Грамматики», не опубликованная, к сожалению, в свое время, была «похорона» в Архиве Академии. Усилиями Г.К. Венедиктова эта рукопись была подготовлена к печати и впервые издана с его вступительной статьей в 1997 г., получив широкий отклик в мировой славистике, позднее она была переиздана в Болгарии под ред. проф. П. Пашова.

Редакторская работа – важнейшее и плодотворнейшее направление научной деятельности Григория Куприяновича, успеху которой в немалой степени способствовало уникальное сочетание его высочайшей квалификации специалиста в своей области знаний и его человеческих достоинств – ответственности, добросовестности, доброжелательности и умения с уважением относиться к позиции автора. Немало сборников вышло под его редакцией, немало авторов индивидуальных монографий благодарно ему за помощь, которую он оказывал им в качестве ответственного редактора. Совсем еще молодым ученым, Г.К. Венедиктов в 1961 г. становится членом редколлегии КСИС (Краткие сообщения Института славяноведения), а со дня основания в 1964 г. журнала «Советское славяноведение» (теперь журнал называется «Славяноведение») – заведующим отделом языкознания этого журнала. В настоящее время Г.К. Венедиктов – член редколлегий журнала «Славяноведение», серийного издания «Славянское и балканское языкознание», член редакционных советов болгарских журналов «Български език» и «Език и литература».

Много сил и энергии всегда отдавал Г.К. Венедиктов и научно-организационной работе, с редкой ответственностью выполняя свои обязанности на всех постах, которые ему приходилось занимать – ученого секретаря сектора, ученого секретаря отдела, организатора многочисленных конференций, члена экспертной комиссии по филологии, заместителя председателя секции по культуре Советско-болгарской комиссии по сотрудничеству

в области общественных наук, члена Ученого совета Института славяноведения, члена специализированных советов по защите докторских диссертаций при Институте славяноведения и при филологическом факультете МГУ.

О признании научной общественностью заслуг Г.К. Венедиктова свидетельствует избрание его почетным членом Общества филологов-болгаристов Болгарии (1986), почетным доктором Софийского университета им. Климента Охридского (1998), иностранным членом Болгарской академии наук (2006). Неоднократно удостоивался Г.К. Венедиктов академических и правительственных наград, в том числе и болгарских: трижды он был награжден Почетными грамотами Министерства культуры Болгарии (1994, 1996, 2002), большой настольной медалью (2002), орденом Кирилла и Мефодия 2-й степени, медалью «25 лет народной власти», Почетной грамотой Общества филологов-болгаристов Болгарии, Почетным знаком Софийского университета с синей лентой, Памятным знаком «Самарский крест» (2014). В 2002 г. Григорий Куприянович удостоился одной из высших государственных наград Болгарии – ордена «Мадарски коник», который ему был вручен Президентом Болгарии.

© 2015 г. В.С. Ефимова

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Григорию Куприяновичу здоровья и творческих успехов.

Славяноведение, № 1

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА ИВАНОВИЧА КОСИКА

Неудержимо быстро течет время, и вновь наш коллега Виктор Иванович Косик, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, отмечает свой очередной юбилей. Он родился 24 ноября 1944 г., когда вся страна ждала Великой Победы.

Школа, служба в рядах Советской армии (1963–1966), наконец, поступление на Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. «Alma mater» сыграла огромную роль в жизни Виктора Ивановича, как, впрочем, и всех ее питомцев. Выбор кафедры истории южных и западных славян определил дальнейшую судьбу и научные интересы В.И. Косика.

Кандидатская диссертация «Отношения Болгарского княжества с Османской империей, Сербией и Румынией, 1879–1885 гг.», защищенная в 1983 г. после окончания аспирантуры в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, и докторская диссертация «Политика России и Болгарии, 1879–1894 гг.» (1993) были посвящены сложнейшим и малоизученным проблемам политической истории Болгарии и международных отношений на Балканах.

Счастливым обстоятельством в обширном послужном списке В.И. Косика – пребывание в 1977–1979 гг. в Белграде в качестве лектора Дома советской культуры в столице Сербии, позволило ему не только хорошо изучить эту славянскую страну, но и познакомиться со многими потомками первой волны русской эмиграции, соприкоснуться с их жизнью, прочитать книги, тогда недоступные в СССР. В частности, это относится к сочинению К.Н. Леонтьева «Восток, Россия и Славянство», которое затем вдохновило В.И. Косика на всестороннее изучение жизненного пути и творчества русского мыслителя, его философских размышлений о путях развития славянства, что вылилось в новую монографию Косика «Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему» (М., 1997).

В 1990-х годах, когда существенно расширилось исследовательское поле историков, была открыта тема русской эмиграции, в которую устремилось множество ученых. Но В.И. Косик нашел такую проблематику, которая находилась в стороне от основного потока публиковавшихся в то время монографий и сборников, – судьбы русского духовенства, вынужденного покинуть Россию после 1917 г. Без сомнения, архивным поискам, штудированию

разнообразнейшей прессы много способствовали личные встречи В.И. Косика, например, с епископом Василием (Родзянко), который надиктовал ему свои воспоминания.

Монографии В.И. Косика – «Русская Церковь в Югославии (20–40-е годы XX века)» (М., 2000), «Русское церковное зарубежье. XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии» (М., 2008), а также серия статей – раскрыли тему русского православия за рубежом.

Тема русской эмиграции, и не только духовенства, но и вообще русского человека, оказавшегося вдали от родины в силу революционных событий и политических перемен в России, захватила В.И. Косика, и была им продолжена в новых его монографиях – «Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы» (М., 2007. Ч. 1.); «Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе» (М., 2007); «Софии русский уголок» (М., 2008); «Русские краски на балканской палитре: Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века)» (М., 2010).

В.И. Косик обладает удивительной способностью располагать к себе людей, и многие из оставшихся в живых русских эмигрантов и их дети делились с российским историком воспоминаниями, предоставляли нужные документы из семейных архивов. Этот уникальный материал в соединении со скрупулезностью ученого, много лет ведшего поиски в архивах России, Болгарии, Сербии, помогли Виктору Ивановичу наполнить указанные монографии многоцветием сюжетов о судьбах русских изгнанников, которые не затерялись на просторах Балкан, смогли найти применение своим талантам и знаниям.

Изучение архивных материалов о Хорватской православной церкви, хранящихся в Хорватском государственном архиве, привели к появлению монографии «Хорватская православная церковь (от организации до ликвидации) (1942–1945): Взгляд из XXI века» (М., 2012). Автор раскрыл политическую обстановку в Хорватии, когда у власти стояли усташа, осветил создание и историю в той непростой ситуации новой церковной организации, которую возглавил архиепископ Русской зарубежной церкви Гермоген (Максимов).

В монографии «“Молодая Россия”: Вариации на тему национализма в маршах эпохи» (М., 2013) В.И. Косик рассказал об одной из самых крупных заграничных организаций, имевшей отделения во всех странах, где находились русские эмигранты. Широкое привлечение разнообразных, впервые вводимых в научный оборот источников, позволило автору выявить и проанализировать истоки, эволюцию младороссов, раскрыть богатство их теоретического наследия, которое в наши дни, как подчеркивает автор, не потеряло своей актуальности. Ставя и анализируя острый вопрос – отношение русской эмиграции к фашизму, Косик раскрывает сложность и неоднозначность политической обстановки в Европе в межвоенный период.

В.И. Косик является высокопрофессиональным историком-балканистом, в сферу интересов которого входят вопросы русской политики на Балканах в Новое время, русской эмиграции, истории балканских государств в конце XIX–XX вв., особенно изучение острых межэтнических конфликтов в Боснии и Герцеговине, Македонии, Косово. Этим сложнейшим сюжетам посвящена его новая монография – «Балканы: “порвалась цепь великая” (середина XIX – начало XXI вв.)» (М., 2014). Широка интерес и неординарность в подходах к решению изучаемых проблем, стремление по-новому рассмотреть сложнейшие вопросы, яркая авторская позиция – отличительные черты Косика-историка.

Мы от души желаем Виктору Ивановичу крепкого здоровья и творческого вдохновения в последующих исторических штудиях Балкан.

© 2015 г. *Коллеги*

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Виктору Ивановичу здоровья и творческих успехов.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Subaev R.R.</i> (Moscow). Imperial political and ideological tradition in South-Eastern Europe as a methodological principle of studying the history of Balkans: to the problem of nature of the «megaloides»	3
<i>Kossik V.I.</i> (Moscow). Constantinople – the Russian dream	22
<i>Khlebnikova V.B.</i> (Moscow). The role of dynastic ties between Russia and Montenegro in the building-up of political cooperation at the turn of the nineteenth and twentieth centuries	32
<i>Novoseltsev B.S.</i> (Mocsov). Nikita Khrushchov's note about his talks with Josip Broz Tito (January 1963)	42
<i>Yakushkina E.I.</i> (Moscow). The Serbian language historical lexicography and lexicology (a review of dictionaries and research)	56

REPORTS

<i>Leontyeva A.A.</i> (Moscow). Hereditary protocols of the qadi court in the Bulgarian lands in the seventeenth – early nineteenth centuries	65
<i>Milovanova T.S.</i> (Moscow). Mikhail Lermontov's work as perceived by Konstantin and Ivan Aksakov	71
<i>Pokivaylova T.A.</i> (Moscow). The riddle of the death of the commander of the 4th Romanian Army General Gheorghe Avramescu	77
<i>Shemyakin A.L.</i> (Moscow). Russian themes of Miroslav Jovanović (1962–2014)	82
<i>Fedorina G.A.</i> (Moscow). Doubling of the defenition with a possessive meaning in the Bulgarian language	87
<i>Steshevich V.Yu.</i> (Moscow). Imperative semantics in the first person in the Russian and Serbian languages	93

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Gerd L.A.</i> Voisinages Fragiles. Les relations interconfessionnelles dans le Sud-Est européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: contraintes locales et enjeux internationaux	101
<i>Kossik V.I.</i> Й. Гешева. Консерваторите, партията, личностите и изграждане на българската държава 1879–1886 г.	105
<i>Nikolaev D.A.</i> Г.И. Шевцова. Русский гуманный поход на Балканы (1912–1913)	108
<i>Pokivaylova T.A.</i> И.Э. Левит. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.)	110
<i>Makartsev M.M.</i> Semantyka Rosji na Balkanach	114

SCHOLARLY LIFE

<i>Kopchenova I.V.</i> Conference «The circle of life in the Slavic and Jewish cultures»	116
--	-----

JUBILEES

<i>Nossow B.V., Falkovich S.M.</i> To the jubilee of Zofia Zelińska	122
<i>Efimova V.S.</i> To the jubilee of Grigory Kupriyanovich Venediktov	124
To the jubilee of Viktor Ivanovich Kossik	126

Сдано в набор 01.10.2014   Подписано в печать 11.12.2014   Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100^{1/16}   Цифровая печать   Усл.печ.л. 10,4   Усл.кр.-отт. 2,4 тыс.   Уч.-изд.л. 12,0
Бум.л. 4,0   Тираж 226 экз.   Зак. 832   Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством «Наука» РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6